

В. В. Красных

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лекционный курс

Москва «Гнозис»
2002

*Издание осуществлено при участии
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Красных В. В.
Кр78 Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
ISBN 5-94244-009-3

Данный курс призван сформировать представления о том, что является универсальным и культурно-специфическим в коммуникации, дать инструментарий, помогающий анализировать речевое и коммуникативное поведение участников общения, показать возможные зоны коммуникативных неудач. Курс полезен для тех, кто планирует заниматься научной деятельностью, исследовать национальные ментально-лингвальные комплексы и дискурсы, а также для тех, кто будет осуществлять свою профессиональную деятельность в сферах, связанных с межкультурным общением, рекламой, связями с общественностью (PR) и т. д.

ББК81.2Р

© В. В. Красных, 2002

© Оформление. ИТДГК «Гнозис», 2002

ISBN 5-94244-009-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.

- Лекция 1.** Этнопсихоллингвистика (ЭПЛ) и лингвокультурология (ЛК). Объект и предмет ЭПЛ и ЛК. Актуальные проблемы ЭПЛ и ЛК. Место ЭПЛ и ЛК в ряду других наук. Общие теоретические положения. Лингво-когнитивный подход к коммуникации..... 9
- Лекция 2.** Лингво-когнитивный подход к коммуникации (продолжение). Ментефакты: определение понятия, представление единиц, система 28
- Лекция 3.** Прецедентные феномены: определение понятия. Социумно-, национально- и универсально-прецедентные феномены 42
- Лекция 4.** Прецедентные феномены: прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ) 60
- Лекция 5.** Прецедентное имя..... 79
- Лекция 6.** Прецедентное высказывание. Канон vs эталон. Соотношение прецедентных феноменов, когнитивных структур и когнитивной базы 100
- Лекция 7.** Система прецедентных феноменов: центр, периферия и зоны перехода. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований 116

Лекция 8. Клише и штампы сознания. Типы ассоциаций	140
Лекция 9. Фрейм-структуры сознания: определение понятия. Предсказуемые vs свободные ассоциации	161
Лекция 10. Понятие стереотипа. Понятие стереотипа в контексте современных исследований. Стереотипы vs прецедентные феномены ...	176
Лекция 11. Стереотипы vs прецедентные феномены (продолжение). Функционирование стереотипов. Культурное vs когнитивное пространство, когнитивное пространство vs база.....	191
Лекция 12. Национально-культурная специфика построения дискурса	213
Лекция 13. Коды культуры и метрически-эталонная сфера	231
<i>Указатель базовых понятий курса.....</i>	258
<i>Библиография.....</i>	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное состояние гуманитарной науки, с одной стороны, и объективные условия изменившегося мира — с другой, неотвратимо требуют нового осмысления проблем, как уже давно известных, так и актуальных для нового времени. И поэтому далеко не случаен всплеск интереса к таким молодым научным направлениям, как этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Необходимость ведения предлагаемого курса обуславливалась двумя основными причинами. Во-первых, это требование времени. Во-вторых, в наши дни появляется, к сожалению, слишком много работ, претендующих на статус этнопсихоллингвистических или лингвокультурологических, но на самом деле только декларирующих указанные подходы (а зачастую и дискредитирующих их). Я вовсе не считаю, что предлагаемый курс идеален, но я искренне надеюсь, что он поможет изучающим данные дисциплины разобраться, хотя бы в самых общих чертах, в том, что же такое на самом деле этнопсихоллингвистика и лингвокультурология.

Данный курс призван сформировать базовые представления о том, что является универсальным и культурно-специфическим в коммуникации, дать тот инструментарий, который поможет анализировать речевое и коммуника-

тивное поведение участников общения, показать возможные зоны коммуникативных неудач. Курс может оказаться полезным для тех, кто планирует заниматься научной деятельностью, исследовать национальные ментально-лингвальные комплексы и дискурсы как таковые и в сопоставлении, а также для тех, кто будет осуществлять свою профессиональную деятельность в сферах, связанных с межкультурным общением, рекламой, связями с общественностью (PR) и т. д.

Настоящее издание представляет курс лекций по этнопсихолингвистике и лингвокультурологии. Эта книжка может оказаться полезной для преподавателя, который собирается читать или читает аналогичный курс. Кроме того, она вполне может использоваться студентами, изучающими курс этнопсихолингвистики и лингвокультурологии, для подготовки к занятиям или к экзаменам.

Поскольку это курс лекций, то для меня было важным дать слушателям представление о наиболее значимых, наиболее интересных и актуальных проблемах, исследуемых указанными направлениями. Поскольку и этнопсихолингвистика, и лингвокультурология как научные дисциплины находятся еще в стадии своего становления, я опиралась при создании данного курса на отдельные научные исследования и публикации ученых из разных областей гуманитарного знания, особое внимание уделяя идеям самого видного и серьезного на сегодняшний день лингвокультуролога — проф. В. Н. Телия. Кроме того, во многом я опиралась и на результаты исследований, осуществляемых научным семинаром «Текст и коммуникация», постоянным участником которого я являюсь. В свете сказанного смею утверждать, что данный курс, в том виде, как он представлен на страницах этой книжки, является в достаточной степени авторским. Следует, очевидно, заметить, что концепция, которая предлагается в рамках данного кур-

са прошла апробацию и доказала, как я надеюсь, свое право на существование (в виде конкретных практических проектов и в виде докторской диссертации, защищенной в МГУ в 1999 году). Данный курс лекций как таковой прошел апробацию на филологическом факультете МГУ.

Предлагаемый текст не является «записью» звучащих лекций, он предназначен для того, чтобы на его основе преподаватель мог прочитать *свои* лекции, что-то добавив а что-то, возможно, и сократив. Студентам же этот текст даст необходимый минимум знаний по данному курсу.

В конце каждой лекции представлен список литературы, которая была использована при подготовке и написании самой лекции. Все указанные в списке работы желательны для прочтения или хотя бы общего ознакомления. Помимо этого в конце книги помещен список литературы по всему курсу, который включает в себя те издания, которые были использованы мною при написании курса. Преподавателям, читающим курс лекций, я бы рекомендовала познакомиться, безусловно, со всеми изданиями, указанными в книжке, тем более что это далеко не полный список работ, которые следовало бы знать каждому, кто занимается проблемами этнопсихолингвистики и лингвокультурологии.

В курс вошло 13 лекций. Число, конечно, не самое «удачное», зато оптимальное. Попробую объяснить: курс рассчитан на один семестр — от 10 до 15 лекций, в зависимости от конкретного учебного плана. Логика следования материала и его подачи такова, что границы между лекциями оказываются достаточно гибкими и могут слегка сдвигаться в ту или иную сторону, что позволяет укомплектовывать наполнение конкретной лекции по своему усмотрению. Лекционный курс предполагает обязательное «сопровождение» в виде семинарских занятий.

И последнее замечание: не стоит рассматривать данный курс лекций как максимально полный, исчерпывающий материал по этнопсихолингвистике и лингвокультурологии. Вовсе нет. Во-первых, это именно курс лекций, который призван познакомить с основами данных дисциплин (это своего рода минимум миниморум). Во-вторых, данный курс является второй лекционной дисциплиной в рамках специализации «Теория и практика межкультурной коммуникации» и имеет целью подготовить слушателей к последующим курсам и в первую очередь к курсам, посвященным русскому ментально-лингвальному комплексу и интерпретативному переводоведению. Все это также обусловило некоторую специфику отбора проблем, обсуждаемых в этом курсе, и материала, анализируемого в нем.

ЛЕКЦИЯ 1

Этнопсихолингвистика (ЭПЛ) и лингвокультурология (ЛК)

Объект и предмет ЭПЛ и ЛК

Актуальные проблемы ЭПЛ и ЛК

Место ЭПЛ и ЛК в ряду других наук

Общие теоретические положения

Лингво-когнитивный подход к коммуникации

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА и ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ЭПЛ И ЛК

Этнопсихолингвистика

относится к числу новых направлений научных

исследований", по свидетельству А. А. Леонтьева, в рамках Московской психолингвистической школы ЭПЛ исследования начались в 1970-х годах. Сегодня еще трудно говорить об ЭПЛ как о полностью сформировавшейся и оформившейся дисциплине. Правильнее будет сказать, что ЭПЛ находится в стадии своего становления и «как отдельная научная область скорее декларирована, чем действительно оформилась» (А. А. Леонтьев). И тем не менее мы можем уже сегодня определить ЭПЛ как такое направление, которое в самом ближайшем будущем будет претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины, и попытаться дать ее дефиницию.

Но начну я с того, что ЭПЛ выросла на плечах психолингвистики, до сих пор воспринимается многими исследователями как ее область (см., например, «Основы психолингвистики» А. А. Леонтьева, «Введение в психолингвистику» В. П. Белянина) и, следовательно, сохраняет многие ее черты. Самое главное, что нужно отметить и особо подчеркнуть сразу: как и психолингвистика, ЭПЛ носит сугубо интегративный характер.

Напомню, что в отечественной научной школе психолингвистика понималась и понимается как *теория речевой деятельности* (в широком понимании) и вписывается в общую теорию деятельности человека. *Основными ее постулатами* являются изначальная активность субъекта, его включенность в совместную деятельность, ведущая роль мотивации. Исходя из этого, можно сказать, что ЭПЛ понимается как *направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации*. Естественно, что общие принципы теории речевой деятельности едины для человека как биологического вида (*homo sapiens*). Значит, нам необходимо определить, что является национально и культурно специфичным, вычленив, описать и по возможности структурировать то, что предопределяет характерные черты национального дискурса, и факторы, обуславливающие особенности национального языкового сознания, специфику речевых операций, речевых действий, коммуникативных актов (целостных актов речевой деятельности) и организации процессов речевого общения и построения текстов.

Объект ЭПЛ— совокупность речевых событий или речевых ситуаций, имевших место в условиях национального дискурса.

Предмет ЭПЛ— национальный дискурс во всей совокупности своих проявлений и факторов, обуславливающих его специфику. Напомню, что дискурс понимается как вербализованная речемыслительная деятельность, предстающая как совокупность процесса и результата и обладающая двумя планами: собственно-лингвистическим и лингво-когнитивным. Дискурс как процесс есть сама вербализуемая деятельность. Дискурс как результат предстает

как совокупность текстов. Иначе говоря, собственно-лингвистический план дискурса связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Лингво-когнитивный план связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс). Дискурс является единым организмом, в котором одновременно реализуются самые разнообразные аспекты не только языка, но и языкового мышления.

В рамках ЭПЛ исследований необходимо, по мнению А. А. Залевской, учитывать сложное взаимодействие множества внешних и внутренних факторов при изначальной включенности индивида в социально-культурные взаимодействия. Помимо этого следует обращать особое внимание на соотношение человека говорящего (как носителя национально-культурно детерминированной совокупности знаний и представлений) со структурой и функциями речевой деятельности как таковой, с одной стороны, и национальным языком как главной «образующей» картины мира — с другой.

Целью ЭПЛ является описание и объяснение 1) особенностей функционирования национального языка как отражения и проявления национального ментально-лингвального комплекса; 2) специфики коммуникативного и в первую очередь речевого поведения представителей определенного национально-лингво-культурного сообщества; 3) характерных черт национального дискурса и тех факторов, которые предопределяют его национально-культурную специфику. Иначе говоря, эта дисциплина призвана исследовать национально-лингво-культурную, этнопсихолингвистическую детерминированность речевой деятельности, языкового сознания, общения.

Лингвокультурология — дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментального-лингвального комплекса.

Объект ЛК — язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка. Как пишет В. Н. Телия, «концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение и в естественном языке». То, что культура «включена» в язык, — факт неоспоримый, поскольку язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение. Язык обладает способностью накапливать и хранить в содержании единиц лексикона сведения о предшествующих (т. е. уже накопленных) знаниях об обозначаемом (В. Н. Телия). В силу только что сказанного язык (как языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий типа тех, с которыми мы имеем дело на уроке родного языка. Язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной) (А. А. Леонтьев), поскольку речь по природе своей — «неинстинктивная, приобретенная», «культурная» функция (Э. Сепир).

Предмет ЛК — единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем «каналом», по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса.

Цель ЛК — исследовать и описать русское культурное пространство сквозь призму языка и дискурса и культурный фон коммуникативного пространства. Главную цель ЛК можно определить следующим образом: ЛК призвана выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т. д.; проступающие сквозь призму языка древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами. ЭПЛ и ЛК неразрывно связаны между собой, взаимно дополняя и обогащая друг друга. И если ЛК исследует фиксацию культуры в языке и проявление ее в дискурсе, то ЭПЛ основное внимание уделяет этнопсихолингвистической детерминированности речевой деятельности, языкового сознания и общения.

Как и ЭПЛ, лингвокультурология тоже очень молода: ее история едва ни короче истории ЭПЛ. С сожалением приходится констатировать, что сегодня она относится к числу «модных» направлений, многие пытаются ее заниматься, но в большинстве случаев происходит подмена научных исследований общими, зачастую конъюнктурными рассуждениями о некоем «идеальном» (во всех смыслах) русском народе. А вот действительно серьезные, действительно ЛК исследования проводятся сегодня В. Н. Телия и представителями ее школы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ К числу наиболее актуальных ЭПЛ и ЛК проблем, в той или иной степени МЕСТО ЭПЛ и ЛК в ряду исследуемых ЭПЛ и ЛК сегодня, других наук следует отнести:

- о выявление универсальных и национально-специфических черт дискурса;

- о исследование национально-культурной составляющей дискурса;
- о определение и классификация факторов, обуславливающих национальную специфику дискурса; о выявление, изучение и описание феноменов, с одной стороны, отражающих, а с другой — предопределяющих специфику национальной картины мира; о выявление и описание кодов культуры, эталонов культуры, определение культурно-детерминированной метрически-эталонной сферы;
- о изучение и описание окультуренных человеком сфер (пространственной, временной, деятельностной и т. д.); о выявление и изучение базовых оппозиций культуры и древнейших архетипических представлений, находящихся свое отражение в языке и дискурсе. Совершенно очевидно, что решить представленные задачи можно, только опираясь на достижения различных наук, с которыми ЭПЛ и ЛК связаны либо «генетически» (таких, как, например, психология, психолингвистика, лингвистика), либо по кругу изучаемых проблем. И хотя ЭПЛ и ЛК — направления молодые, это вовсе не значит, что нет никаких результатов в этих областях. Во-первых, у этих направлений были очень серьезные предшественники, и ЭПЛ и ЛК вобрала в себя достижения многих научных дисциплин: психологии (как общей, так и культурной¹), психолингвистики, лингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, антропологии и др. Во-вто-

¹ «Культурная психология» (термин С. Тулмина (Toulmin), предложенный в 1980 г.), или «вторая» психология — *Volkepsychologie* (термин В. Вундта, введенный в 1921 г.) — психология, в предмет исследования которой входят культура и высшие психические функции. Справедливости ради отмечу, однако, что *Volkepsychologie* впервые встречается в названии «Журнала психологии народов и языкознания», который в 1859 г. начали издавать М. Лацарус и Г. Штейн-

рых, многие исследователи работали и работают «на стыке» своей науки и ЭПЛ и ЛК. И наконец, в-третьих, в наши дни появляются работы собственно ЭПЛ и ЛК характера.

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ Ну, а теперь остановимся на некоторых основных теоретических положениях, без проговаривания которых мы не можем идти дальше и рассуждать о собственно ЭПЛ и ЛК.

Одним из основных теоретических постулатов, на которые опираются ЭПЛ и ЛК, является знаменитая «гипотеза лингвистической относительности» Сепира—Уорфа. Собственно говоря, эта гипотеза была выдвинута в 1930-х годах Л. Уорфом (the Whorf Hypothesis) на основе идей Э. Сепира. Суть ее, если очень коротко, сводится к следующему: люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную си-

таль. Это и позволяет ряду исследователей (например, Г. Т. Хухуни, Т. Г. Стефаненко) именно их считать основоположниками новой дисциплины — этнопсихологии. Кроме того, Т. Г. Стефаненко считает основателем сравнительно-культурной психологии английского ученого У. Риверса, которому принадлежат «первые серьезные сравнительно-культурные исследования в психологии, точнее в общей психологии».

схематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (Л. Уорф). Основные положения этой гипотезы: язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление, — ставят очень важный, но, очевидно, риторический вопрос: что же первично, что на что влияет — особенности восприятия и осознания окружающего мира влияют на нормы поведения или поведение личности влияет на сознание. Думается, что ответить на этот вопрос однозначно в принципе невозможно, так как данные феномены связаны отношениями двунаправленной зависимости: одно обуславливает другое и одно влияет на другое.

Следующий вопрос, на котором необходимо вкратце остановиться, — это соотношение сознания (языкового сознания) и культуры.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено (А. А. Леонтьев). Этносоциокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования и формулирования мысли (И. А. Зимняя) (по* этому, кстати, процесс обучения, по мысли А. А. Леонтьева, есть процесс формирования инвариантного образа мира). Очевидно, процесс этот носит во многом «неосознаваемый» характер, поскольку сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингво-культурного сообщества. Однако именно эта определенная системность сознания, или образа мира, влияет на поведение пред-

ставителей того или иного сообщества и определяет его (Н. В. Уфимцева²).

Наличие сознания — один из дифференциальных признаков личности. Личность же формируется в обществе в процессе социализации. Следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. В процессе социализации индивид приобретает, в том числе, некую систему координат, в которой имеют место шкалы «верх/низ», «плюс / минус». Данные представления всегда национально маркированы: сравним, например, критерии истинной литературы в арабской и русской культурах (иллюстрацией может служить эпизод из романа С. Липкина «Декада», в этом эпизоде описывается восприятие «Муму» муллою, который захотел познакомиться с великой русской литературой и был весьма разочарован рассказом об «уроде» и «грязном животном» — пример Д. Б. Гудкова) — шкала «верх/низ»; или — как крайний случай — отношение к канибализму в современном, как принято говорить, «цивилизованном» обществе и в каком-либо племени Океании — ось «плюс/минус»). Таким образом, сознание (языковое сознание) всегда национально.

В целом следует сказать, что именно общность присвоенной культуры, а точнее — общность распределенных культурных предметов и освоенных вербальных опи- (эдий культурных предметов (или деятельностей) и определяет общность сознаний коммуникантов. Эта общность в первую очередь обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с

² Отмечу, что Н. В. Уфимцева использует термин «этнос», который я в своих работах стараюсь избегать, предпочитая более «громоздкий» термин — «национально-лингво-культурное сообщество».

ними одинаковые ментальные образы (Е. Ф. Тарасов). Собственно говоря, именно поэтому я не могу согласиться с идеей некоторых исследователей о том, что «человеческая деятельность порождает столь сложное и изменчивое разделение труда и опыта в пределах одной культуры, что не приходится ожидать, что какие-либо два члена некоей культурной группы присвоили одни и те же части «целого», каким бы оно ни было (D'Andrade, 1989; Schwartz, 1978; 1990)» (цит. по книге М. Коула). Безусловно, индивидуальный опыт личности во многом специфичен, но не настолько, чтобы каждый член того или иного сообщества присваивал исключительно нечто, ему и только ему присущее. Если бы это было так, то ни о каком взаимодействии личностей не могло бы быть и речи. Иначе говоря, несмотря на все разнообразие индивидуальных «мозаик», сложенных из частей «целого», существует некое «ядро», объединяющее всех членов некоей социальной группы и специфичное именно для данной группы.

Культура — достояние общественное, транслируемое от поколения к поколению, создаваемое, сохраняемое и «трансформируемое» обществом. Вместе с тем, культура — явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества. Следовательно, культура предстает и отдельной личности. При этом культура национально-лингво-культурного сообщества предстает для каждого конкретного представителя данного СО» общества как совокупность культурных предметов, которые даны каждому конкретному члену сообщества для распределения. В процессе последнего у человека формируются родовые способности в виде умений и навыков совершения деятельности по производству предметов — аналогов тех, которые были даны для распределения. Смысл распределения культурных предметов для конкретной личности состоит в формировании у данной лич-

ности способностей к деятельности по производству этих культурных предметов. Богатство сознания каждого конкретного человека зависит от объема присвоенной культуры, т. е. от совокупности распределенных культурных предметов. Общество, представляя каждому своему члену культуру для присвоения и построения своей личности, позволяет ему формировать себя, с одной стороны, как целостного, общественного человека, а с другой — ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов (Е. Ф. Тарасов).

Итак, как мы с Вами видели, культура оказывается связана с сознанием, со сложным комплексом небиологических, социально транслируемых знаний и отношений, со стереотипами поведения, в том числе и речевого (как писал Э. Сепир, «любой стереотип культурного поведения соотносится с некоторым стереотипом»), с системой знаков и значений, т. е. с языком. Кстати, существование связи языковых особенностей с мировоззрением и настроением людей отмечал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ; ср. также: «... впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс равным образом в форме мнестических следов. При определенных благоприятных условиях их можно восстановить и оживить. Впрочем, чем более они древние, тем лучше они сохраняются. [...] Язык кажется превосходным средством передачи мнестических следов из поколения в поколение. Символы, которые он несет, незамедлительно узнаются и понимаются, начиная с раннего детства. Более того, мы располагаем мифами и религиями, которые лежат у истоков языка и которые сосредоточивают и сохраняют в течение тысячелетий очень древние идеи и ритуалы» (С. Московичи). Я думаю, что нельзя не согласиться с Э. Сепиром, который, не признавая настоящей причинной зависимости между культурой и языком, вместе с тем считал, что содержание всякой культуры

может быть выражено с помощью ее языка и содержание языка неразрывно связано с культурой, которая понимается как «ценностный отбор, осуществляемый обществом», «отобранный инвентарь опыта». Более того, ученый, по его собственному выражению, был склонен полагать, что возникновение языка предшествовало даже самому начальному развитию материальной культуры и что само развитие культуры не могло, строго говоря, иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения. Но, с другой стороны, язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. И если язык «есть то, как думают», то «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает».

Отмечу, что о роли языка в когнитивной, интеллектуальной деятельности человека, о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры рассуждали и писали многие ученые: В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, П. Флоренский, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, И. А. Бодуэн де Куртэне, Р. О. Якобсон, Ш. Балли, Э. Сепир, Б. Уорф, Н. И. Жинкин, Ж. Вандриес, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия, Е. Ф. Тарасов, Дж. Кэрролл, Д. Хаймс, Г. А. Брутян, Э. С. Маркарян и многие другие (особо заинтересовавшимся могу порекомендовать достаточно подробный анализ различных точек зрения по указанным проблемам в книге В. А. Масловой).

лингво-когнитивный
подход к коммуникации Ну, а теперь вернемся к основному, имеющему перво-степенное значение вопросу: как определить, что является национально-культурно специфичным в ментально-лингвальном комплексе, как выявлять и исследовать национально-культурную составляющую дискурса, как изучать

факторы, обуславливающие национально-культурную специфику общения.

Я думаю, что решить эти проблемы нам поможет лингво-когнитивный подход к коммуникации. Излагая суть этого подхода, заодно повторю и те теоретические положения, которые мы с Вами рассматривали в курсе психолингвистики. Итак.

Лингво-когнитивный подход, как явствует из самого названия, предполагает анализ не только собственно-лингвистических, но и когнитивных аспектов коммуникации. Лингво-когнитивный подход позволяет выделять и анализировать два основных «плана» коммуникации: 1) *общелингвистический аспект* (релевантен для любой коммуникации, любого дискурса, любого коммуникативного акта, любого языка, на котором осуществляется общение); 2) *национально-детерминированный компонент* (актуален для национального дискурса, предопределяя национальную специфику последнего). Другими словами, данный подход позволяет, с одной стороны, анализировать *универсальное* в коммуникации, осуществлять комплексный анализ и структурировать коммуникацию с учетом всех факторов, влияющих на саму коммуникацию и обуславливающих ее протекание, а с другой — определять и исследовать *национальное* в коммуникации, выявлять и описывать ее национально-специфические составляющие, так как дает возможность определить и исследовать феномены, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса и, следовательно, обуславливают национальную специфику самой коммуникации.

Многие исследователи различных областей знаний рассматривают коммуникацию как взаимодействие, «интеракцию» и всячески подчеркивают ее социальный характер (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев,

А. Р. Лурия, А. А. Брудный, Е. Ф. Тарасов, Г. В. Колшанский, Ю. А. Шрейдер, Е. А. Земская, К. К. Платонов, М. Л. Макаров, В. Хартунг, V. E. Cronen, J. Shotter, K. J. Gergen и др.). Коммуникация включена в социальные отношения общающихся, это — две неразрывные стороны речевого взаимодействия. В связи с этим вспомним интеракционную модель коммуникации D. Schiffrin или модель с полюсами-субъектами в виде передающего и принимающего, которую, по словам Ю. М. Лотмана, усовершенствовал Р. О. Якобсон.

Напомним, что *человеческая коммуникация* рассматривается как процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности.

В качестве субъекта коммуникации выступает *человек говорящий*, предстающий в каждый момент своей речевой деятельности одновременно в трех ипостасях, как совокупность «личностных» феноменов — как личность 1) языковая, 2) речевая и 3) коммуникативная. *Человек говорящий* определяется как личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (последняя охватывает как порождение, так и восприятие речевых произведений). *Языковая личность* — как личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений. *Речевая личность* — как личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических). *Коммуникативная личность* — как конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Из курса психолингвистики мы с Вами уже знаем, каждый человек говорящий обладает *индивидуальным когнитивным пространством* (ИКП), набором *коллективных когнитивных пространств* (ККП) тех социумов, в которые он входит, и *когнитивной базой* (КБ) того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является. ИКП, ККП и КБ непосредственно влияют на процесс коммуникации. На национальном уровне пространство представлено «национальным культурным пространством», понимаемое как информационно-эмоциональное («этническое») поле, как совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, как все многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса.

КП-ва и КБ формируются когнитивными структурами, понимаемыми как содержательная форма кодирования и хранения информации. Среди когнитивных структур выделяются феноменологические (ФКС) и лингвистические когнитивные структуры (ЛКС). Когнитивные структуры в целом достаточно сложно изучать «в чистом виде», поскольку они предстают в опосредованном виде — в виде структур-«посредников» (особенно актуально это для ФКС). Когнитивные структуры лежат в основе компетенции человека говорящего, и нам представляется возможным установить определенные соотношения между типом когнитивных структур и видом компетенции. Так, языковая и речевая компетенции со всей очевидностью формируются в первую очередь лингвистическими когнитивными структурами, предметная компетенция — феноменологическими, культурная и коммуникативная — и теми, и другими. ЛКС самым непосредственным образом участвуют в формировании языковой картины мира, «материалом» формирования (концептуальной, образной)

картины мира служат в первую очередь ФКС. Последние имеют (или могут иметь) вербальную «оболочку», т. е. выступают в паре с лингвистическими.

Пресуппозиция понимается нами как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов. Она актуализируется в процессе коммуникации, релевантна «здесь» и «сейчас». Анализ конкретного материала обусловил необходимость выделения трех типов пресуппозиции, каждый из которых соотносим с определенным типом когнитивного пространства: 1) микропресуппозиция (соотносится с ИКП); 2) социумная, константная пресуппозиция (соотносится с ККП); 3) макропресуппозиция (соотносится с КБ). Микропресуппозиция имеет место всегда, не зависит от наличия / отсутствия у коммуникантов общей КБ или ККП, включает в себя (1) знание конситуации, представления о ней; (2) знание контекста, т. е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; (3) понимание речи, если таковая имеет место. Проблемы в общении возникают в первую очередь тогда, когда нет макропресуппозиции и/или социумной (константной) пресуппозиции, что имеет место при межкультурном и/или межсоциумном общении.

Коммуникация, как любой процесс, разворачивающийся во времени и пространстве, поддается структурированию. Основной единицей коммуникации является коммуникативный акт (КА), понимаемый как функционально цельный фрагмент коммуникации, ядром которого является текст (монолог, диалог или полилог). Каждый КА имеет две структурные составляющие: ситуацию (фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт) и дискурс (вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата, обладающая собственнo-лингвистическим и лингво-когнитивным плана-

ми). В каждом КА выделяются четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта: 1) экстралингвистический аспект связан с конситуацией; 2) семантический аспект определяется контекстом, последний есть имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного КА; 3) когнитивный аспект непосредственно связан с пресуппозицией (как мы с Вами договорились понимать этот термин); 4) собственнo-лингвистический аспект обуславливается речью, т. е. продуктом непосредственного речепроизводства, тем, что продуцируют коммуниканты.

Вспомним, что «полюсы» коммуникативной модели, о которой писал Н. Г. Комлев, представлены *сознанием* говорящего (на «входе») и *сознанием* слушающего (на «выходе»). Сознание же (языковое сознание) как феномен всегда тесно связано с культурой, оно национально-, культурозависимо (в отличие от культуронезависимого интеллекта как способности и мышления как процесса, в котором проявляется и сознание, и интеллект).

Лингво-когнитивный подход к коммуникации позволяет выявлять, анализировать и структурировать то, что имеет непосредственное отношение к национальным особенностям сознания, а именно: макрокогнитивный пласт коммуникации, представленный контекстом и пресуппозицией, и когнитивный план дискурса.

Таким образом, именно лингво-когнитивный подход к коммуникации позволяет анализировать всю совокупность факторов, которые влияют на процесс общения, а также систему феноменов, отражающих национальную специфику ментально-лингвального комплекса, с одной стороны, а с другой — предопределяющих национально-культурную специфику самой коммуникации.

Итак, *этнопсихоллингвистика* — это направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса.

Лингвокультурология — это дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке.

ЭПЛ и ЛК носят сугубо *интеграционный* характер, и сегодня еще трудно говорить о них как о полностью оформившихся самостоятельных научных дисциплинах. Вместе с тем именно ЭПЛ и ЛК могут решить целый ряд проблем, являющихся сегодня актуальными и не поддающихся решению в рамках других наук.

Выявить, проанализировать и некоторым образом структурировать национально-культурную составляющую дискурса представляется возможным с помощью *лингво-когнитивного подхода*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Залевская А. А.* Введение в психоллингвистику. М., 1999.
- Зимняя И. А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 51—58.
- Комлев Н. Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 1992.
- Копил М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
- Красных В. В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Дисс. ... докт. филол. наук. М., МГУ, 1999.
- Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16—21.
- Леонтьев А. А.* Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41—47.

- Леонтьев А. А.* Основы психоллингвистики. М., 1999.
- Маслова В. А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 2000.
- Тарасов Е. Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 6—15.
- Телия В. Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82—89.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Уорф Б.* Отношение норм мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М, 1960.
- Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139—162.
- D'Andrade R.* Cultural Sharing and Diversity // The Content of Culture: Constants and Variants: Essays in Honor of John M. Roberts. / R. Bolton (Ed.). New Haven, 1989.
- Schwartz T.* The Size and Shape of Culture // Scale and Social Organization. / F. Barth (Ed.) Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- Schwartz T.* The Structure of National Cultures // Understanding the USA. / P. Funke (Ed.). Tubingen, 1990.
- Wundt W.* Elements of Folk Psychology. London: Allen and Unwin, 1921.

ЛЕКЦИЯ 2

Лингво-когнитивный подход к коммуникации (продолжение)

Ментефакты: определение понятия, представление единиц, система

Лингво-Когнитивный Прошлую лекцию мы с Вами
подход к коммуникации
(ПРОДОЛЖЕНИЕ) —или разговором о лингво-
когнитивном подходе к комму-
никации и согласились с тем, что данный подход поможет
определить универсальное и национально-специфическое
в коммуникации, проанализировать факторы, обусловли-
вающие национально-культурную специфику дискурса, и
феномены, одновременно отражающие и предопределяю-
щие особенности общения в рамках той или иной культу-
ры на том или ином языке.

Если мы в рамках данного подхода попытаемся срав-
нить межкультурную коммуникацию и монокультурную,
то мы получим приблизительно следующее:

**Межкультурная
коммуникация**

Монокультурная коммуникация

Едва ли возможно

- 1) Если оценка конситуации авто-
ром ее оценки реципиентом.
Возможны нарушения этикета, «не-
адекватное» речевое поведение (не-
корректные комментарии, замеча-
ния, шутки) и т. д.

**Межкультурная
коммуникация**

**Монокультурная
коммуникация**

- 2) Если автор не понимает или
неполностью понимает контекст.
Возможны нетактичные вопросы и
замечания; проговаривание (верба-
лизация) и без того очевидных для
реципиента смыслов.

- 3) Если реципиент не понимает
или неполностью понимает кон-
текст.
Возможно «умалчивание» автором
о том, что остается для реципиента
«закрытым» или «несуществующим»
контекстом. При этом воз-
можна ситуация, с которой навер-
няка сталкивался каждый, кто изу-
чал иностранный язык: *«Я понимаю
каждое слово, но я не понимаю смыс-
ла, не понимаю, о чем идет речь».*

- 4) Минимальная зона пересечения
индивидуальных когнитивных про-
странств коммуникантов при зна-
чительном их расхождении (т. е. от-
сутствие социумной пресуппозиции
и/или макропресуппозиции). От-
сутствие у реципиента тех знаний и
представлений, которые, по мне-
нию автора текста, входят в пресуп-
позицию: это может быть непони-
мание контекста; представление о
конситуации, отличное от пред-
ставления автора; незнание преце-
дентных феноменов. Возможны
«нетактичные» и/или непонятные
сравнения, апелляция к прецедент-
ным феноменам, которые не явля-
ются таковыми для реципиента.

- 2) Возможно при меж-
социумной коммуникации.

- 3) Возможно при меж-
социумной коммуникации
(«выпадение» из общения).

- 4) Едва ли возможно; но
при межсоциумной комму-
никации может иметь место
апелляция к социумно-пре-
цедентным феноменам, не
являющимся прецедентны-
ми для собеседника.

Межкультурная коммуникация

Монокультурная коммуникация

коммуникативной целенаправленности текста, вызывающее неадекватную реакцию. б) Вследствие вышеназванного (1—5) неадекватный выбор языковых средств.	5) Непонимание реципиентом если что-то помешало общению. б) Возможно при межсоциальной коммуникации, но причиной может быть не (1—5), но осознанный выбор неадекватных средств (чтобы, например, «показать собеседнику его место») и т. д.

В качестве примеров приведу следующие случаи, отмеченные при межкультурной коммуникации. Некорректное использование местоимений *ты/Вы* при неправильной оценке социальных ролей партнеров при коммуникации. Такие случаи не следует путать со случаями языковой интерференции, когда в родном этикете иностранца нет обращения *Вы* (хотя в языке оно может быть представлено). Так, например, в шведском языке в принципе существует форма *Ni* (аналогично русскому *Вы*), однако она может быть использована только при общении с очень пожилыми людьми, в других случаях подобное обращение будет вызывать у шведского партнера по коммуникации чувство «неловкости». Использование в стандартной ситуации «нестандартной» («нестереотипной») реплики, которое может вызвать различную реакцию русскоговорящих: от непонимания до мягкой улыбки («Это правильно, но это не по-русски») (об этом много писал и говорил, например, Ю. Е. Прохоров). Или же только вербальный ответ на просьбу, выраженную вопросительным предложением.

Исходя из того, о чем мы говорили с Вами на прошлой лекции и только что, можно предположить, что проблемы в общении возникают тогда, когда (см. сх. 1):

1) индивидуальные когнитивные пространства (ИКП) коммуникантов не совпадают, не пересекаются или пересекаются только на участке знаний ситуационной ситуации общения (при этом оценка самой ситуации может быть различной) (а) или на участке знаний некоторого социума (б); т. е. когда коммуниканты обладают разными когнитивными базами (КБ);

2) ИКП коммуникантов совпадают, пересекаются, но при этом, обладая одинаковыми знаниями, коммуниканты имеют различные представления; иначе говоря, идет

процесс изменения КБ: оставаясь в принципе единой для всех членов национально-лингво-культурного сообщества, КБ претерпевает определенные трансформации (в первую очередь на участке представлений); т. е. имеют место определенные расхождения при наличии единой, общей для коммуникантов КБ.

Очевидно, что первая ситуация (1а; 1б) характерна для коммуникации между носителями разных языков,

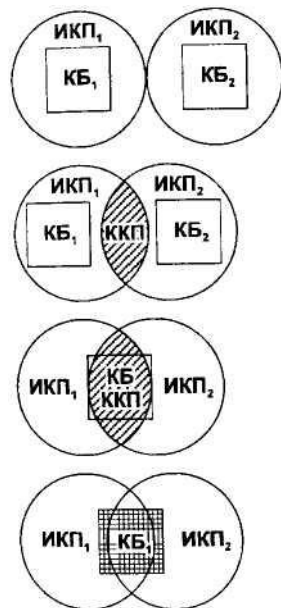

Схема 1. Возможные варианты зон пересечения ИКП.

представителями разных национально-лингво-культурных сообществ, т. е. при межкультурной коммуникации. При этом вариант (1а) показывает *межкультурную межсоциумную* коммуникацию; вариант (1б) возможен при общении членов одного социума (например, коллег, специалистов в одной области знаний или занимающихся одним делом), т. е. это *межкультурная моносоциумная* коммуникация.

Вторая ситуация (2а; 2б) имеет место при общении представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, т. е. при *монокультурной* коммуникации: вариант (2а) — *монокультурная моносоциумная* коммуникация, вариант (2б) — *монокультурная межсоциумная*.

Проблемы в общении в первом случае (1а; 1б) порождаются непониманием и к непониманию приводят.

Во втором случае (2а; 2б) коммуникативные проблемы обуславливаются неадекватным пониманием и «неправильное» же понимание провоцируют. Скорее всего это происходит в первую очередь при *монокультурной межсоциумной* коммуникации, что и порождает, в частности, генерационные, социальные, конфессиональные и прочие конфликты.

Таким образом, для адекватной коммуникации необходимым требованием (*conditio sine qua non*) является наличие не только микропресуппозиции, но и макропресуппозиции, т. е. знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами когнитивной базы того национально-лингво-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение. Особенно очевидным это требование оказывается для межкультурной коммуникации. Сравним только что сказанное со словами Е. Ф. Тарасова: «Есть основание полагать, что главная причина непонимания при МО [межкультурном общении] не различие языков — сформировать навыки говорения (письма) и слу-

шания (чтения) сравнительно просто, а различие национальных сознаний коммуникантов».

Конечно, обучая языку, невозможно «поменять» сознание (впрочем, это и не нужно пытаться сделать), однако определенным образом «трансформировать» его, «расширить», представляется вполне реальным. Иначе говоря, наряду с языковой и речевой компетенцией необходимо формировать компетенцию культурную (в связи с этим вспомним еще раз неоднократно высказывавшуюся многими исследователями мысль, что коммуникативная компетенция необходимо включает в себя три составляющих: языковую, речевую и культурную компетенции). Несомненно сложнее обстоит дело с монокультурной коммуникацией, как это ни парадоксально, так как в случае монокультурной, но межсоциумной коммуникации основные различия касаются не столько знаний, сколько представлений, а отказываться от своих убеждений или, по крайней мере, терпимо относиться к отличным представлениям и убеждениям других подчас бывает намного труднее, чем «просто» попытаться «войти» в мир другой культуры, в другую систему.

С проблемой пресуппозиции связан и вопрос о существовании инварианта текста и адекватности перевода. Об этом много писали и спорили: должен ли перевод быть «буквальным» или «адекватным», — и на основании того, какой принцип становился основополагающим, возникали разные школы перевода. Мы не будем разбирать различные взгляды на эти проблемы (поскольку это не является непосредственным объектом нашего исследования) и просто выскажем ту точку зрения, которая, в рамках нашей концепции, является, пожалуй, едва ли не единственно возможной. Итак, на наш взгляд, перевод может считаться адекватным, если воздействует на те же когнитивные структуры, на те же участки когнитивного пространства

ства, что и оригинал. (Ср. с идеей Ю. Найда о «динамической эквивалентности»: «Прежняя установка в области перевода фиксировала внимание на форме сообщения, и особой радостью для переводчиков была возможность воспроизвести стилистические особенности: ритм, рифму, игру слов, хиазм, параллелизм и необычные грамматические конструкции. Новая установка же перешла от формы сообщения к реакции получателя. Таким образом, прежде всего следует определить, какова будет указанная реакция на переведенное сообщение. Эту реакцию необходимо сравнить с той, которая, по предположению, должна была быть у первоначальных получателей, знакомившихся с сообщением в его исходном виде» (E. Nida, Ch. Taber) (цитирую по работе Г. Т. Хухуни; выделено мною. — В. К.). Набор конкретных языковых средств при этом (от текстообразующих элементов вплоть до текстообразующих категорий) может в большей или меньшей степени отличаться от инвентаря, используемого в оригинале. Вместе с тем, учитывая определенную универсальность гипотетически сферической модели когнитивного пространства, можно предположить, что разброс, разность используемых средств не будет абсолютно радикальной. Но необходимы дальнейшие сопоставительные исследования текста оригинала и текста перевода (в связи с этим представляется крайне интересным и перспективным сравнительное изучение текста-оригинала и авторского и «не-авторского» переводов).

**МЕНТЕФАКТЫ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ,
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЕДИНИЦ,
СИСТЕМА**

Ну, а теперь перейдем к рассмотрению национальной составляющей дискурса. Сегодня мы только начинаем этот разговор, и поэтому я представлю то, чем мы будем заниматься, только в самых общих чертах.

Какие же феномены окажутся в центре нашего внимания? Ответ и прост, и сложен одновременно. Прост, поскольку краток и как бы лежит по поверхности: феномены о которых мы говорим, суть *ментефакты*. А сложен ответ потому, что сразу возникает целый ряд вопросов, важнейший и простейший из которых: а что такое ментефакты? А чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, как мы понимаем сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся. Напомню основные положения.

В понимании того, что есть сознание, мы с Вами договорились исходить из постулатов отечественных школ психологии и психолингвистики (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев и др.). Если говорить коротко, то *сознание* есть специфическая человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А. Н. Леонтьев). *Действительность* — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, то есть материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). *Соотношение сознания и действительности* может быть определено следующим образом (хотя это, возможно, и прозвучит слишком категорично): сознание входит в действительность. Однако это не отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то «содержание» сознания — идеальная сторона действительности. Проведу следующую аналогию: представьте себе аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода — одно и то же? Нет. Так вот, аквариум — это сознание, вода — идеальная сторона действительности, а рыбки — это менте-

факты. Другими словами, *ментефакты суть элементы «содержания» сознания.*

Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях (см. сх. 2). Я предлагаю следующую систему ментефактов, которая имеет несколько рангов разбиения. Первый ранг представлен шкалой «информативность <н> образность», он дает триаду «*знания — концепты — представления*».

Полюсы этой шкалы — знания и представления — различаются по целому ряду параметров (представлены информационными единицами или образами; коллективны или индивидуальны; «объективны» или «субъективны»; требуют или не требуют «доказательств»; хранятся в «развернутом» или «свернутом» виде; не включают или включают коннотации и оценки; требуют работы памяти или интеллектуально-творческой работы). Концепты занимают на указанной шкале срединное положение: они в значительной степени принадлежат сфере «рацио» и лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями). Более подробно о том, что есть концепт мы будем говорить на последующих лекциях, пока же примем сказанное как данность.

Знания — это некие «информационные», «содержательные» единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему (напр., математические и физические правила, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т. п.).

Знания могут быть национально нейтральны, например: $2 \times 2 = 4$; на планете Земля есть 6 материков; автором «Илиады» и «Одиссеи» считают Гомера, а «Войну и мир» написал Л. Н. Толстой и т. д., и т. д. Но вместе с тем существуют и знания, национально маркированные, окружен-

ные культурно-значимым ореолом, занимающие в культуре особое положение. Приведу один пример, на мой взгляд, достаточно иллюстративный: *Хочу памятник Пушкинх поставить... Проводили мы Анну Петровну, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. Там Анна Петровна, тут Лина Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то мило... Ты мне помочь должен* [Т. Толстая. Кысь].

Среди наиболее важных, основных, или, пользуясь выражением Ю. С. Степанова, «ключевых концептов» русской культуры следует назвать такие, как *судьба, воля, грех, душа, совесть, закон, правда, истина* и т. д.

Знания и концепты являются «терминальными» элементами предлагаемой системы и не подвергаются дальнейшему членению (хотя в принципе это возможно).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs множественность и прототипичность vs отсутствие таковой (наличие / отсутствие изначального визуального образа предмета).

Приведу примеры полярных феноменов, во-первых, именно потому, что они полярны и в них эти признаки проявляются максимально ярко и рельефно, во-вторых, потому, что эти феномены лучше всего изучены в свете предлагаемого подхода. Опять-таки все эти феномены мы будем детально рассматривать в дальнейшем, сейчас же я представляю общую систему тех феноменов, которым мы будем уделять основное внимание в настоящем курсе. Смотрите: *Пушкин* всегда один и уникален, равно как *«Анна Каренина»*, *Колобок*, *Иван Сусанин* или *«счастливые часы не наблюдают»*. Такие феномены (мы будем называть их прецедентными) всегда единичны и уникальны. Среди стереотипов (например, стереотипный образ *змеи*

или стереотипная ситуация *экзамен*) мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единственный, уникальный феномен.

Итак, второй ранг разбиения феноменов дает четыре элемента системы: *прецедентные феномены* (ПФ), *духи I бестиарии*, *артефакты*, *стереотипы*. Посмотрим, как разграничиваются данные феномены по указанному критерию — сочетанию признаков.

Прецедентные феномены единичны и прототипичны. Изначально единичный образ может иметь множество «масок» (например, *дядя Степа* — это и милиционер, и человек огромного роста), но при этом сам феномен не поддается тиражированию, он может только копироваться (это можно сравнить с альбомом по искусству: ведь репродукции, представленные в нем, — это не сами картины, равно как и многочисленные копии, написанные другими художниками, — это не оригинальное полотно).

Духи не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку (*леший* — старое дерево, небольшой старичок, мужик выше леса; *домовой* — вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. д.; *русалка* — прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки; *водяной* — старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом¹, и т. д.). Приведу в качестве аргумента слова В. В. Колесова о том, что лес — нечто живое, это тот же род, только враждебный. Исходный образ — «это постоянно растущие побеги, листья, кора, ветви. Все, поросшее лесом,— лесное, *пешее*. Не проявляясь

нкретно, все это стучалось в представлении о живой аждебной силе, о некоем существе, которое поднимается оотив человека, ловит его, заманивает, губит — *о лешем*). И хотя у нас есть некое общее представление о том, как тглядят тот же водяной или, например, кикимора, но в данном случае, очевидно, следует говорить о том, что изначальное множество образов путем некоторой селекции признаков сложилось в один «инвариантный» образ.

Артефакты и *стереотипы* — не единичны, но прототипичны. Разница между этими феноменами заключается в следующем. Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и/или свойств предмета (*скатерть-самобранка* = предмет + дополнительные свойства; *ковер-самолет* = предмет + дополнительное свойство; *избушка на курьих ножках* = предмет + дополнительный признак + дополнительное свойство и т. д.).

В самом термине «стереотип» заложена «полифоничность» предметов, это собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Среди стереотипов выделяются стереотипы-ситуации (*очередь*, *транспорт* и т. д.) и стереотипы-образы. Среди последних на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит «предмет», можно выделить «мир флоры и фауны» (*дуб*, *ворон*, *крыса*, *наук*), «мир человека» (напр., этнические стереотипы — *англичанин*, *немец*, *француз*; профессиональные — *учительница*, *банкир*, *геолог*; социумные — *новый русский*, *бомж*) и др.

Таким образом, у нас получилась некоторая система ментефактов, которая может быть схематично представлена следующим образом (см. сх. 2):

¹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1. М., 1995.

наследие в слове. Мир человека. СПб.,

Колесов

2000.

Красных В. В. Точки над і или многоточие?., (к вопросу о новой научной парадигме)//Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. М., 2001. С 3—12.

Лекиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.

Хухуни Г. Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 206—214.

Nida E., Taker Ch. Theory and Practice of Translation. Leiden, 1974.

На следующих лекциях мы с Вами будем рассматривать конкретные ментефакты и начнем мы с разговора о прецедентных феноменах.

Итак, лингво-когнитивный подход помогает определять универсальное и национально-специфическое в коммуникации и анализировать национальную специфику дискурса.

Ментефакты суть элементы «содержания» сознания. На первом уровне разграничиваются знания, концепты и представления. На втором (среди представлений) вы деляются 4 группы: ПФ, артефакты, духи и бестиарии и стереотипы.

ЛЕКЦИЯ 3

Прецедентные феномены: определение понятия
Социумно-, национально-
и универсально-прецедентные феномены

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: На предыдущих лекциях **ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ** мы с Вами неоднократно использовали термин «национально-культурный компонент коммуникации». И теперь настало время разобраться, что же это такое, из чего складывается и какова его роль. Начнем с самого общего и главного: национально-культурный компонент формируется в процессе социализации личности («вращения ребенка в цивилизацию» — А. Н. Леонтьев), входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет национальную специфику коммуникации. Он обуславливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества, то есть определяет особенности национального (языкового) сознания, особенно того, что хранится в сознании человека говорящего и проявляется в коммуникации. Данные особенности отражаются и проявляются в том числе и в наборе национальных прецедентных феноменов, национальных стереотипов, в фрейм-структурах сознания и — на поверхности — в ассоциациях, рождающихся у представителей национально-лингво-культурных сообществ в процессе коммуникации.

Итак что же «хранится» в голове человека? Очевидно, разнообразные знания и представления. В том числе знания и представления об окружающем нас мире во всем многообразии его проявлений, о различных предметах и связях между ними. Как мы видели, «наборы» знаний и представлений носят в целом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит явно надындивидуальный характер.

Очевидно, в данное «базовое ядро стереотипных знаний» (Ю. Е. Прохоров) и представлений входят знания и представления о феноменах, хорошо известных и не требующих каких бы то ни было объяснений и комментариев. Например, едва ли кому-либо придется расшифровывать, что он имел в виду, назвав NN *Иудой*. Вполне вероятно, что ему придется объяснить свои слова, но только *почему* он это сказал, а не *что* (безусловно, обвинение в предательстве достаточно серьезно, а в подобном сравнении оно легко читается). Или: «*Тяжела ты, шапка Мономаха*», — вздыхает новоиспеченный начальник, вынужденный, решать не слишком приятные административные вопросы. Его приятель-собеседник, ничуть не удивившись отсутствию на чьей-либо голове вышеозначенной шапки или какого-либо другого головного убора, пожимает плечами: «*В конце концов, тебя никто не заставлял*». Коммуниканты и в том, и в другом случае прекрасно понимают друг друга, поскольку речь идет о вещах, одинаково хорошо знакомых и понятных им. Но, помимо этого, легко можно предположить, что и первая, и вторая ситуации будут однозначно понятны (с точки зрения того, что имели в виду собеседники) не только для непосредственных участников коммуникации, но и для большинства случайных «свидетелей». Следовательно, мы имеем дело не с «закрытой» для посторонних системой единиц и значений (т. е. не с коллективным когнитивным пространством).

Можно предположить, что упомянутые в обеих ситуациях явления относятся к национальной когнитивной базе (по крайней мере — к ее периферии). Такого рода феномены и называются прецедентными.

Впервые определение прецедентного текста дал Ю. Н. Караулов. Но в курсе психолингвистики мы с Вами договорились понимать термин «текст» в более узком смысле, поэтому дефиницию Караулова мы, во-первых, экстраполируем на прецедентные феномены¹ в целом, во-вторых, немного уточним.

И еще одна оговорка: в литературе уже обсуждались такие феномены, как прецедентный текст (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева), прецедентное высказывание (В. Г. Костомаров, Н. В. Бурвикова, И. В. Захаренко), прецедентные текстовые реминисценции (Ю. Е. Прохоров), прецедентное имя (Д. Б. Гудков* И. В. Захаренко, В. В. Красных).

Итак, немного модифицируя определение Ю. Н. Караулова, скажем, что к числу *прецедентных* мы относим феномены:

1) *хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);*

прецедентный феномен «хорошо известен всем представителям...» постольку, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании и имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия;

¹ Отмечу, что участники семинара «Текст и коммуникация» неоднократно обосновывали в своих работах введенный термин (см. работы Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и мои 1996—1998 годов).

7) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;*

за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными; 3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества;* говоря о постоянной апелляции к прецедентным феноменам (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что «возобновляемость» обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть «потенциальной», т. е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (в противном случае это будет апелляция не к прецедентному феномену — признаки 1—2); однако данный критерий (постоянная возобновляемость в речи) может быть признан «факультативным» далеко не для всех прецедентных феноменов (так, ни при каких условиях он не может быть признан таковым для прецедентных высказываний), вследствие чего мы поместили его в ряд обязательных дифференциальных признаков прецедентных феноменов.

Такая трактовка прецедентного феномена (ПФ), как мне кажется, некоторым образом соотносится с пониманием «феномена» в философиях Декарта и М. К. Мамардашвили. Но мыслители говорили о феномене как таковом, а мы с Вами — об инварианте восприятия прецедентного феномена (ИВПФ). Вместе с тем я считаю возмож-

ным привести здесь цитату из «Картезианских размышлений», которая, как мне кажется, точно передает, что именно я имею в виду, говоря об ИВПФ: «... феномен передать словами нельзя. Он *должен быть и, тем самым, быть нам известным*, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена» (выделено мною. — В. К.). Другими словами, если перебросить мостик между анализируемой в указанном труде философией Декарта и «нашими» прецедентными феноменами, то окажется, что «феномен» по Декарту (и по Мамардашвили) тождествен «нашему» инварианту восприятия ПФ: его *не нужно* вербализовать, ибо, если он есть, то самым фактом своего существования, он говорит о том, что он известен. И хотя в большинстве случаев вербализация возможна, но она именно возможна, но не обязательна, и именно в большинстве случаев (т. е. как правило, возможна), но не всегда. Указанные соображения и позволили соотносить приведенное выше понимание феномена с ИВПФ, ибо невербализованность (а в ряде случаев и невербализуемость) ИВПФ в данном случае выступает как сильный член оппозиции: вербальные vs невербальные ПФ, вербализуемые vs невербализуемые.

Итак, прецедентные феномены могут быть как *вербальными*, так и *невербальными*: к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым — произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. Апелляции в речи к невербальным феноменам возможны через прецедентные и не прецедентные феномены (например, персонаж Т. Васильевой в к/ф «Самая обаятельная и привлекательная» описывается как «крокодил с улыбкой Джоконды»). Однако в данном курсе мы с Вами будем рассматривать в первую очередь *вербальные* прецедентные феномены: прецедентное имя и преце-

дентное высказывание² — и *вербализуемые*, т. е. поддающиеся вербализации, к которым мы относим прецедентную ситуацию и прецедентный текст. Последнее утверждение требует особых оговорок: сам текст, имеющий статус прецедентного, — феномен, безусловно, вербальный (как например, «Анна Каренина» или «Евгений Онегин»), однако в сознании такой текст хранится, как правило, все-таки не от первого до последнего слова, но как некий «концепт» (по Н. И. Жинкину) на национальном, так сказать, уровне, т. е. как очень сжатый «образ», максимально «уплотненное» представление об этом тексте (включая сюжет, основные коллизии, персонажей, подчас какие-то детали и т. д.). Как показывают наблюдения, апелляции в речи происходят, как правило, именно к этому представлению, которое может быть «развернуто», вербализовано. Именно поэтому мы и относим прецедентный текст к числу вербализуемых феноменов.

Приведу то понимание данных феноменов, которое разработано участниками семинара «Текст и коммуникация», но с некоторыми уточнениями. Итак.

Прецедентная ситуация (ПС) — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или не прецедентный феномен (например, *яблоко*, *соблазнение*, *познание*, *изгнание* — как атрибуты одной ситуации).

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма зна-

² Данным феноменам посвящен ряд интереснейших работ Д. Б. Гудкова и И. В. Захаренко.

чений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (напр., «Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д.

Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (напр., *Ломоносов*) или более элементов (например, *Куликово поле*, «*Летучий голландец*»), обозначая при этом одно понятие.

*Прецедентное высказывание (ПВ)*³ — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ

³ Традиционное понимание термина «высказывание» предполагает предикативность единицы. Однако современные исследования (см. работы И. В. Захаренко) показывают, что при предлагаемом подходе нет существенной разницы в функционировании «предикативных» и «непредикативных» прецедентных высказываний.

принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня!*, *Кто виноват?* и *Что делать?*, *Ждем-с!*), а также пословицы (например, *Тише едешь — дальше будешь*).

Прецедентный текст и прецедентная ситуация «хранятся» в когнитивной базе в виде *инвариантов восприятия* и могут быть при необходимости «вербализованы», собственно говоря, именно поэтому ПТ и ПС относятся к числу вербализуемых прецедентных феноменов. Они могут быть актуализированы посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или через какую-то деталь, атрибут или символ самого прецедентного феномена. В первом случае это может быть краткий пересказ или рассказ; представьте, например, ситуацию, когда необходимо объяснить иностранцу что-то о «загадочной русской душе» или ответить ему на вопрос: «А что русские имеют в виду, когда говорят?..» Думаю, что мы с Вами не станем — во всяком случае сразу — вдаваться в какие бы то ни было подробности и высказывать собственные изначально полемические взгляды, скорее всего мы максимально сжато, «компактно», но при этом и максимально информативно изложим самую «суть», которую знают и «имеют в виду» все русские. Вот это и будет вербализация (один из возможных ее вариантов) того самого инварианта прецедентного текста или прецедентной ситуации, о которых мы говорим. Например, представьте такой пересказ любого произведения русской классической литературы или рассказ о Ледовом побоище, Куликовской битве или о совете в Филях.

Прежде чем перейти к более подробному разговору о данных феноменах, представлю еще одну их классификацию, критерием разбиения в которой служит «внешний масштаб», широта охвата — от социума до общечеловеческого сообщества. Напомню, что в курсе психолингви-

стики мы с Вами договорились разграничивать «социум» и «национально-лингво-культурное сообщество» по числу объединяющих дифференциальных признаков: если один признак (например, поколение, уровень образования, профессия, хобби, конфессия и т. д.), то мы имеем дело с социумом; если признаков несколько (например, язык, история, культура и др.), то речь идет о национально-лингво-культурном сообществе.

СОЦИУМНО-,
НАЦИОНАЛЬНО-И
УНИВЕРСАЛЬНО-
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ

Итак, прецедентные феномены могут быть: 1) социумно-прецедентными;

2) национально-прецедентными;

3) универсально-прецедентными⁴:

1. *Социумно-прецедентные* — феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство, т. е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

2. *Национально-прецедентные* — феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

Отмечу, что при переводе, в частности, художественной литературы квалифицированные переводчики дают дополнительные разъяснения, комментарии или интерпретации, раскрывая инвариант восприятия того или иного феномена, очевидный для носителей языка-оригинала, но

⁴ Особо оговорю, что автопрецеденты я не рассматриваю, т. к. они либо не отвечают приведенному определению прецедентных феноменов, либо входят в число (как минимум) социумно-прецедентных.

закрытый для читателей перевода. Например, фраза «*Сквозь усталость меня стал точить червь сомнения относительно разумности моей поездки: не получится ли так, что, пролетев столько миль, я явлюсь на свидание в Самар-пг?*» снабжена следующим комментарием переводчика: «*То есть буду достигнут неизбежной судьбой (ассоциация с романом Док. О'Хара «Свидание в Самарре»)*»⁵. Если же таких комментариев не дается, то смысл аллюзии может остаться закрытым для читателей переводной версии произведения. См.: «*Она чувствовала себя легко, бестелесно. Ей казалось, что ее куда-то уносит бризом, сильным бризом в бесконечные просторы. [...] "Очень скоро, — подумала она, — мне не понадобится и торнадо, как это случилось, с Дороти. Всего лишь дуновения ветерка будет достаточно, чтобы перенести меня в мир иной"*»⁶. Думается, что отсылка к ситуации из сказки «Страна Оз» (и ситуация, и текст явно прецедентны для англоязычной культуры) была бы значительно более понятна русскому читателю, если бы переводчик вместо Дороти и торнадо использовал Элли и ураган, унесший ее в волшебную страну, или как минимум упомянул «Волшебника Изумрудного города».

3. *Универсально-прецедентные* — феномены, известные любому среднему современному homo sapiens и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу).

Сразу оговорюсь: чтобы утверждать или отрицать существование некой универсальной «когнитивной базы» или как минимум универсального когнитивного пространства, необходимы широкие и глубокие исследования национальных когнитивных баз. Поэтому на сегодняшний

⁵ Брайан Форбс. Порочные игры. М., 1997. С. 322—323. Перевод — М. Т. Ойзерман.

⁶ Дин Кунц. Видение. М., 1998. С. 92—93. Перевод — О. Волосюк.

день последний тип носит достаточно гипотетический характер, хотя и представляется вполне реальным. Приведу несколько примеров. Так, об амбициозном полицейском метро, пренебрежительно общавшемся с учеными, герой американского фильма⁷ говорит: «Я не знал, что теперь у нас Наполеоны идут работать в транспортную полицию». Герой американского романа⁸, актер-неудачник, так описывает себя: «Лицо у меня худое, с резкими чертами, лицо хищника. Волосы иссиня-черные. Кожа смуглая, зубы белые как сахар и ровные. И ко всему этому — легкая ироничная улыбка. Короче, по типажу я скорее Яго, чем Гамлет». Еще несколько примеров из романа «The Night Manager», автором которого является John le Carre⁹:

In the matter of extraction public money from his ministry, Goodhew's quarter-century before the Whitehall mast is not in vain. He becomes a bureaucratic Robin Hood, fiddling the government's accounts in order to ensnare its wayward servants [p. 308].

Burr's voice became a mile regretful. «Ratting days are over, Harry. The ship's sunk. Just one mare rat, and that's your lot. [...] You know what this is, Harry?» He lifted the thick end of the tie. "It's Dr. Paul Apostoll's tongue, pulled through his throat, Colombian style, thanks to Harry Palfrey's ratting. You sold Apostoll to Darker. Remember? Ergo, you sold my agent Jonathan Pine to Darker also. [...] You sold Geoffrey Darker to Goodhew — except you didn't *really*, did you? You *pretended* to, then you doubled on yourself and sold Goodhew to Darker instead. What are getting out of it, Harry? *Survival!* I wouldn't bet on it. In my book you're due about one hundred and twenty pieces of silver

⁷ К/ф «Мутанты», произ-во США. Приводя те или иные примеры, я никоим образом не оцениваю их «качества», равно как и интеллектуальный или эстетический уровень их источников

⁸ Лоуренс Сандерс. Торговцы плотью. М., 1997. С. 11.

⁹ John le Carre. The Night Manager. Ballantine Books, NY. 1994.

out of the reptile fund, and after that it's the *Judas tree*. Because, knowing what I know and you don't, but what you are about to know, you are finally, terminally ratted out" [p. 423].

Последний пример представляет особый интерес, поскольку в данном случае апелляция к прецедентной ситуации осуществляется посредством сочетания *Judas tree* (иудино дерево), прецедентного для англоговорящих, но явно не прецедентного для русских (хотя вполне прозрачного и понятного, в первую очередь благодаря прецедентному имени *Иуда* и соответствующей прецедентной ситуации).

Этот пример интересен еще и тем, что автор использует глагол *to rat*, в основе образа которого лежит стереотип *крысы*, в анализируемом примере явно включающем в себя «предательство». О стереотипах как таковых мы с Вами будем говорить подробно в настоящем курсе чуть позже, но сейчас для себя отметим, что *крыса* для русских если и имеет признак «предательство», то далеко на периферии этого образа. Для нас главными являются другие признаки: крыса — существо противное, возможно, даже отвратительное, мерзкое, хитрое и в этой своей хитрости умное, коварное и опасное. Ну, а теперь вернемся к разговору о прецедентных феноменах.

На мой взгляд, вопрос об универсально-прецедентных феноменах явно заслуживает серьезного дополнительного исследования. Равно как и вопрос о границах названных типов когнитивных пространств: коллективных (социумных) когнитивных пространств, когнитивной базы и универсального когнитивного пространства (базы). Это связано с тем, что, во-первых, социумные когнитивные пространства могут одновременно *входить* в несколько когнитивных баз и, наоборот, *включать* в себя несколько когнитивных баз (например, коллективное когнитивное пространство представителей одной области знаний, но

различных национально-лингво-культурных сообществ). Во-вторых, границы между типами когнитивных пространств подвижны: те или иные когнитивные структуры могут относиться одновременно ко всем трем коллективным когнитивным пространствам или принадлежать к одному или двум из них. При этом феномены могут со временем переходить из категории, например, национально-прецедентных в категорию социумно-прецедентных, и наоборот. Приведу несколько примеров. Первый иллюстрирует положение о том, что социумно-прецедентные феномены входят в коллективное когнитивное пространство, которое уже национальной когнитивной базы.

А: Ну, как ты себя чувствуешь?

Б: Как *Меньшиков в Березове*.¹⁰

Третий участник коммуникации, не принимавший активного участия в данном фрагменте беседы, по наблюдению автора второй реплики (Б.), не понял ответа, т. е. Б. апеллировал к феномену, явно известному А., но не знакомому и не понятному для третьего участника беседы. Произошло это без «злого умысла», поскольку границы известности/неизвестности того или иного ПФ подчас неточно определяются участниками коммуникации. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с ПФ, который может быть признан социумно-прецедентным и который входит в коллективное когнитивное пространство, представляющее собой, на наш взгляд, более узкое «образованье», нежели национальная когнитивная база.

Примеры иного рода я нашла в англоязычной литературе. Те ПФ, которые мы рассмотрим в данном случае, являются также социумно-прецедентными и входят в коллективное когнитивное пространство. Однако последнее

представляется нам в определенном смысле «шире», чем некоторая национальная когнитивная база, поскольку указанные феномены оказались известны не только представителям английского (и американского¹¹) национально-лингво-культурного сообщества, но и русским. Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что данные феномены известны далеко не всем русским, англичанам и американцам. Иначе говоря, мы имеем дело с коллективным когнитивным пространством, которое одновременно и уже (поскольку включает феномены, не являющиеся национально-прецедентными), и шире (поскольку «охватывает» представителей нескольких национально-лингво-культурных сообществ) отдельной национальной когнитивной базы. И еще одно соображение. Думается, что, несмотря на известность данных феноменов представителям разных национально-лингво-культурных сообществ (их «опознаваемость») и их несомненный статус социумно-прецедентных, инварианты их восприятия в различных «культурных средах» могут различаться (и значительно). Следовательно, представляется необходимым, признав и закрепив на сегодняшний день за такого рода феноменами статус социумно-прецедентных, все-таки иметь в виду потенциальную возможность их «квазипрецедентности». Однако для того, чтобы дать точный ответ о реальной или квазипрецедентности того или иного феномена, необходимы дополнительные межкультурные исследования.

Итак, первые два примера были обнаружены в уже упомянутом романе «The Night Manager»:

Привыкая к новому временному месту своего обитания, которое принадлежит крупнейшему торговцу оружием и которое называется Crystal, главный герой думает:

¹¹ Речь идет об английских авторах, которые популярны не только в Великобритании, но и в США.

¹ Пример М. В. Всеволодовой.

Crystal, he repeated to himself as they carried him up the teak staircase. *Crystal. A Crystal as Big as the Ritz* (p. 216).

В этом случае, на мой взгляд, имеет место явная аллюзия на «Алмаз величиной с отель "Риц"» Ф. Скотта Фицджералда.

Второй пример не вызывает сомнений: апелляция к ПФ — к роману Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда»:

A stocky black manservant admitted them. He wore a green waistcoat and black trousers. A venerable black butler in a striped cotton waistcoat came forward to receive them.

"Forfhe Chief, please, Isaac", said Corkoran. "*Dr. Jekyll and Mr. Hyde. We're expected.*"

В американском сериале «Путешествия в параллельные миры» главный герой, вернувшись именно из такого путешествия, не может «вспомнить», что «ужасного», о чем говорят окружающие, он делал в своем мире во время собственного отсутствия. (В конце концов выясняется, что вместо него действовал его двойник из «параллельного мира».) Пытаясь разобраться в происходящем, герой произносит следующее: «Я совсем схожу с ума... То же самое случилось с доктором Лжекилем».

Два примера из романа «Колеса» известного англо-канадского автора Артура Хейли¹². В первом примере мы имеем дело с прецедентной ситуацией, во втором — с прецедентным именем и его атрибутом.

Within the auto industry, he was well aware, plenty of others would agree with him. A strong contingent of younger executives and a surprising sprinkling of topmost echelons conceded that basically — despite excesses and inaccuracies — the arguments

¹² Arthur Hailey. *Wheels*. London, 1973.

of Vale and Nader [journalists] over past few years made sense. The industry had relegated safety to a minor role in car design, it had focused attention on sales to the exclusion of most else, it had resisted change until forced to change through government regulation or the threat of it. It seemed, looking back, as if auto makers had become drunken on their own immensity and power, and *had behaved like Goliaths, until in the end they were humbled by a David* — Ralph Nader and, later, Emerson Vale. [p. 59]

It was an interior trim inspector, an old-timer on the line, a runtish man with a face extraordinarily like that of *Hitler*. Inevitably, fellow workers called him Adolf and, as if enjoying the joke, the employee whose real name Zaleski could never remember — even combed his short hair forward over one eye. [p. 31]

В романе другого английского автора¹³ находим *кафкианский кошмар* как описание ужасной ситуации в жизни главного героя. В романе американского автора Дина Кунца¹⁴ читаем такой диалог двух главных героев:

— А я какая?

— Ты относишься к тому типу людей, которые всегда спрашивают, по ком звонит колокол, и всегда проливаешь ручьи слез на любом мало-мальски печальном фильме.

В американском телесериале «Детектив Нэш Бриджис» главный герой ловко открывает отмычкой потайную дверь. Его напарник немедленно реагирует на это: «Я за тобой, Гудини».

Весьма интересные примеры такого же рода я нашла у М. Э. Конурбаева и Е. О. Менджеричкой, например: *The French lender's woman* — название статьи из газеты (издаваемой в формате журнала) «The Economist» о взаимом-

¹³ Брайан Форбс. *Порочные игры*. М., 1997. С. 397.

¹⁴ Дин Кунц. *Видение*. М., 1998. С. 54.

отношениях между французским банком и Голливудом, которое явно отсылает читателя к роману Джона Фаулза «*The French Lieutenant's Woman*». Или: *Not so Grimm* — статья, представляющая собой, по мнению М. Э. Конурбаева и Е. О. Менджеричкой, «развернутую метафору», с «аллюзией в названии на знаменитых немецких братьев-сказочников». И поскольку в статье речь идет о крушении коммунистических режимов и его последствиях, то ключевой образ — относящийся к эпохе маккартизма образ ведьмы («*the wicked witch*») — представляется указанным исследователям вполне предсказуемым.

Итак, *прецедентные феномены* — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

Среди ПФ выделяются *прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя и прецедентное высказывание*.

ПФ могут быть *социумно-, национально- и универсально-прецедентными*. Последний тип на сегодняшний день носит гипотетический характер. В дальнейшем, говоря «прецедентные феномены», мы с Вами будем иметь в виду ПФ на национальном уровне (национально-прецедентные).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994, № 6. С. 14—21.

Захаренко И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82—103.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Конурбаев М.Э., Менджеричкая Е. О. Функция воздействия в художественной литературе и публицистике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 103—109.

Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994, № 1.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, №3. С. 62—75.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. М., 1998.

Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Сорокин Ю. А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. М., 1987. С. 144—145.

Сорокин Ю. А., Михалева И. Ы. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98—117.

ЛЕКЦИЯ 4

Прецедентные феномены-
прецедентная ситуация (ПС)
прецедентный текст (ПТ)

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ Прецедентная ситуация (ПС) — это некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности: *Смутное время*, *Ходынка*, *Ватерлоо*, *семибоярщина* (ср. еще недавно актуальное «семибанкирщина») — или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства: *Монтекки и Капулетти*, *Ромео и Джульетта*, *бой часов в полночь* (из сказки о Золушке с последовавшим обратным превращением) и т. д. и т. п.

Какие ситуации могут быть отнесены к числу прецедентных? Если следовать нашему определению, то статус прецедентной будет иметь ситуация, которая: во-первых, хорошо знакома носителям определенного ментально-лингвального комплекса;

во-вторых, актуальна в когнитивном плане, т. е. имеет инвариант восприятия, в который входят определенные, минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя, в том числе, и коннотации, с данной ситуацией связанные;

в-третьих, апелляции к которой частотны (как правило или потенциально) в коммуникации представителей данного национально-лингво-культурного сообщества.

60

Инвариант восприятия ПС (ИВПС) возникает не на пустом месте: ситуация оценивается определенным образом и вписывается в уже существующую систему координат. Таким образом, ИВПС аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт конкретного национально-лингво-культурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и представлений и определенной системы оценок. Механизмом такой обработки является, по-видимому, некий национально-детерминированный алгоритм, позволяющий выделить существенные / несущественные элементы, которые оцениваются по шкалам «плюс/минус» и «верх/низ». Таким образом, инвариант восприятия прецедентной ситуации является своеобразной квинтэссенцией представлений о «добре и зле» на определенном участке, и в этом смысле ИВПС близок архетипу. Будучи результатом действия указанного алгоритма и войдя в систему подобных ему феноменов, т. е. будучи воспринятым (рассмотренным и оцененным) сквозь призму когнитивной базы и став ее частью, ИВПС сам начинает задавать систему оценок на данном участке. Иначе говоря, приобретя статус прецедентной, ситуация начинает выступать как «эталон» ситуаций данного, определенного типа вообще. Покажу это на показательном в этом смысле примере: для бывших советских людей *1937 год* — не просто один год из истории, но, подобно *Смутному времени*, это — название определенной эпохи (которая, кстати, если подходить с позиций строгой хронологии, началась чуть раньше — в начале 30-х — и закончилась чуть позже — в 1938 г.), характеризовавшейся определенными событиями, это — «именование», «называние» прецедентной ситуации. Поэтому становится понятной фраза журналиста «Московского комсомольца» по поводу ареста его российских коллег в Минске: «В Белорусы уже, похоже, опять насту-

пил *1937 год*» [МК от 20.08.97]. С примером такого же рода я несколько раз столкнулась во время празднования 850-летия Москвы: на Воробьевых горах, где должно было состояться шоу Ж.-М. Жарра, образовалась огромная толпа, и люди, опасавшиеся возможных последствий (неразбериха, хаос, давка), покидали район Университета со словами: *«Надо уходить: здесь будет Ходынка»* (отмечено мною в течение 1 часа в речи разных людей). Или вот как описывает «Хроника происшествий» дикое убийство из-за кода в подъезде: человек возвращался домой, заметил у подъезда «подозрительного типа», сначала начал набирать код, но потом решил все-таки убежать; но *«незнакомец догоняет недоверчивого мужика, начинает бить, требует сказать код... Три шифры. три шифры. три шифры... Бедняга стонет... Код он так и не выдал. Код смерти. Садиист убил его...»*[МК от 27.02.99]. Я думаю, что здесь имеет место апелляция именно к ПС, но реализуется она через использование прецедентного высказывания. Апелляция к ПС может осуществляться и с помощью прецедентного имени и/или краткого «описания» самой ситуации: *«Наши парламент тут напрягся и — чисто Зевс — родил из своей головы законопроект о народных дружинах»* [т/п «Итого» от 31.01.99]; *«Ген. прокурор исчез. Злые языки поговаривали, что он бежал в женском платье на Кубань, дабы возглавить там красных казаков и вести их на Москву...»*[МК от 03.04.99].

Среди прецедентных ситуаций можно обнаружить не только национально-, но и универсально-прецедентные. При этом инварианты их восприятий могут как совпадать, так и значительно различаться. Примером определенного совпадения восприятия прецедентной ситуации могут служить уже приводившиеся примеры универсально-прецедентных феноменов, а также следующий эпизод из американского фантастического телесериала «Вавилон-5», не-

сколько раз демонстрировавшегося по российскому телевидению: бывший начальник безопасности космической станции выступает в войне против командира станции и его команды — некогда своих друзей; он получает от представителей противника некое предложение, предполагающее определенные действия, которые вполне могут быть интерпретированы как предательство и которые, разумеется, должны быть некоторым образом вознаграждены (и материально, и морально). Разговор между экс-начальником (Б) и его вербовщиками (А) заканчивается следующим образом:

А: *От истины нас отделяют всего несколько дней. Многие ли могут сказать такое?*

Б: *Не знаю. Но последний, кто сделал такое, получил 30 серебряников.*

С другой стороны, не представляет большого труда обнаружить примеры и другого рода: когда восприятие той или иной ситуации различно в разных национально-лингво-культурных сообществах. Вот как, например, описывает конец Второй мировой войны (открытие второго фронта) и атомную бомбардировку Японии достаточно известный автор детективных романов, американский писатель Сидни Шелдон:

В Европе союзники одерживали одну победу за другой. 6 июня 1944 года американские, британские и канадские войска высадились на побережье Нормандии, а через год, 7 мая 1945 года, Германия подписала безоговорочную капитуляцию.

6 августа 1945 года на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба. Через три дня другая атомная бомба разрушила Нагасаки. 14 августа Япония капитулировала. Изнурительная и кровавая война закончилась. С. Шелдон. *Интриганка*.

В данном фрагменте отражается достаточно, пожалуй, типичное представление американцев на исход Второй мировой войны: войну выиграли союзники (отсутствие какого бы то ни было упоминания Советской армии весьма значимо), бомбардировка Японии оказалась «удачным» ходом, который позволил быстро сломить сопротивление противника и спас жизни многих солдат. Очевидно, что в русском национально-лингво-культурном сообществе открытие второго фронта воспринимается совершенно по-другому: вспомним в связи с этим эпизод из одного советского фильма о войне, в котором рядовые солдаты называют «вторым фронтом» мясные консервы, полученные от союзников. Что уж говорить о *Хиросиме*, ставшей именем ПС, которую можно описать как «атомный кошмар, всеразрушающая и безжалостная сила, несущая смерть, конец света».

Как мы уже говорили с Вами, в когнитивную базу входит именно инвариант восприятия прецедентной ситуации (ИВПС); собственно, поэтому сама ПС относится к числу невербальных, но вербализуемых феноменов; правильное будет сказать, что вербализуемым феноменом является именно ИВПС. ИВПС представляет собой некую совокупность дифференциальных признаков самой прецедентной ситуации. Данная совокупность может быть более простой или более сложной, иметь большее или меньшее число элементов. «Атрибутами» ПС могут быть субъекты-персонажи и/или предметы, так или иначе в данной ситуации задействованные. И поскольку сам ИВПС подобен «поручику Кижэ, фигуры не имеющему», эксплицироваться, вербализоваться он может именно через свои атрибуты. Например, вернемся еще раз к ситуации предательства: в данном случае в дифференциальные признаки однозначно входят, например, *Иуда* (прецедентное имя) и *30 сребреников* (прецедентное высказывание). Возможно, но об этом

следует говорить с особой осторожностью, в число дифференциальных признаков рассматриваемой ситуации входит и *поцелуй Иуды* (иная прецедентная ситуация). Так, в МК от 20.02.99 был помещен следующий рисунок А. Меринова: на первом плане изображены два человека «библейской» наружности, один из них держит за спиной мешок, на котором написано «50 сребреников», на заднем плане — римские легионеры, человеку с мешком приписаны слова: «Я хочу подарить тебе поцелуй, который ты никогда не забудешь!» (атрибутами ситуации в данном случае являются: сами участники, 30 сребреников и поцелуй). Таким образом, апелляция к данной ситуации может быть осуществлена посредством целого ряда других прецедентных феноменов.

В ряде же случаев ситуация может иметь одно-единственное «имя», выраженное также другим прецедентным феноменом, например, *прорубить окно в Европу* (прецедентное имя *Петр I* будет в этом случае недостаточным). Интересно, что настенная реклама пива «*Невское*», которую можно было еще совсем недавно видеть, например, в метро, снабжена изображением *топора*, т. е. невербальный феномен может — а в данном случае и призван — вызывать определенные ассоциации. Но, как показали пилотажные опросы, одного топора в данном случае оказывается явно мало. Только дав сочетание «топор + Невское», я смогла получить объяснение рекламы через ПС. Однако в связи с этим сразу возникает ряд проблем: во-первых, прецедентный феномен-«экспликатор» может подвергаться определенной трансформации (это касается в первую очередь, разумеется, прецедентного высказывания); во-вторых, подчас бывает достаточно трудно определить, что

¹ Кстати, это цитата из рекламы, претендовавшая одно время на статус прецедентного высказывания, но так его и не получившая.

является атрибутом чего: например, прецедентное имя — атрибут ПС, или наоборот; чаще всего, очевидно, это абсолютно равнозначные и обоюдозависимые феномены. Например, *предательство* <-> *Иуда*: как *Иуда* является атрибутом рассматриваемой ПС предательства, так и сама ПС входит в дифференциальные признаки данного прецедентного имени. Так, в статье об аресте экс-министра юстиции Ковалева журналист так вкратце описывает его карьеру в «высших эшелонах власти»: Ковалев был вице-спикером Госдумы от **КПРФ**, но, когда вошел в кабинет министров, с КПРФ «порвал»; накануне президентских выборов «устроил Зюганову большую бяку», разгромив его предложения; после этого начались «крики» о расколе КПРФ. Такой рассказ журналист заканчивает фразой: «*Ответным шагом власть в лице Черномырдина сохранила для цуды пост министра юстиции*» [МК от 04.02.99].

Актуализация прецедентной ситуации может осуществляться путем использования какой-либо цитаты-прецедентного высказывания, сданной ситуацией тесно связанного и ее эксплицирующего, например: *тяжела ты, шапка Мономаха; и мальчики кровавые в глазах; Махмуд, поджигай; таможня дает добро; не пей — козленочком станешь* и т. д.

Кроме того, любая прецедентная ситуация может быть актуализирована с помощью единиц, не входящих в число прецедентных, «описательно» или путем «именования» (так мы называем некую ситуацию «*предательством Иудой Христа*»).

Вместе с тем, в целом ряде случаев именно «именование» ситуации представляет особую сложность, как в случае с *полночным боем часов* (вне контекста, а контекстом может служить упоминание хрустальной туфельки, Золушки, бала и/или волшебных превращений, так вот, вне контекста эти слова, на мой взгляд, никакую ПС не актуализи-

зируют): *Часы отбивали полночь, а это значило, что Золушка ряпа туфельку, в клуб приехал «отец», и он медленно захочет увидеть его*². Или еще одна прецедентная ситуация, которыми так богата Библия: атрибутами предлагаемой в качестве примера ситуации являются — *Ева Адам, змей, яблоко* или *яблоко, женщина, соблазнение, (по)знание, гнев, изгнание*. Думается, что само перечисление атрибутов сделало понятным, о какой ситуации идет речь. Но как назвать ее? Очевидно, найдется немало вариантов, но насколько они будут точны, лапидарны и однозначно понятны, так, как понятна сама ситуация? Следует сказать, что обработка материалов **АТРЯ**³ показала, что экспликация прецедентной ситуации может быть осуществлена непрецедентным феноменом и при этом не быть ее «именованием». При этом вербализация может быть достаточно неожиданной, но всегда «прочитываемой». Так, только что упоминавшаяся ситуация стоит, как мне кажется, за следующей ассоциацией: **гнев** —> *яблоко* (1) [К—1]. Но признаем, что за данной ассоциацией может стоять и другая прецедентная ситуация — «*суд Париса*», и соответственно, *яблоко*, врученное Афродите, и *гнев* богинь: Геры и Афины. Замечу, что точное знание всех деталей ситуации в данном случае совершенно необязательно. Необходимыми и достаточными являются, по-

² Ковалев Анат. Иначе не выжить. Минск, 1998. С. 138. Высказывание описывает ситуацию, когда главный персонаж незаметно покинул клуб, торопясь на тайную встречу, и столь же незаметно должен был вернуться до полуночи — времени традиционного появления в клубе своего шефа — «отца».

³ АТРЯ — Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. М., 1994; 1996. К—1 — Книга 1; К—2 — Книга 2; К—3 — Книга 3; К—4 — Книга 4. Стимул выделен жирным шрифтом, реакция — курсивом. В круглых скобках приводится чтение данной реакции на данный стимул.

моему, следующие «единицы»: *суд, выбор, три богини (граци), яблоко, гнев*. Это предположение, хотя и подтверждается данными пилотажных опросов, носит достаточно умозрительный характер и, безусловно, нуждается в дополнительной экспериментальной проверке.

Подобное понимание прецедентных феноменов в целом и прецедентной ситуации, в частности, позволяет по-новому взглянуть на традиционные объекты филологических исследований. Так, отгалкиваясь от предлагаемого понимания прецедентной ситуации и опираясь на некоторые идеи В. Н. Телия и А. Е. Супруна о фразеологизмах, И. В. Захаренко высказала предположение, с которым трудно не согласиться: очевидно, с точки зрения диахронии, за фразеологизмами стоит прецедентная ситуация, что позволяет рассматривать некоторые такие единицы (например, пословицы) как прецедентные высказывания, отграничивая их от собственно фразеологизмов.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ Повторю, что *прецедентный текст*

(*ПТ*) есть законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. ПТ входит в число феноменов, обязательно знакомых для представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества. Сам ПТ — феномен вербальный, однако в когнитивной базе он хранится в виде инварианта своего восприятия (ИВПТ), который представляет собой некую структурированную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о ПТ (включая коннотации, с текстом связанные). ИВПТ относится к числу феноменов вербализуемых, поэтому апелляция к ПТ осуществляется через связанные с этим текстом прецедентные высказывания (в том числе — «именования») ПС,

с данным ПТ связанных) или прецедентные имена. Совершенно очевидно, что только люди-книжки Р. Брэдли могли воспроизводить по памяти художественные тексты (включая романы) от первого до последнего слова. В обычной жизни такого, как правило, не случается. Однако есть прецедентные тексты, которые запоминаются целиком (детские стишки, тексты рекламы и т. п.). Такие тексты функционируют либо как прецедентное высказывание (о котором мы будем говорить позже), либо как собственно ПТ. Во всяком случае любой ПТ является прецедентным именно в силу наличия инварианта его восприятия. Знание ИВПТ — необходимо и обязательно для всех представителей данного сообщества; знакомство же с самим ПТ (именно как с текстом) — желательно, но не обязательно. Подчеркнем особо, что последнее требование (знание самого ПТ, как вербального продукта) не обязательно для «своих» и не достаточно для «чужих» (инофонов). Это связано, прежде всего, с различными алгоритмами восприятия, существующими в разных культурах.

Приведу примеры апелляции именно к прецедентным текстам, которые я обнаружила в современной печати. «*Отрадно сознавать, что мышкой (см. русскую народную сказку «Репка») выступила наша газета*» [МК от 05.02.99] — статья о том, что после публикации прокуратура начала предпринимать определенные действия. Замечу, однако, что «прямого» названия текста, как в приведенном примере, обычно не требуется. Так, в разных источниках отмечены апелляции к одному и тому же феномену, но сам ПТ, к которому происходит апелляция, не называется: 1) «*Я, конечно, не советник компартии и не берусь что-то рекомендовать, но, по-моему, органчик-то сломался. Надо что-то делать, пока Геннадий Андреевич не расказал что-нибудь о партийной кассе*» (по поводу оговорки Зюганова: «теория ленинизма собрала тысячи, сотни

тысяч рублей... людей») [т/п «Итого» от 31.01.99]; 2) «Приятная неожиданность недели состояла в том, что президенту включили органчик. Последнее время россиянам по телевизору показывали только его динамику, мимику и артикуляцию, как в немом кино, а теперь к живому изображению наконец добавили звук... Первым делом органчик, с шипением и похрипыванием, рассказал высокой китайской делегации, что у президента в свое время были встреча с их лидером без галстуков... Вторым делом органчик поставил президента рядом с премьер-министром и заявил, что есть две твердые позиции...» [МК от 27.02.99]. Следует отметить, что ПТ, к которому апеллирует говорящий, может и не иметь названия (например, если ПТ — текст рекламы или анекдота), однако апелляция к нему не становится от этого менее прозрачной: «Неуловимый Джо. Б. Березовский и его убийцы» [МК-Бульвар от 28.12.98—03.01.99]. Отсылка к тексту анекдота про «неуловимого Джо», который неуловим, поскольку никому не нужен и никто его не ловит.

Следующий пример показывает, что апелляция может происходить не ко всему тексту, а только к какой-то его части: «*Кстати, несмотря на укоренившееся мнения, религиознее мы за последнее время не стали: 40,6% опрошенных не считают себя верующими. [...] Правда, большинство россиян (77%) продолжает верить в себя. И это внушает некоторую надежду, что птица-тройка все-таки домчит нас куда надо*» (о результатах социологического опроса) [МК от 19.02.99].

Интересны примеры апелляции к целому ряду прецедентных феноменов, сконцентрированных в одном ПТ, т. е. к самому ИВПТ, к ПС и к ПВ, с данным текстом связанных. Например: «*Но Скуратов — не Илюхин. Он абсолютно вменяем. Даже предпринятые полторы недели назад попытки заменить прокурорских охранников*

(вместо надежных парней внедрить «казачков») не стали достоянием общества» [МК от 03.04.99]. В данном случае имеет место апелляция к прецедентному высказыванию (см. далее) «*А казачок-то засланный*» и — через него — к ПС и к ПТ (ИВПТ) фильма «Неуловимые мстители».

Пример такого же рода — апелляция через прецедентное высказывание к ПС и к ПТ в целом (в данном случае к сказке Кипплинга «*Маугли*»), в котором данная ситуация описана:

— *Так что, получается, Акела промахнулся?*

— *Да, Акела промахнулся.*

Данный пример был зафиксирован нами в передаче 21.04.99, когда журналисты радиостанции «Эхо Москвы» обсуждали решение Совета Федерации о «неутверждении отставки Генпрокурора». Один из них (автор второй реплики) утверждал, что «президентская команда отвратительно подготовила вопрос», что и спровоцировало, очевидно, его собеседника (автора первой реплики) на подобную ассоциацию (Ельцин <-> Акела и отказ СФ поддержать решение Президента об отставке Скуратова вследствие провала помощников Президента <-> ситуация «подготовленной» неудачи «на охоте»).

Как показывают наблюдения, такого рода случаи апелляции к «комплексу» прецедентных феноменов далеко не уникальны и, более того, достаточно частотны (о зонах пересечения / наложения различных ПФ — чуть позже).

Как и ситуация, текст, прежде чем обрести статус прецедентного, подвергается определенной «обработке» — «проходит» через алгоритм восприятия, существующий в определенном национально-лингво-культурном сообществе. Получив же статус прецедентного феномена, тексты, уже в качестве таковых, сохраняют и задают алгоритм восприятия (художественного) текста, так как выступают

(осознанно или неосознанно для их потребителей) как эталоны (художественных) текстов вообще. Что понимается под алгоритмом восприятия прецедентного текста? Если признать, что тот или иной ПТ бытует в национальной когнитивной базе не во всей своей полноте и диалектичности, а в редуцированном, минимизированном виде, то действие алгоритма восприятия текста, следовательно, заключается в том, что многочисленные характеристики текста делятся на значимые /незначимые, последние отбрасываются, а первые закрепляются и структурируются. Иначе говоря, *алгоритм восприятия текста* есть деление его характеристик на существенные/несущественные и фиксирование первых при игнорировании вторых. Поэтому необходимо различать, во-первых, собственно сам ПТ и представление об этом тексте — ИВПТ, а во-вторых, ИВПТ, являющийся частью когнитивной базы, и индивидуальное представление о ПТ, входящее только в индивидуальное когнитивное пространство. Кроме того, совершенно очевидно, что у представителей разных культур существуют разные алгоритмы восприятия текста, разные принципы деления его признаков на существенные / несущественные, что и предопределяет разницу в оценках как самого текста, так и его персонажей и «провоцирует» коммуникативные сбои и провалы, т. е. в результате может привести к возникновению конфликтов.

Как же происходит указанное обретение текстом статуса прецедентного? Покажу это на конкретном примере (я опираюсь на совместную работу 1995 г. участников семинара «Текст и коммуникация»).

Какое-либо событие, какой-либо *реальный феномен (РФ)*, какая-либо *реальная ситуация (РС)* (например, Бородинская битва) может приобрести статус *прецедентного феномена (ПФ) /прецедентной ситуации (ПС)*, т. е. «получить» некий *инвариант восприятия (ИВПФ/ИВПС)* (на-

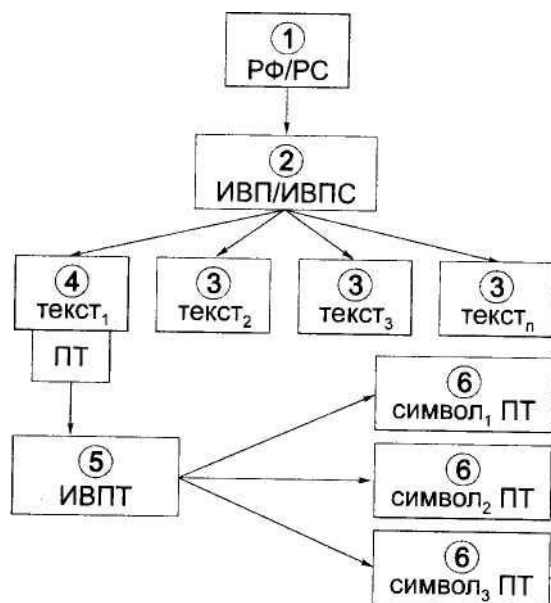
пример, представление о Бородино у русских). Данный *ИВПФ/ИВПС* может порождать различные тексты, количество которых потенциально бесконечно (например, тексты Жуковского, Лермонтова, Л. Толстого и др.) (текст[^] текст-, текстз ■■■ текст_п). Один (впрочем, их может быть и больше: $N_T > 1$) из этих текстов (текст, ... текст,) в результате действия алгоритма восприятия приобретает статус *прецедентного текста (ПТ)* (например, стихотворение Лермонтова «Бородино»), приобретает *инвариант восприятия (ИВПТ)* (например, тот инвариант восприятия стихотворения «Бородино», который существует в русской когнитивной базе). При этом *ИВПТ* может оказывать серьезное влияние на *ИВПФ/ИВПС* (например, стихотворение Лермонтова во многом предопределяет представление русских о Бородинском сражении). *ПТ*, существующий в когнитивной базе в виде *ИВПТ*, может иметь энное (достаточно большое, но не бесконечное) количество *символов*, под которыми понимаются определенным образом оформленные указания на Л Г (цитата, имя персонажа, заглавие), актуализирующие у адресата соответствующий ПТ и связанные с ним коннотации (Ю. Н. Караулов); другими словами, использование *символа ПТ* в речи актуализирует *инвариант восприятия прецедентного текста (ИВПТ)* (например, *Скажи-ка, дядя...*).

Только что сказанное можно представить в виде следующей схемы (см. сх. 3 на стр. 74).

На основании данной концепции можно высказать предположения о том, на каком из этапов и по каким причинам могут возникать различия в восприятии текста у представителей разных национально-лингво-культурных сообществ.

I. Реальная ситуация (РС) (в данном случае — Бородино) может быть известна русскому и ничего не говорить представителю другого национально-лингво-

Схема 3. Возможный путь появления ПТ

культурного сообщества (но в данном случае — не французу).

2. *Инварианты восприятия прецедентной ситуации (ИВПС)* у русского и у француза будут различны: русские говорят о победе под Бородино, для француза же Бородино — это одна из блистательных побед Наполеона, о чем свидетельствуют многие французские энциклопедии. Следовательно, различные *ИВПС* будут порождать различные тексты (текст₁,... текст_n).

3. В зависимости от национальных культурных, литературных традиций, от существующего в том или ином

национально-лингво-культурном сообществе алгоритма восприятия текста одна и та же РС и даже «схожие» ИВПС могут рождать различные (формально и содержательно) тексты (текст₁,... текст_n); соответственно, и при восприятии текста под воздействием все того же алгоритма носители разных культур будут обращать внимание на разные стороны этих текстов.

4. Следовательно, можно предположить, что статус прецедентного в разных культурах могут приобрести разные тексты.

5. Один и тот же текст может относиться к прецедентным у носителей различных культурных кодов, но инварианты восприятия (ИВПТ) будут у них *разными* (например, Дон Кихот в Испании и России или Том Сойер в США и России).

6. Если в основе текста не лежит какая-либо прецедентная ситуация или инвариант ее восприятия, которые могли бы оказать то или иное влияние ИВПТ, иностранец будет воспринимать русский прецедентный текст (т. е. входящий в русскую когнитивную базу) в соответствии со «своим», «родным» алгоритмом восприятия текста, понятно, что восприятие иностранца может быть (радикально) отлично от русского инварианта восприятия данного текста (так, студенты из США, прочитав стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком...», сказали, что смысл стихотворения в том, что на севере холодно и трудно жить и что каждый живущий там мечтает переехать на юг — пример Д. Б. Гудкова).

7. У русских существует достаточно жесткая связь: *символ ПТ* <-^> *ИВПТ*; у иностранца же, изучающего русский язык, такая связь отсутствует, и он, даже понимая значение высказывания, не понимает его смысл.

Исходя из указанных положений, можно сделать следующие выводы.

1) Инварианты восприятия прецедентных текстов (ИВПТ) входят в число «ядерных» элементов русской когнитивной базы, носители русского языка регулярно обращаются к ним в своей речи (или — добавим от себя — как минимум, имеют такую возможность), причем весьма редко вербализуют сами эти представления, поскольку предполагают знакомство собеседника с данным ИВПТ (следовательно, при обучении межкультурной коммуникации необходима презентация национальных, в нашем случае — русских, прецедентных текстов и инвариантов их восприятия).

2) Алгоритм восприятия текста и инварианты восприятия ПТ находятся в отношениях двунаправленной зависимости. С одной стороны, алгоритм есть тот механизм, который и «создает» инвариант восприятия прецедентного текста, т. е. ИВПТ *предопределяется* алгоритмом. С другой стороны, инварианты восприятия прецедентных текстов, входя в когнитивную базу и будучи неотъемлемой частью этой своеобразной системы координат, сами задают некоторую систему оценок, выступая как «классические образцы» восприятия текстов вообще. Другими словами, ИВПТ *предопределяют* алгоритм восприятия. Таким образом, ИВПТ и алгоритм восприятия текста образуют диалектическое единство, находясь в отношениях взаимодетерминированности и взаимозависимости. (То есть картина абсолютно аналогична той, которую мы рассматривали, говоря об инварианте восприятия прецедентной ситуации.)

3) Актуализация инварианта восприятия прецедентного текста происходит при обращении в речи к символу данного ПТ, поэтому перспективным направлением видится инвентаризация и описание специфики функционирования тех символов ПТ, обращение к которым наиболее характерно для носителей изучаемого языка. Результатом тако-

го рода исследования может явиться создание своеобразного словаря символов русских ПТ, над которым сейчас и работают участники семинара «Текст и коммуникация».

4) Языковая и речевая компетенции, позволяющие осуществлять адекватную коммуникацию на иностранном языке, требуют от изучающего язык знакомства с существующим в культуре изучаемого языка алгоритмом восприятия текста. То есть следует, очевидно, говорить не только о языковой и речевой компетенциях как составляющих коммуникативную компетенцию, но и о третьем компоненте последней — о культурной компетенции, равно необходимой для адекватной коммуникации представителей разных национально-лингво-культурных сообществ (данную мысль неоднократно высказывали многие исследователи).

Итак, ПС и ПТ (наряду с другими ПФ) являются *ядерными элементами когнитивной базы*. Чтобы приобрести статус ПФ, ситуация и текст должны подвергнуться определенной *когнитивной обработке* в соответствии с существующим в культуре *алгоритмом*.

Будучи «единицами» КБ, ПС и ПТ выступают в роли *эталонов* и задают алгоритм восприятия ситуаций и текстов. Алгоритмы обработки и восприятия феноменов различны в различных культурах, что обуславливает потенциальную возможность коммуникативных неудач.

ПС и ПТ хранятся в КБ в виде *инвариантов восприятия* (ИВПС и ИВПТ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 114—127.

Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багиева Д. В. Прецедентные тексты и проблема межнационального общения // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. (Москва, 13—15 декабря 1995.) М., 1995.

Гудков Д. Б., Красных В. В., Багаева Д. В., Захаренко И. В. Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории // Актуальные проблемы языкознания. Сб. работ молодых ученых филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1998. Вып. 2.

Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104—113.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, №3. С. 62—75.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. М., 1998.

ЛЕКЦИЯ 5

Прецедентное имя

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ (ПИ)

На прошлой лекции мы с Вами рассмотрели прецедентную ситуацию (ПС) и прецедентный текст (ПТ) и обнаружили их определенное сходство в алгоритме обретения ими статуса прецедентного, в форме хранения и в способах актуализации. Сегодня мы переходим к разговору о прецедентном имени (ПИ) и прецедентном высказывании (ПВ). И первое, что следует отметить — это то, что форма хранения ПИ и ПВ в когнитивной базе отличается от формы хранения ПС и ПТ. Как показывают исследования¹, в когнитивной базе хранится, во-первых, сам вербальный феномен (имя или высказывание); во-вторых, то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным, т. е. совокупность дифференциальных признаков и атрибутов (ПИ) и совокупность значений-смыслов (ПВ).

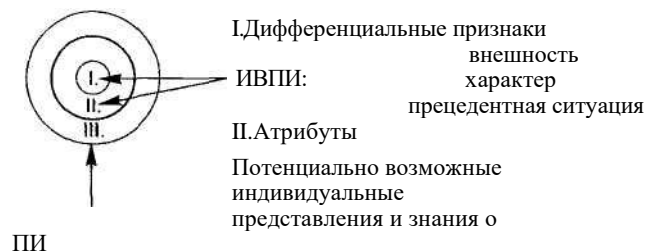
На сегодняшней лекции мы остановимся на ПИ и поговорим о нем подробнее (я опираюсь на основные положения коллективной статьи участников семинара «Текст и коммуникация» 1997 года).

Итак, прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро инварианта восприятия ПИ составляют диф-

¹ См. работы И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова и мои 1996 и 1997 гг.

ференциальные признаки, а его периферию — атрибуты² (см. сх. 4³).

Схема 4. Структура ПИ

Дифференциальные признаки составляют некую сложную систему определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Система дифференциальных признаков ПИ обладает определенной многоуровневой структурой, а не являет собой лишь совокупность некоторых признаков. Сравним это положение с идеей Ю. Д. Апресяна о том, что «лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность признаков, а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис». В связи с этим сегодня не представляется возможным определить и привести точный и полный «набор» элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного ПИ, однако можно выделить по крайней мере несколько групп характеристик, определяющих денотат прецедентного имени. Дифференциальные признаки ПИ могут включать харак-

² Термин «атрибут имени» принадлежит Д. Б. Гудкову.

³ Схема из указ. статьи. Сокращения, принятые в схеме 4: ПИ — прецедентное имя; ИВПИ — инвариант восприятия ПИ.

теристику предмета (см. сх. 4): (1) по внешности, или (2) по чертам характера, или (3) актуализироваться через прецедентную ситуацию.

(1) Приведу пример первого варианта — характеристика по внешности. Сравнивая кого-либо с *Кошечем Бесмертным*, автор прежде всего имеет в виду внешнее сходство со сказочным персонажем: очень худой, тощий. На пример, в статье «СЭС спит — ей кошки снятся», говоря о заинтересованности хозяев животных в привлекательном внешнем виде их питомцев, автор пишет: «... *породистая кошка ни в коем случае не должна выглядеть Кошечем, иначе на выставке награды ей не видать*» [МК от 06.06.97].

(2) Примеры второго варианта — характеристика по чертам характера. Называя кого-либо *Наполеоном*, автор характеризует этого «некто» как человека с большими амбициями (вспомним классика: «*Мы все глядим в Наполеоны*. . .» и далее по тексту). Пилотажный опрос французской аудитории показал, что для француза Наполеон связан в первую очередь с подвигами на любовном поприще. Представьте себе, как француз воспримет фразу: «*У меня наполеоновские планы*». Хотя, справедливости ради, следует сказать, что на периферии ПИ *Наполеон*, любвеобильность у нас тоже, пожалуй, имеет место. Помните, в фильме «*Маленький гигант большого секса*» есть такой эпизод: главный герой Марат случайно узнает, что его новая пассия является к тому и любовницей Берии. Понятно, что это не могло на нем не сказаться, и во время любовной встречи он потерпел полное фиаско. Далее следует такой диалог: «— *А говорил: в постели Наполеон*. — *Мадам, у каждого Наполеона свое Ватерлоо*». Пример такого же рода: «*Россия — страна сложная... страна не колбасная. Это не страна Штольца... Не страна Обломова — это точно. Но и не страна Штольца...*» (Э. Радзинский в т/п «Итоги. Ночной разговор» от 07.02.99).

(3) Третий вариант — актуализация ПИ через прецедентную ситуацию. Проиллюстрирую его следующим примером: приблизительно в 1995—1996 гг. реклама компании «Европа» неизменно сопровождалась фигурой *Петра I*, вызывая устойчивую ассоциацию с «*окном в Европу*», которое и «прорубил» указанный правитель.

Атрибутами называются некие «элементы», тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: кепка Ленина, маленький рост Наполеона, бакенбарды Пушкина. В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату (в другой терминологии — референту) и по которым его можно «идентифицировать», «узнать». Подобная «идентификация» может быть названа номинацией по атрибуту («именованием» предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени. На этом приеме основаны многие анекдоты, карикатуры, он широко используется в кинематографии.

Приведу примеры, доказывающие тезис о том, что детали внешности действительно могут выступать в роли атрибутов ПИ. Вспомним портреты-зарисовки К. Васильева (к примеру, портрет Д. Д. Шостаковича, на котором изображены только очки великого композитора, но «за ними», за их «полетом» легко «читается» образ самого их хозяина). Или фильм «Бакенбарды»: персонажи, подражавшие Пушкину, использовали определенные атрибуты образа поэта — бакенбарды, черный цилиндр, черный плащ на белой шелковой подкладке, тяжелая трость с большим наболдашником. Те же персонажи, начав подражать Маяковскому, обрили налысо, надели старые мешковатые штаны (брюками назвать сей вид одежды представляется несколько затруднительным) и «заслуженные» безраз-

мерные свитера без ворота, т. е. начали эксплуатировать атрибуты образа другого великого поэта — «глашатая и бунтаря». Или фильм Т. Абуладзе «Покаяние», главный герой которого «составлен» из деталей одежды и/или внешности исторических личностей, имена которых стали прецедентными. Иными словами, он наделен атрибутами, способными вызвать устойчивые и однозначные ассоциации с «денотатом» — реальным «хозяином» атрибута и, следовательно, имени: усы Гитлера, очки Берии, френч Сталина, а также бельканто и любовь к классической итальянской музыке, что вызывает ассоциацию с Муссолини. (Вспомним также известное «Мы живем, под собою не чуя страны...» О. Э. Мандельштама или «То он в бронзе, а то он в мраморе...» А. Галича, где именно по атрибутам легко восстанавливается образ Сталина.)

Далее, рассматрив в общем виде структуру прецедентного имени, обратимся к функциональному аспекту данного феномена. Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи. Прежде всего, ПИ, как любое другое индивидуальное имя, способно именовать предмет, указывая непосредственно на денотат. В таком случае дифференциальные признаки прецедентного имени оказываются не релевантны, как бы «игнорируются», однако связь данного имени (в этом случае оно выступает в первую очередь как имя собственное, а не прецедентное) с «породившим» его текстом (в данном случае не важно, прецедентным или нет) может сохраняться, например: «*Обломов* — герой романа *Гончарова*».

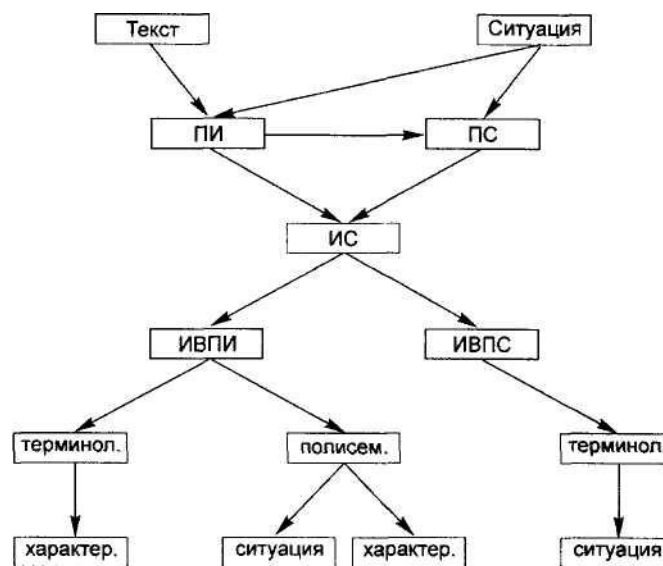
Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего, помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за

именем «предмета». В этом случае имеет место апелляция к дифференциальным признакам ПИ, составляющим ядро инварианта его восприятия. При таком функционировании ПИ не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется, само ПИ оказывается «самодостаточным», чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака, например: *Как же! Жди! Он же шага лишнего не сделает, Обломов несчастный!* (а также вспомним слова Э. Радзинского, приведенные ранее).

Использование же прецедентного имени в качестве имени-символа является одним из возможных вариантов функционирования самого ПИ в коммуникации (и это составляет еще одну особенность функционирования ПИ). ПИ выполняет функцию символа в том случае, когда необходима апелляция к прецедентному тексту и/или прецедентной ситуации (вернее — к инвариантам их восприятия). Например, ПИ *Хлестаков* может быть использовано для актуализации как самого прецедентного текста «Ревизор» (или ИВПТ), так и для апелляции к какой-либо прецедентной ситуации, описанной в данном ПТ. В таком случае ПИ *Хлестаков* функционирует как имя-символ прецедентного текста и/или прецедентной ситуации. В других случаях, когда кто-либо характеризуется как человек хвастливый (возможно, болтливый, «никчемный»), данное имя используется именно как собственно прецедентное, но не как символ. Например: *Эта история может показаться посленовогодним бредом. Подозрительный иностранец становится начальником крупнейшего управления Госналогслужбы. Едва ли не садится в кресло замминистра. Вертит как хочет пограничниками, таможенниками, милиционерами. Переносит таможенную границу. Подобное возможно только в России. И только при одном условии: за спиной*

новоявленного Хлестакова должен стоять кто-то из первых лиц государства... [МК от 05.01.99].

Итак, повторим, что дифференциальные признаки ПИ могут включать характеристику предмета по чертам характера, внешности, а также актуализироваться через прецедентную ситуацию. Остановимся подробнее на возникновении имени-символа (ИС) и его функционировании в речи (см. сх. 5⁴) (я опираюсь на положения еще одной кол-
 Схема 5. Возникновение и функционирование ИС

⁴ Используемые в схеме аббревиатуры и сокращения: ПИ — прецедентное имя; ПС—прецедентная ситуация; ИС—имя-символ; ИВПИ — инвариант восприятия прецедентного имени; ИВПС — инвариант восприятия прецедентной ситуации; терминол. — «терминологичное» имя; полисем. — «полисемичное» имя; характер. — характеристика.

лективной статьи 1997 года, написанной участниками семинара «Тик»).

Предлагаемая схема показывает, что прецедентное имя, ставшее именем-символом, может «восходить» либо к (прецедентному) тексту, либо к (прецедентной) ситуации. И в том, и в другом случае возможны 2 варианта:

(1) Текст -> ПИ -> ИС • ИВПИ —> (а) терминологичное имя; (б) полисемичное имя.

При употреблении в речи такое ПИ обозначает определенный признак, некоторую черту характера или внешности, т. е. имеет «терминологическое» значение и является символом некоей характеристики, некоего характера. Скажем, когда говорящий по-русски называет кого-либо *Обломовым*, и он сам и реципиент понимают, что этот некто был охарактеризован как лентяй (происходит актуализация ограниченного набора дифференциальных признаков, а возможно, и только одного дифференциального признака — лень). Аналогичная ситуация имеет место и при использовании в речи имени *Колобок*: «*Ой, Колобок какой пошел!*» В этом случае происходит апелляция к инварианту восприятия данного персонажа русского фольклора, причем здесь речь идет не о характере, как в предыдущем примере, но о внешности героя. И хотя можно было бы предположить, что за этим героем кроется свободолюбие и независимость (*Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!*) или хитрость — как-никак, а обманул всех, кроме лисы (которая, кстати, для русских является «эталонном» хитрости), в данном случае актуализируются «портретные характеристики» персонажа: маленький (в смысле небольшого роста), кругленький, толстенький (вспомним персонаж А. Марининой, получивший у своих подчиненных именно такое прозвище: он полностью соответствовал указанному инварианту). Такого же рода примеры: *Гав-*

рош — уличный мальчишка, отчаянный, независимый, задиристый (интересно, кстати, что в свое время существовала и даже была модной женская стрижка «под мальчишка», которая носила имя этого персонажа Виктора Гюго); *Хлестаков* — безудержный хвостун-врун, самозабвенно рассказывающий о себе фантастические истории; *Ален Делон* — «эталон» мужской красоты; *Мерилин Монро* — «эталон» женской красоты; *Рокфеллер* — «эталон» богатства; *Альхен* — скромный, застенчивый воришка; *Плюшкин* — скупой, собирающий и/или хранящий старые, ненужные вещи. В целом ряде случаев за такими именами не стоит сложный комплекс дифференциальных признаков, а их «облегченное» значение выражается цитатой из породившего их текста, с которой такое имя тесно связано; например: *Мистер Твистер* — бывший министр, *Мистер Твистер* — миллионер, владелец заводов, газет, пароходов; *Мойдодыр* — умывальников начальник и мочалок командир и т. д. Зачастую именно это и «эксплуатируется», в частности, при создании рекламных текстов (например, реклама стирального порошка «Миф», где «главное действующее лицо» — *Мойдодыр*, именно в том качестве, как это представлено в приведенных строчках). Интересно, что из имен великих сыщиков: *Пинкертон*, *Шерлок Холмс*, *Мегрэ*, *Пуаро*, *Мисс Марпл*, — наиболее частотным и едва ли не нарицательным стало только первое {*Пинкертон* — «современные пинкертоны»), хотя каждый из указанных персонажей, очевидно, хорошо известен, и, пожалуй, может претендовать на статус прецедентного феномена (во всяком случае первые три — несомненно). Отметим, что «источник» имени оказывается нерелевантным: имя может быть иностранным, т. е. прийти из иноязычной литературы или принадлежать истории любого государства. Приведем несколько примеров: *Одна мадам, сторожившая дом не хуже цепного пса, вычислила грабителя, потому что при*

входе в парадное он... не вытер ноги! Мэгрэ в юбке оперативно обзвонила жильцов, чтобы затаились, а потом вызвала милицию [МК от 27.02.99]; — О Красильниковой ничего нет! — Нет. Ты теперь не ко мне, а к Колосову по этому делу обращайся. Он все нити себе забрал и информацию под сукно кладет. Нам, видишь ли, не доверяет. Пинкертон! — Сергеев презрительно вскинул бровь⁵. В связи с вышесказанным было бы интересно проследить, как поведут себя Анастасия Каменская, генерал Верлинов или граф Соколов, учитывая определенную популярность книг Александры Марининой, Даниила Корецкого и Валентина Лаврова. «За последние годы мы обрели как минимум еще одну героиню и героя — наш ответ Бонду» (кстати, еще одно прецедентное имя). Так были определены Каменская и Верлинов в «Миниэнциклопедии суперсыщиков мира», где они были поставлены в один ряд с мисс Марпл, Эркулем Пуаро, Шерлоком Холмсом, Мэгре, Джеймсом Бондом, майором Прониным и Глебом Жегловым [МК от 04.02.98]. Кроме того, прецедентное имя, «пришедшее» из прецедентного текста, может быть «полисемичным», т. е. обладать не одним дифференциальным признаком (как в только что приведенных примерах), а комплексом дифференциальных признаков, включающим как характеристику, так и ситуацию. В данном случае ПИ может быть символом не только некоторого образа (совокупности личностных черт, характера), но и определенной ситуации. Так, в определенных контекстах ПИ Тарас Бульба актуализирует прецедентную ситуацию убийства собственного сына (например, «Тарасы Бульбы в юбках» — название статьи о матерях-убийцах), но может использоваться и для обозначения патриота, вольного казака, защищавшего свою родину. Или: «Останы молодеют» (заголовок

⁵ Степанова Т. Звезда на одну роль. М., 1999. С. 317.

статьи в «Аргументах и фактах» о мошенничестве подростков) — апелляция к ПИ Остан Бендер актуализирует дифференциальные признаки данного имени. Последнее же в таком контексте служит для обозначения определенного набора характеристик (склонность к аферам, мошенничеству, обману). Вместе с тем, данное имя может актуализировать, выступая в качестве имени-символа, и ПС. Например, в тех же «Аргументах и фактах» есть рубрика «Уголок Остана Бендера» (имеет место апелляция к дифференциальным признакам, связанным с характеристикой «предмета»). В данной рубрике описываются различные ситуации, которые так или иначе могут быть соотнесены с прецедентными (400 способов относительно честного отъема денег у граждан), в которых действовал персонаж И. Ильфа и Е. Петрова (в таком случае ПИ Остан Бендер функционирует как имя-символ некоторой ситуации). Так же может функционировать и барон Мюнхгаузен, выступая то как имя-символ некоторой ситуации (полет на пушечном ядре в лагерь врага, полет на Луну или вытаскивание из болота за волосы себя и своего коня и т. д.), то как «имя» некоторой совокупности дифференциальных признаков. Именно в последнем значении употреблено данное имя в следующей ситуации: Знакомься, Шарапов. Это наш сотрудник. Гриша... Подпольная кличка — «б на 8». Непревзойденный фотограф и внук барона Мюнхгаузена [к/ф «Место встречи изменить нельзя»]. Такая же ситуация имеет место и при использовании ПИ Дон Кихот: с одной стороны, это может быть апелляция к инварианту восприятия характера героя, с другой — апелляция к инварианту восприятия ПИ через ситуацию. Как показывают наблюдения, инвариант восприятия самого ПИ различается по культурам. Так, для русских Дон Кихот — доблестный, бескорыстный, подчас наивный борец за справедливость, с возможной минимизацией данного набора, вплоть

до одного дифференциального признака, например, — в зависимости от контекста — может подразумеваться только бескорыстие. Для испанцев (точнее — каталонцев) Дон Кихот — человек не слишком большого ума, занимающийся ненужными вещами (данные О. М. Мунгаловой). Для шведов же или американцев Дон Кихот — человек, занятый бесполезным и бесплодным занятием. У нас это тоже есть (бесплодность, бесполезность, ненужность занятия), но только при апелляции к ПС. Хотя и здесь оценка самого Дона Кихота, безусловно, положительная, чего нельзя сказать о представителях «германоязычных» культур. Чтобы не быть голословной, приведу пример апелляции к ПС, в данном случае имеется в виду небезызвестная схватка с ветряными мельницами. Итак, интервью с профессором психологии о проблемах современной семьи: — *Многие считают, — говорит журналист, — что смогут перевоспитать своего будущего супруга. — К сожалению, такого «перевоспитателя» можно сравнить с Дон Кихотом, борющимся с ветряными мельницами. .. И ни один психолог здесь не поможет,* — отвечает психолог, имея в виду бесполезность и бесперспективность подобного поведения [МК от 13.03.99].

Аналогичный пример: *дядя Степа* — это человек большого роста и милиционер. В непосредственной коммуникации актуализируется либо то, либо иное «значение», и только конкретная ситуация общения позволяет понять, что именно имел в виду собеседник; например, разговор у светофора:

— *Стой! Куда на красный! Вон видишь — дядя Степа стоит!*

— *М-м!.. Тогда стоим...*

Собеседник мгновенно понял, что имелось в виду: на другой стороне улицы стоял милиционер (кстати, этот «*дядя Степа*» чисто внешне был больше похож на *Колобка*).

Следует отметить, что в ряде случаев имена такого типа могут провоцировать рождение «неологизмов», в основе которых лежит все тот же инвариант восприятия. Так, Г. Гурвич, создатель и первый руководитель театра «Летучая мышь», объясняя причины, побудившие его приехать в Москву, сказал, что во времена его юности уже был КВН, блистал Ю. Гусман, собирались (в том числе и в Баку) веселые и шумные компании: *Все это порождало у меня [у Гурвича] д'артаньяновский комплекс. Не растиньяковский — жениться в Москве на богатой наследнице, а приехать в столицу бедным, со своей ипажонкой, и действовать в рамках приличия* [МК от 13.03.99]. Или: *Геффестовы дети в ЦДХ* — название заметки о выставке-продаже работ московских кузнецов [МК от 29.12.98].

2) Текст -> ПИ -> ПС -> ИС -> ИВПС -> терминологичное имя.

Несколько иной путь возможен в том случае, если при обращении к ПИ, связанному с неким прецедентным текстом (ПТ), автор апеллирует не к определенному характеру, а к прецедентной ситуации (ПС), соответственно, и само имя-символ связано с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия ПС. Примером таких имен являются *Ромео* и *Джульетта*, *Отелло* и *Дездемона*, *Иуда* и др. Прецедентное имя *Иуда*, вероятно, относится к числу универсально-прецедентных феноменов, т. е. известно любому среднему современному homo sapiens вне зависимости от принадлежности к тому или иному национально-лингво-культурному сообществу и является символом прецедентной ситуации предательства. Данное положение прекрасно иллюстрируется зафиксированным И. В. Захаренко примером из американского фильма «Храброе сердце», в котором речь идет о предлагаемой главному герою фильма сделке с королем Шотландии, на что он отве-

чает: «Король предлагает мне титул, богатство и землю... Чтoб я стал Иудой!». Или пример из современной российской прессы: «Дайте двум людям пространство... и получится прочная семья! И, напротив, заставьте их из года в год совершать свой утренний ритуал в совмещенном санузле — и кто из них вспомнит, что в начале пути они обожали друг друга? Будь это хоть Ромео и Джульетта, они рано или поздно начнут подсыпать друг другу стрихнин» (из статьи о прогнозах и перспективах брака в XXI веке) [МК-Бульвар, 1999, №11].

К числу национально-прецедентных и, безусловно, любимых имен (прецедентных имен рассматриваемого типа) принадлежит и имя разведчика «всех времен и народов», созданного волей Юлиана Семенова и — особенно — Татьяны Лиозновой, поскольку этот персонаж более известен, пожалуй, как герой фильма. Я имею в виду, конечно, Штирлица: Из того, что пишут о нем сегодня в США, следует, что Хансен не шпион. Он — разведчик. Причем с большой буквы. Штирлиц. Свой среди чужих [МК от 22.02.2001]. Интересно, что «разведчик» с однозначно положительными коннотациями имеет «пару-антагониста» в лице «шпиона» с не менее явными, но отрицательными коннотациями. Эту нишу в русской системе эталонов выполняет Джеймс Бонд (см. приведенный ранее пример: *наш ответ Бонду*).

Однако прецедентное имя может быть связано не с прецедентным текстом, а с ситуацией, хорошо известной любому среднему представителю национально-лингво-культурного сообщества и выступающей как прецедентная.

(3) Ситуация -> (ПИ) -> ПС -> ИС -> ИВПС.

Примером такого прецедентного имени служит *Иван Сусанин*. ПИ в этом случае превращается в имя-символ (ИС), обращение к которому (в зависимости от контек-

ста) может быть связано как с характеристикой некоторой личности, обладающей минимальным набором дифференциальных признаков, специфичных для инварианта восприятия прецедентного имени, так и с указанием на определенную ситуацию: так, в случае с *Иваном Сусаниным* речь идет о ситуации, когда проводник, вольно или невольно, ведет кого-либо неверным путем.

То, что данные имя и ситуация являются прецедентными феноменами, подтверждается, во-первых, выявленными случаями употребления имени в ситуациях, сопоставимых с «идеальной», «эталонной», прецедентной — *некто вызвался быть проводником и в результате завел тех, кто ему доверился, в (незнакомое) место, из которого нет выхода или выход затруднен*; во-вторых, результатами пилотажного опроса (в том числе с анкетированием жителей Тверской, Архангельской областей и Новгорода⁶), показывающими, что именно описанная ситуация стоит за данным именем. В доказательство последнего тезиса приведу некоторые данные опроса. Например, при семантизации гипотетического названия статьи «Карта от Сусанина»⁷ информанты давали варианты: *карта путешествий по дебрям**, *тупиковая ситуация*. Один из типичных ответов на вопрос: «Что имел в виду Николай, когда, представляя своего знакомого, сказал: "Это наш Сусанин."?» — *назад пути нет, если иметь с ним дело*. При просьбе закончить предложение «Он назвал своего друга Сусаниным, потому что тот...» информанты давали, например, такие варианты: *завел всех в тупик, водит всех кругами*. Таким образом, вполне оправданным кажется следующий вывод:

⁶ Анкета была составлена участниками научного семинара «Текст и коммуникация».

⁷ Задание было сформулировано следующим образом: «Как Вы думаете, о чем может быть статья с таким названием?»

⁸ Сохранено написание оригинала.

для представителей русского национально-лингво-культурного сообщества *Иван Сусанин* действительно является прецедентным именем, за которым стоит прецедентная ситуация. Это значит, что и имя, и ситуация входят в русскую когнитивную базу (вернее, элементами КБ являются дифференциальные признаки и атрибуты первого и его вербальная «оболочка» и инвариант восприятия второй). Косвенным подтверждением этого может служить и следующий фрагмент из некоего произведения, которое называлось «Из всемирной истории в частушках» и было опубликовано в газете «Московский комсомолец» 13 мая 1995 г.⁹:

*Шли поляки темным лесом
За каким-то интересом,
Гида, Глинку и царя
Злобно хором матеря.*

По мнению профессора-психолога, «каждый человек должен придумать для себя несколько так называемых фраз-трафаретов, чтобы "гасить" ими "горячие", экстремальные ситуации. Такие фразы исполняют роль "Ивана Сусанина", они уводят человека в сторону от конфликта, заставляют задуматься о чем-то, что не имеет прямого отношения к спору» [МК от 13.03.99]. На этом же построен и комический эффект в следующем фрагменте из фильма «Я шагаю по Москве» (пример И. В. Захаренко): первая встреча главных героев в поезде метро, один из них спрашивает, как добраться до необходимого ему места, и кто-то из пассажиров берется объяснить дорогу, в результате возникает спор; далее следует такой диалог между пассажиром и героем Н. С. Михалкова: — *Я знаю Москву, как*

⁹ Еще раз повторю, что приводимые примеры никак не оцениваются мной по степени их художественной ценности и значимости для литературы.

свои пять пальцев! — А Вы случайно не Иваном Сусаниным работаете? Более того, образ Ивана Сусанина как «лже-проводника» (в данном случае без каких бы то ни было отрицательных коннотаций) весьма удачно, на наш взгляд, был использован и в пародии на рекламу в одном из выпусков «Городка» (кстати, с этом сюжете был использован также и стереотипный образ русского деревенского мужика). И так, в банк приходит некий крестьянин, с окладистой седой бородой, в меховой шапке, в тулупе, подпоясанном веревкой, едва ли не в лаптях, и спрашивает, может ли он увидеться с «самыми главными» в банке; обрадованно-ошарашенная секретарша, стараясь как можно лучше выполнить пожелание клиента, начинает лихорадочно обзванивать руководство, на что посетитель удовлетворенно кивает головой: — *Хорошо... хорошо... Вот сейчас все соберемся и пойдем...* — *А зовут-то Вас как, дедушка?* — на всякий случай уточняет секретарша, на что получает вполне «ожидаемый» ответ: — Иваном Сусаниным. Таким образом, использование данного имени в речи представляется нам вполне оправданным, поскольку подобное апеллирование к когнитивной базе не требует от автора дополнительной расшифровки и комментариев.

К такого же рода случаям можно отнести и имя собственное *Чернобыль*, к сожалению, ставшее уже нарицательным: по существу оно стало функционировать как обозначающее прецедентной ситуации страшного опустошения и смертельной опасности от радиации¹⁰. Примером этого может служить название статьи в «Независимой газете», опубликованной в начале 1996 г.: *Шамиль Басаев угрожает Москве маленьким Чернобылем* (статья была

¹⁰ Очевидно, это связано с тем, что в истории человечества это первая (и даст Бог — последняя) столь крупная катастрофа, связанная с использованием атомной энергии; функционирует подобно ПИ *Хиросима*.

написана в связи с очередным захватом заложников чеченскими боевиками).

Следующий пример, который я хочу привести, является, на мой взгляд, интересным по следующим причинам. Во-первых, в отличие от только что рассмотренного, когда обозначающим прецедентной ситуации служит прецедентное имя, та ПС, которую я предлагаю Вам сейчас, такого обозначающего не имеет. Во-вторых, феномен, анализ которого будет сейчас предложен, может быть признан однозначно прецедентным только для коллективно-когнитивного пространства, т. е. является социумно-прецедентным (поэтому, кстати, автор, вероятно, и счел необходимым упоминание одного из действующих лиц). Итак, пример: *Григорий Алексеевич [Явлинский] предпочел бросить свой "фрукт" ["Яблоко"] на чашу весов так, чтобы они склонились в пользу сил, жаждущих вернуть нас в šťastливое социалистическое прошлое. Умыв руки, подобно Понтию Пилату, он уклонился от участия в голосовании, и в результате — от надежды на реформаторский парламент* (статья «Грузите апельсины бочками» о начале работы вновь избранной Госдумы) [МК от 23.01.96]. Думается, что само выражение *умывать руки*, безусловно, знакомо многим носителям русского языка, однако связь с текстом Библии и прецедентной ситуацией, описанной в ней (т. е. с прецедентным текстом), осознается, наверняка, меньшим числом людей.

При сравнении данных примеров можно обнаружить следующее: в первом случае (*Иван Сусанин*) прецедентная ситуация входит в комплекс дифференциальных признаков ПИ и стоит за таким именем при употреблении его в речи (такое положение дел наблюдается не со всеми прецедентными именами, но с большинством, т. е. не «всегда», но «как правило»). Во втором случае мы имеем дело с прецедентной ситуацией, одним из компонентов которой

является «носитель» имени (в данном случае — *Понтий Пилат*). В качестве имени-символа ситуации функционирует скорее «имя» самой ситуации: *умывать руки*, — но тогда оказывается совершенно разорванной связь с прецедентной ситуацией, с прецедентным именем *Понтий Пилат* и, в конце концов, с прецедентным текстом — Библией (т. е. при функционировании теряются глубинный смысл и коннотации). Справедливости ради, следует признать, однако, что именно это, пожалуй, и наблюдается в наше время на уровне когнитивной базы. Во всяком случае однозначно можно утверждать, что само имя *Понтия Пилата* как таковое и прецедентная ситуация, связанная с его умыванием рук, являются прецедентным только для некоторого социума с его коллективным когнитивным пространством, т. е. относятся к социумно-прецедентным феноменам. Именно поэтому имя *Понтия Пилата* было упомянуто в самом тексте, а не осталось, так сказать, вынесенным за скобки, но однозначно подразумеваемым.

(4) Ситуация -> ПИ -> (ПС) • ИС -> ИВПИ -> полисемичное имя.

При функционировании имени-символа (ИС), не связанного с каким-либо конкретным прецедентным текстом, может иметь место обращение не к инварианту восприятия прецедентной ситуации (ИВПС), так как какой-либо одной прецедентной ситуации, связанной с этим именем не существует, а к инварианту восприятия прецедентного имени (ИВПИ), обладающему некоторым минимальным набором дифференциальных признаков. Примерами таких имен являются *Петр I*, *Наполеон*, *Суворов*. Так, скажем, в инвариант восприятия прецедентного имени *Суворов* входит то, что он великий полководец, человек, ведущий себя свободно по отношению к властям. Последнее, кстати, было отражено в популярной в 1996 г. рекламе

банка «Империал» — ерничество по отношению к Екатерине II; однако задолго до этого в абсолютно серьезном биографическом фильме, который так и назывался «Суворов», обыгрывалась эта же черта характера полководца: перед аудиенцией с императрицей Суворов изображал некоего не привыкшего к дворцам «увальня», не способного передвигаться по дворцовому зеркальному паркету, при этом он этак «по-народному» приговаривал, что «пол-то склизкий». В другом употреблении данное имя может выступать как символ талантливого военного; например: *Суворов наших дней*. Интересно отметить, что в дифференциальные признаки Суворова не входят некоторые его поступки (типа подавления восстания Костюшко), но входят некоторые сюжеты его жизни (ситуации, ставшие прецедентными), связанные с художественными произведениями (как, например, переход через Альпы). С ПИ Суворов связаны и многочисленные афоризмы и максимы, типа: *Наука побеждать, Тяжело в учении, легко в бою, Не числом, а умением* и др., — которые также входят, на мой взгляд, в число прецедентных феноменов и определяются нами как прецедентные высказывания. Именно прецедентным высказываниям и будет посвящена наша следующая лекция.

Итак, *ПИ* — один из важнейших ядерных элементов когнитивной базы. Хранится этот феномен в самой КБ в виде *инварианта восприятия (ИВПИ)* и как *вербальная единица* (само имя). ПИ может выступать как *символ* ПТ и ПС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Гудков Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994, № 6. С. 14—21.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82—103.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62—75.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. М., 1998.

ЛЕКЦИЯ 6

Прецедентное высказывание

Канон vs эталон

Соотношение прецедентных феноменов,
когнитивных структур и когнитивной базы

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ Сегодняшнюю лекцию мы с Вами
ВЫСКАЗЫВАНИЕ (ПВ) начнем с того, что рассмотрим еще
один вербальный прецедентный феномен, а именно: пре-
цедентное высказывание (ПВ).

И для начала вспомним, что есть прецедентное выска-
зывание. Итак, ПВ по «формальным показателям» явля-
ется феноменом собственно-лингвистической природы.
Оно обязательно неоднократно воспроизводится в речи,
и в этом заключается его специфика и отличие от других
прецедентных феноменов, которые могут быть *потенци-*
ально частотными. С точки зрения формы (план выраже-
ния), ПВ может быть представлено:

- либо всем текстом-источником (например, небольшие
детские стишки), а текст, как мы с Вами договорились
в курсе психолингвистики, — единица дискурса,
- либо некой собственно-языковой единицей (словосо-
четанием, предложением, «фразой»), построенной по
законам языка, но получившей статус прецедентного
феномена, т. е. также принадлежащей дискурсу.

Следовательно, не будучи отдельной единицей языка,
ПВ функционирует как единица дискурса. За прецедент-
ным высказыванием всегда стоит прецедентный фено-
мен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация,

играющие важную роль в формировании смысла выска-
зывания. Сравним это положение с мыслью А. Е. Супру-
на: «То или иное использование готового текста не толь-
ко воспроизводит точную и привычную формулировку,
напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает
определенное соотношение производимого текста с пред-
шествующими, т. е. включает его в вертикальный контекст
текстового универсума...». Как любой вербальный фено-
мен, ПВ может рассматриваться в системном и функцио-
нальном аспектах. Таким образом, с точки зрения систем-
ного аспекта, структура прецедентного высказывания
имеет следующий вид¹:

1) *поверхностное значение*, которое равно
сумме значений компонентов высказывания;

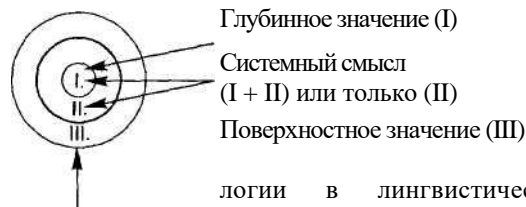
2) *глубинное значение*, которое не равно про-
стой сумме значений компонентов высказывания, но пред-
ставляет собой семантический результат сочетания ком-
понентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую
структуру;

3) *системный смысл*, представляющий собой
«сумму» глубинного значения (при наличии такового) вы-
сказывания и знания прецедентного феномена (текста, си-
туации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл
может присутствовать в системе: (а) имплицитно и про-
являться лишь в функционировании в виде коннотаций и
(б) эксплицитно, т. е. оказывать важнейшее и первоочеред-
ное значение в формировании функционального смысла
высказывания (см. сх. 6 на стр. 102²).

Разграничение поверхностного и глубинного значений
в рамках представляемой концепции имеет некоторые ана-

¹ Я опираюсь на основные положения статьи И. В. Захаренко и
нашей с нею совместной работы.

² Схема представлена в коллективной работе участников семинара
«Текст и коммуникация» 1997 года.

логии в лингвистической литературе; так, глубинное значение соотносимо с понятием «коллокация (collocation)»: когда значение более сложной единицы (в нашем случае — высказывания) не равно простой сумме значений компонентов, но является семантическим результатом сложения значений. Иначе говоря, соединение «атомов» (конкретных компонентов) приводит к образованию некой «молекулы» (нового значения всей единицы).

«Структурное» устройство прецедентного высказывания проявляет себя в функционировании данных единиц. Говоря о функциональном аспекте, договоримся с Вами оперировать понятием «функциональный смысл прецедентного высказывания», имея в виду *кто, когда и где* использует прецедентное высказывание, *что, зачем и почему* хочет сказать автор текста, содержащего данное высказывание. Именно функциональный смысл, который необходимо «складывается» из системных значений, имеет первоочередное значение для удачного протекания акта коммуникации (об этом говорили и писали многие ученые, вспомним, например, слова Л. С. Выготского о том, что мы «восходим» от понимания слов и их значения к смыслу и мотиву высказывания).

Как показывают наблюдения И. В. Захаренко, данные уровни значений имеются не у всех ПВ, на основании чего

выделяются, соответственно, несколько групп прецедентных высказываний³:

(1) группа ПВ, имеющих (только) поверхностное значение; например: *Нет повести печальнее на свете* (заголовок статьи о попытках уменьшить дефицит столичного бюджета); *Здесь птицы не поют* (название статьи о проблемах заповедника «Аскания-Нова»); *К слову говоря, первоначально предполагалось провести обыски более чем в 30 точках. Не исключено, впрочем, что в скором времени сказка станет былью* (в статье о действиях прокуратуры) [МК от 04.02.99]; *Волк, сколько его ни корми, все равно будет смотреть в лес. А москвич, испорченный жилищным вопросом, будет решать его всеми доступными способами. Один из них — широко разрекламированная покупка квартиры в строящемся доме* [МК от 02.02.99]; *Никто не сравнится по силе очарования с исполнительным секретарем СНГ Б. А. Березовским. Магнетизм его личности таков, что стоит какому-нибудь злому человеку нанять киллера с целью устранения владельца заводов, газет, пароходов, как зачарованный БАБом убийца [...] бежит к своей потенциальной жертве сдаваться* [МК-Бульвар от 28.12.98—03.01.99]; *Драматург Григорий Горин: три стимула в одном флаконе* (Г. Г. о стимулах написать пьесу «Чума на оба ваших дома»: тема любви, плохой сон и желание сделать подарок жене к серебряной свадьбе) [МК-Бульвар от 23—29.11.98]. В последнем случае ПВ, как мне кажется, восходит к тексту рекламы: *Все ароматы Франции в одном наборе J2£*, — который достаточно быстро был трансформирован народным творчеством в высказывание: *Все ароматы Франции в одном флаконе. Или: Ученые-историки! Снимите наконец очки-велосипеды! И тщательнее присмотритесь*

³ См. работы И. В. Захаренко, а также наши с ней совместные статьи 1997 года.

к этому явлению — могилицку социализма и жваворонку перестройки в одном флаконе — «мэрипоппинизму!» И его ярчайшим представителем — авторам фильма «Мэри Поппинс, до свиданья!» (из статьи «Дело Мэри Поппинс живет и побеждает») [МК-Бульвар от 29.03—04.04.99]. В последнем примере — целая россыпь ПВ указанного типа. Во всех вышеприведенных примерах соположение с ПТ-источником (если оно имеет место) служит только одному — созданию комического эффекта;

(2) группа ПВ, не имеющих поверхностного значения (на сегодняшний день весьма немногочисленная): *И мальчишки кровавые в глазах; А темные силы тем временем шли в наступление, выставив в авангарде Генерального прокурора... Пепел Клааса стучал в сердце прокурора...* [МК от 27.03.99];

(3) группа ПВ, обладающих поверхностным и глубинным значениями. Внутри последней группы выделяются несколько подгрупп.

(3.1) Подгруппа, которую в основном составляют автономные, т. е. утратившие тесную связь с текстом-источником, прецедентные высказывания. При употреблении ПВ этой подгруппы соположение реальной ситуации общения или сообщения (т. е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентной ситуацией оказывается не обязательным (т. е. функциональный смысл ПВ при понимании глубинного значения высказывания понятен реципиенту и без описанной выше операции). Иначе говоря, в высказываниях такого типа системный смысл присутствует имплицитно, при использовании подобных прецедентных высказываний в коммуникации (так же, как и при употреблении ПВ первой группы) незнание данного ПВ может привести к непониманию реципиентом коннотаций, с ним связанных и обусловленных тем прецедентным феноменом, который за

ним стоит. Например: *Народ безмолвствует* — указание на ситуацию, когда все молчат. Но это поверхностное значение оказывается «прозрачным», за ним стоит другое (глубинное) значение — выражение покорности кого-/чего-либо кому-/чему-либо, которое играет главную роль в формировании функционального смысла высказывания. Или: *В ходе одного из опросов респондентам был предложен список известных актеров и актрис и задан вопрос: «Кто из них лучше всего воплощает характер русского человека?» Среди женщин с огромным отрывом (45%) победила Нона Мордюкова. [...] Разве рафинированная Марина Неелова, занявшая одно из последних мест в рейтинге, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!* [МК от 19.02.99]; *Перефразируя классика, можно сказать, что все благополучные страны похожи между собой, а экономический кризис каждая страна переживает по-своему* [т/п «Федерация» от 01.11.98]; *Так и остались работники кайла и отбойного молотка у разбитого корыта* (о безрезультатной забастовке шахтеров) [МК-Бульвар от 28.12.98—03.01.99].

(3.2) Подгруппа прецедентных высказываний, полное понимание функционального смысла которых возможно именно при соположении реальной ситуации, в которой используется ПВ, с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом, содержащим таковую, т. е. при актуализации системного смысла высказывания. Например: *Куда податься летом бедному культурному крестьянину, у которого нет дачи, путевки на море или машины для выезда в лес, как не на Арбат?* (из статьи «Приятный отдых в сумасшедшем доме» о «дворовых» концертах в рамках фестиваля «Симфонии в московских дворах») [МК от 08.07.97]. Или:

[разговор героев повествования о шефе-«новом русском», которого за глаза называют Чучело]

— *Оно у меня сейчас в меланхолии пребывает, доброе, безропотное. [...] Скоро взбрыкивать начнет...*

— *Почему оно тоскует⁴?*

— *Достиг я высшей власти— вот почему. Деньги есть — счастья нет. И скука нас все одолевает...*⁴

Примеры такого же рода, апеллирующие к одному прецедентному феномену: 1) *Пепел Клааса стучал в сердце прокурора так громко, что в ночной тишине последним обитателям дворца казалось, что железные шаги Командора безжалостно развивают брусчатку Красной площади* [МК от 27.03.99]; 2) *Каменный гость*. Феликс Дзержинский и его Харитонов (заметка о предложении вернуть памятник Ф. Э. Дзержинскому на Лубянку) [МК-Бульвар от 28.12.98—03.01.99]. Последний пример особенно интересен, поскольку поверхностное значение вполне прозрачно — памятник из камня, каменный; гость, каменный гость — метафора. Однако если вспомнить ПТ, то высказывание приобретет иной, более глубокий и «зловещий» смысл.

Прецедентные высказывания можно классифицировать и по принципу связанности / несвязанности с породившим их текстом. К первой группе относятся ПВ, тесно связанные с прецедентным текстом (*Белеет парус одинокий*), ко второй — прецедентные высказывания: а) потерявшие связь с текстом-источником и перешедшие / переходящие в разряд автономных ПВ (*Счастливые часов не наблюдают*); б) никогда не имевшие и не имеющие сейчас связи с породившим их текстом или «равные» ему (т. е. ПВ = ПТ) (*Нельзя объять необъятное*). Об автономных, т. е. утративших связь с породившим их текстом, прецедентных высказываниях писала И. В. Захаренко и другие участники семинара «Тик».

⁴ Степанова Т. Звезда на одну ночь. М., 1999. С. 287.

За прецедентными высказываниями всегда стоит комплекс когнитивных структур, феноменологических (как и за любым прецедентным феноменом) и лингвистических (как за прецедентным именем). Напомню, что в курсе психолингвистики мы с Вами определили эти понятия следующим образом. Когнитивная структура есть некая «содержательная» (т. е. имеющая определенное содержание-значение) форма кодирования⁵ и хранения информации. Когнитивная структура — это неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящая «свернутое» знание и/или представление. Феноменологические когнитивные структуры формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д. Лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке.

При функционировании прецедентных высказываний в речи актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активизируются только лингвистические (и с этим связаны разные типы ассоциаций, о которых мы будем подробно говорить позже). Применительно к прецедентным высказываниям можно предположить, что на уровне поверхностного и глубинного значений «работают» лингвистические когнитивные структуры, лежащие в основе нашей

⁵ Под кодированием мы, вслед за психологами, понимаем «перевод информации, воспринятой органами чувств, на язык, понятный мозгу», по формулировке Р. С. Немова.

языковой и речевой компетенции, для системного смысла высказывания оказываются релевантными феноменологические когнитивные структуры, формирующие нашу, в том числе, культурную компетенцию.

КАНОН vs ЭТАЛОН Рассматривая прецедентные феномены, мы с Вами говорили: «выступает/является эталоном», «воспринимается как эталон». Однако данные слова требуют некоторых уточнений, поскольку прецедентные феномены могут функционировать либо как эталон, либо как канон. Впервые проблема разграничения канона и эталона в сфере прецедентных феноменов была рассмотрена И. В. Захаренко в 1997 г. Исходя из широкого понимания канона как некоего твердо установленного, традиционного, общепринятого правила или предписания [Современный словарь иностранных слов. М., 1993, с.258], И. В. Захаренко причисляет к числу *канонов* национальные социокультурные стереотипы, в то время как прецедентные феномены рассматриваются как *эталон* в широком понимании этого термина — как образцы, с которыми сравниваются реальные явления, предметы и т. д. Далее, говоря о каноне и эталоне в узком смысле, И. В. Захаренко выдвигает положение о том, что канон соотносится с формальной стороной прецедентного феномена, а эталон, соответственно, — с содержательной, и на основании этого выделяются «каноническое» и «эталонное» употребление прецедентных высказываний (как играющее на форме или апеллирующее к системному смыслу). С подобным разграничением трудно не согласиться в силу логичности и стройности предлагаемой концепции (тем более что она весьма созвучна моим представлениям о каноне и эталоне).

Вместе с тем, на наш взгляд, само разграничение канона и эталона в сфере прецедентных феноменов требует и некоторых уточнений.

гне-

Итак, *канон* — это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность, *эталон* — это «мера», «мерило», в соответствии с которой /с которым оцениваются те или иные феномены. Следовательно, *канон* позволяет действовать «самостоятельно», хотя и в заданных границах; в рамках канона возможно «тиражирование»; по канону «строят», создают. *Эталон* же можно только «копировать», ему можно только подражать, поскольку сам эталон уникален. *Канон* допускает некоторые трансформации (хотя и в определенных пределах), т. е. возможны игры с формой, *эталон* же строго фиксирован, «работает» на содержании. *Канон* — это активно-деятельное начало, *эталон* — объективно-отстраненное. В сжатом виде это можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Сделанные уточнения, касающиеся различий канона и эталона как формальной и содержательной категорий, позволяют, как мне кажется, применить данное разграничение к прецедентным феноменам как таковым.

Таблица 1. Соотношение канона и

Канон	Эталон
1 норма;)	1) мера, мерило;
2 допускает существование) «однотипных» феноменов;	2) единичный феномен, всегда «единственный»;
3 возможно тиражирование;)	3) уникальный феномен;
4 возможно творчество, до-) пускает некоторую самостоятельность;	4) возможно подражание, допускает «копирование»;
5 допускает трансформации)	5) строго фиксирован
форма	содержание

Итак, рассмотрим выделенные нами типы прецедентных феноменов с этой точки зрения. Прецедентный текст, прецедентная ситуация и прецедентное имя полностью удовлетворяют нашим представлениям об эталоне: они единичны, уникальны, строго фиксированы, их невозможно тиражировать, их можно только «копировать» (подобно репродукциям в альбомах). Моцарт или Пушкин *уникальны*, им можно только *подражать*: вести себя или выглядеть как Моцарт или Пушкин, — но *быть* Моцартом или Пушкиным нельзя. Можно легко писать и гениально творить, но тогда меня будут *сравнивать* с Пушкиным или Моцартом (они выступают как *«мерило»*, «точка отсчета», как *эталон* гениального творца), можно стараться писать как Моцарт или Пушкин, но тогда я буду либо опять-таки *подражать* им, их манере, их стилю, *сравнивая* себя с ними и *копируя* их, либо соблюдать «заданные» ими правила, работать в тех же жанрах, т. е. я буду *творить* в определенных рамках выбранных *канонов*. С прецедентной ситуацией и прецедентным текстом картина будет абсолютно аналогичной: повторить («растираживать») их нельзя, их можно только «воссоздать», сделав «копию»; они уникальны и единичны. Апеллируя к прецедентным феноменам такого типа (прецедентные тексты, ситуации и имена), мы всегда обращаемся к их «содержанию» — к инвариантам восприятия, форма для нас вторична, тем более что прецедентный текст и прецедентная ситуация хранятся в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия, т. е. как единицы хранения вообще «не имеют» (вербальной) строго фиксированной формы. Прецедентное имя обладает «вербальной оболочкой», но в этом случае существует жестко фиксированное, однозначное соответствие: вербальная единица <-» дифференциальные признаки. Конечно, можно использовать средства «вторичной номинации по атрибуту», но и в этом случае будет иметь место все та ПО

же жесткая связь-соответствие: вербальное «имя» <—> инвариант восприятия. Иначе «система» не будет работать, и слова автора останутся непонятыми и непонятными. Такова ситуация в целом. Однако есть «частные» случаи особого рода: когда прецедентное имя выступает как атрибут прецедентной ситуации или прецедентная ситуация является ядром дифференциальных признаков прецедентного имени. Тогда «основой всех основ» является не совокупность признаков, которую невозможно повторить, но действие, которое повторить можно (не его «качество», но само действие — sic!); например, *Иван Сусанин*, *Павлик Морозов* и т. д. В этом случае мы имеем дело с каноном, допускающим «тиражирование» и существование энного множества «однотипных» феноменов.

Несколько иная картина наблюдается, когда мы анализируем прецедентные высказывания, поскольку последние могут функционировать и как эталон, и как канон. Заинтересовавшихся этой проблемой отошлю к работам И. В. Захаренко.

Итак, как мы с Вами видели, прецедентные феномены могут значительно различаться по форме хранения, по-разному соотноситься с вербальными средствами, выполнять разные функции, выступая, в частности, как канон или эталон, но, учитывая целый ряд общих черт в их структуре и функционировании, мы все-таки объединяем их в один класс феноменов, которые мы называем прецедентными, и более того — мы говорим о некоторой системе, которую эти феномены составляют. Остановимся на этом вопросе чуть более подробно.

Соотношение прецедентных феноменов, когнитивных структур и когнитивной базы

В связи с представленным и рассмотренным блоком феноменов возникает вполне естественный вопрос: как соотносятся такие понятия, как (1) когнитивная база (КБ),

(2) когнитивные структуры (КС), формирующие КБ (как и прочие когнитивные пространства) и (3) прецедентные феномены (ПФ), которые хранятся в КБ в форме когнитивных структур и/или их определенных конфигураций? Итак, когнитивная база (КБ) формируется когнитивными структурами (КС), это тот материал, из которого она «сделана». Прецедентные феномены (ПФ), будучи элементами КБ, также формируются когнитивными структурами и в форме последних хранятся в КБ. Но в последнем случае речь идет не только о «материале», «чистой» форме, но о некоей «содержательной» форме. Иначе говоря, когнитивные структуры, будучи «содержательной» формой и «элементарной единицей», служат своего рода «строительным материалом» как для прецедентных феноменов, так и для когнитивной базы в целом. Прецедентные феномены, будучи основными составляющими КБ, создают определенную конфигурацию последней, придают ей специфический облик.

Попробую показать это на следующем примере. Давайте представим себе некий дворец (пусть это будет КБ) из мрамора, украшенный мраморными же портиками, колоннами и статуями (ПФ). Из чего сделан сам дворец (КБ) и его детали (ПФ)? Из одного и того же материала — из мрамора (КС). Однако дворец, портики, колонны и статуи — вещи разные, но, безусловно, тесно связанные: данный дворец не может быть без данных портиков, колонн и статуй, являющихся неотъемлемой частью его архитектуры и интерьера и делающих данный дворец именно таким, каков он есть, и отличающих его от других архитектурных творений. С другой стороны, и перечисленные детали вне дворца, вне связи друг с другом, даже оставаясь по сути теми же самыми, будут уже иными: они потеряют свое прежнее «звучание» и «значение» (что на самом деле и происходит, если вспомнить случаи различных интерпре-

таций одних и тех феноменов в различных культурах; об этом писали, например, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева, И. И. Яценко, Е. В. Данилова).

Таким образом, прецедентные феномены являются «ядерными» элементами такого когнитивного пространства, которое мы называем когнитивной базой (имея в виду форму и способ хранения информации и оперирования ею). Напомню, что КБ есть определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

За любым прецедентным феноменом (ПФ) всегда «стоит» комплекс когнитивных структур, как лингвистических, так и феноменологических. Так, вербальные ПФ (прецедентное имя, прецедентное высказывание) формируются и теми и другими⁶. Вербализуемые ПФ — прежде всего прецедентная ситуация — представлены в КБ в виде (комплекса) феноменологических КС, однако при актуализации прецедентной ситуации в коммуникации «в дело вступают» лингвистические КС (сложность «разведения», «размежевания» на уровне одного ПФ тех и других мы уже обсуждали в курсе психолингвистики). Что касается прецедентного текста, то в этом случае мы должны разграничивать (1) сам текст (как вербальный феномен), и тогда речь идет о двух типах КС, и (2) инвариант его восприятия (как вербализуемый феномен), и тогда мы имеем дело в первую очередь с феноменологическими КС. Напомню, что в КБ хранится, как правило, именно инвариант восприятия прецедентного текста, который каждый раз при вербализации разворачивается в фактически новый текст; эти новые порождаемые тексты объединены тем, что ле-

⁶ При этом в коммуникации актуализироваться могут и те и другие либо только лингвистические.

жит в их основе, а именно — инвариантом восприятия прецедентного текста.

Проблему соотношения данных когнитивных феноменов можно рассматривать также и в связи с проблемой лингвистических и психологических клише и штампов, о которых мы будем с Вами говорить чуть позже.

Итак, *ПВ* входит в число ядерных элементов когнитивной базы, в которой храниться в виде *системы значений-смыслов* и как собственно *вербальный феномен*.

Канон и *эталон* различаются по целому ряду признаков как активно-деятельностное начало и объективно-отстраненное начало.

Прецедентные феномены, формируемые когнитивными структурами, входят в КБ и придают ей специфический облик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилова Е. В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2—4 июня 1997 г. М., 1997. С. 52—53.

Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104—113.

Захаренко И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92—99.

Захаренко И. В. Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. М., 1997. С. 57—66.

Захаренко И. В., Красных В. В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100—115.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедент-

ных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82—103.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62—75.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. М., 1998.

Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98—117.

Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17-29.

Яценко И. И. Психологический тезаурус рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 66—74.

ЛЕКЦИЯ 7

Система прецедентных феноменов: центр, периферия и зоны перехода Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований

СИСТЕМА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ: ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ И ЗОНЫ ПЕРЕХОДА

Прецедентные феномены составляют определенную систему, представляющую как основную составляющую когнитивной базы и обладающую рядом характерных черт. Основной — парадоксальной — особенностью этой системы является, на мой взгляд, то, что, будучи «многомерной», она остается «плоскостной»: она не имеет «вертикали», а обладает в первую очередь «горизонталью». Иначе говоря, нам представляется, что в данном случае едва ли можно говорить о строго иерархизованной «вертикальной» системной организации, так как элементы, входящие в систему и ее составляющие (а мы сейчас говорим о ПФ), не строятся по оси «верх/низ», но соотносятся лишь по шкале вербализованное™ / невербализованности: напомним, что прецедентное имя и прецедентное высказывание входят в когнитивную базу не только в совокупности своих дифференциальных признаков и значений-смыслов, но и как таковые, хранятся в виде феноменологических и лингвистических когнитивных структур и являются, таким образом, вербальными, в то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация входят в когнитивную базу как инварианты восприятия, хранятся в виде феноменологических когнитивных структур

тур и являются, следовательно, феноменами вербализуемыми. Интересно, что актуализироваться данные феномены (как вербальные, так и невербальные) могут не только с помощью вербальных средств. В качестве иллюстрации приведу две рекламы, которые я зафиксировала несколько лет назад. На первой — рекламе банка — была изображена белка, грызущая орех, перед белкой была аккуратная «пирамидка» из очищенных ядер. На мой взгляд, в данном случае абсолютно невербальными средствами осуществлялась апелляция к прецедентному тексту — инварианту его восприятия, и конкретному прецедентному высказыванию из самого текста: *Белка песенки поет И орешки все грызет. А орешки не простые, Все скорлупки золотые, Ядра — чистый изумруд. Слуги белку стерегут.* На второй рекламе, принадлежащей достаточно известной фирме, была изображена в банке (в стеклянной) Золотая рыбка, причем «настоящая», с короной на голове, символизирующая, очевидно, готовность и возможность удовлетворить любой каприз клиента. Я думаю, что в последнем случае имеет место апелляция скорее к инварианту восприятия прецедентного имени *Золотая рыбка* (сказочное существо, способное выполнить любое желание), нежели к инварианту восприятия прецедентного текста (едва ли кто-либо из клиентов захочет оказаться на месте старухи «у разбитого корыта»!).

Вместе с тем, сами прецедентные феномены (каждый из них в отдельности) обладают определенной «иерархией», если под таковой понимать вхождение/невхождение тех или иных «компонентов» конкретного феномена в когнитивную базу. Однако такая иерархия представляется весьма условной, поэтому я полагаю, что более оправдано и каждый конкретный прецедентный феномен рассматривать с точки зрения горизонтальной структурной организации. И в таком случае структурная организация каждого

прецедентного феномена окажется в некотором смысле аналогичной структурной организации системы в целом. Говоря о горизонтальном устройстве рассматриваемой системы, правомерным, очевидно, будет выделение ее ядра (центра) и периферии. Как уже отмечалось, «ядерными» элементами когнитивной базы (КБ) являются прецедентные феномены. Однако я имела в виду не столько их принадлежность к ядру, центру самой системы, сколько их «функциональное предназначение». На самом деле, центр КБ составляют не все прецедентные феномены, но лишь те, которые однозначно удовлетворяют нашему определению. И самое главное здесь — степень известности феномена и «одинаковость» представлений о нем. (Кстати, говоря о КБ как совокупности знаний и представлений, я имею в виду в первую очередь представления, связанные именно с прецедентными феноменами, но не представления вообще; о стереотипах, как особом типе представлений, репрезентирующих национальное, в нашем случае — русское, культурное пространство, мы будем говорить позже.)

Разграничивая некоторым образом ядро и периферию КБ, следует всегда иметь в виду, что границы между ядерной и периферийной зонами подвижны, вплоть до смены местами: ядерные в одних случаях элементы КБ не только могут отходить от «центра», но и попадать в зону периферии, а на их место могут приходиться другие элементы, в других условиях входящие в периферию. В каких случаях это происходит и от каких условий зависит? Во-первых, .. различия могут наблюдаться по «вертикальной» — временной — оси (т. е. на диахроническом уровне). Во-вторых, значительные различия отмечаются и по «горизонтальной» — пространственной — оси: имеются в виду пространственные в прямом смысле этого слова отношения, т. е. место проживания членов данного национально-л

ингво-культурного сообщества (интересные наблюдения в этом плане сделала И. В. Захаренко, анализируя бытование и функционирование ПФ в Архангельской области). Помимо этого, принципиальное значение может иметь и возраст (хотя, как показал проведенный пилотажный опрос, возраст ии. оказывается релевантным далеко не всегда), и образование членов сообщества. Однако особо подчеркну, что различия в данном случае касаются *места* того или иного феномена в структуре *одной и той же* когнитивной базы, т. е. речь не идет о вхождении или не вхождении феномена в КБ как таковую (sic —!).

Экстраполируя идею Д. Б. Гудкова об алгоритме минимизации прецедентного текста на прецедентные феномены в целом, можно сказать, что интерпретация какого-либо феномена (т. е. его инвариант, включающий в себя, в том числе, и представление о самом феномене) обуславливается неким алгоритмом минимизации. И, следовательно, «одной из главных причин различий в интерпретации [...] является разница в алгоритмах минимизации текста [прецедентного феномена как такового. — В. К.], что приводит к различному делению его характеристик на существенные / несущественные». При этом «трансформация алгоритма возможна лишь при кардинальном изменении корпуса прецедентных феноменов [...] что [...] может привести к распаду самого [лингво-культурного] сообщества» (Д. Б. Гудков). Таким образом, если речь идет о когнитивной базе единого национально-лингво-культурного сообщества, то вхождение прецедентного феномена в центр когнитивной базы предопределяется высокой степенью известности самого феномена (в случае с вербальными феноменами: прецедентным именем и прецедентным высказыванием) и единым инвариантом его восприятия.

Периферию когнитивной базы составляют феномены, которые: 1) отличаются меньшей степенью известности;

2) имеют определенные расхождения в инвариантах восприятия; 3) относятся к числу «рождающихся» или «умирающих». Рассмотрим эти случаи более подробно. Итак.

1) Феномены отличаются меньшей степенью известности. Во-первых, с точки зрения «обязательности» для всех. Во-вторых, с точки зрения степени знакомства с самим феноменом: например, я знаю или встречала феномен или его упоминание или ссылку на него, но я не понимаю, что это значит. Иначе говоря, имеются в виду феномены, безусловно входящие как минимум в коллективное когнитивное пространство как минимум одного крупного социума, например, социума, объединяющего людей традиционной для России конфессии (кстати, это не обязательно будет только христианство), или генерационного социума, или социума, объединяющего людей с одним (к примеру, высшим) уровнем образования, и т. п.;

2) Феномены имеют определенные расхождения в инвариантах восприятия. Однако в этом случае *все* инварианты восприятия должны являться «обязательными», т. е. быть одинаково хорошо знакомы и понятны. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере прецедентных имен; так, *Ленин*, *Сталин*, *Павлик Морозов* или *Павка Корчагин* сегодня по-разному воспринимаются носителями русского ментально-лингвального комплекса: от абсолютного «плюса» до абсолютного «минуса», как показывает проведенное анкетирование. Однако определенная и адекватная ориентация в конкретной ситуации общения позволяет без особого труда адекватно понимать и апеллировать к одному из указанных феноменов. Приведу в качестве примера отрывок из рецензии на премьеру оперы П. И. Чайковского «Опричник» в Большом театре. Статья но-

сит название «*Вечная Смута, вечные Павлики Морозовы*». Итак: *Сюжет оперы... вечен для России: смута, отречение от родных и близких по политическим убеждениям ...А дреп Морозов... исторический прототип своего более знаменитого однофамильца Павлика, с легкостью отрекается от матери, дабы получить блага опричнины и заодно отомстить своему врагу, который одновременно является отцом его невесты. Мать, боярыня Морозова, не осталась в долгу и прокляла сына. Невеста не особенно переживает по поводу поверженного папы — жених ей ближе (ну прямо «Тихий Дон»).* Проклятье сбывается — в конце концов все умерли [МК от 10.02.99]. Или: *Павлик Морозов обосновался в «МК». В казино «Космос» своих сдавали по-крупному* (заметка о супертурнире по шахматным поддавкам) [МК от 06.04.99].

3) Феномены относятся к числу «рождающихся» или «умирающих» (эпитеты-определения говорят сами за себя; помимо них в коллективной статье участников семинара «Текст и коммуникация» 1996 года выделяются еще «вечные, бессмертные» и «сохраняющиеся/изменяющиеся»).

Ядро когнитивной базы и ее периферия не разделены жесткой границей и не зафиксированы раз и навсегда. С точки зрения синхронии, между ними есть зона перехода. Например, так называемые «сохраняющиеся / изменяющиеся» прецедентные феномены, т. е. сохранившиеся как феномен, но с изменившимся инвариантом восприятия, например, *Два мира — два детства*. Они занимают промежуточное положение между а) периферийными «рождающимися» (например, — *Ты где был? — Пиво пил!*) и «умирающими» (например, *советское — значит отличное* или *Леня Голубков*), с одной стороны, и б) однозначно

входящими в центр КБ «бессмертными» (например, *Счастливые часов не наблюдают*) — с другой. С точки зрения диахронии, периферийные прецедентные феномены могут постепенно «продвигаться к центру», вытесняя оттуда в область периферии, а то и за границы системы другие феномены, которые ранее принадлежали ядру системы (так, *Дон Жуан* со временем значительно «потеснил» Ловеласа, который вообще перестал восприниматься как прецедентное имя и «покинул» систему прецедентных феноменов). Следует отметить, что зоны перехода представляют собой зоны потенциальных коммуникативных сбоев и даже провалов, т. е. содержат определенную опасность возникновения конфликтов.

Как я уже говорила, можно провести определенную аналогию между структурной организацией системы — когнитивной базы, и структурной организацией отдельного прецедентного феномена. Последний также имеет ядро (центр) и периферию. Собственно говоря, если строго подходить к терминам и стараться избегать терминологической путаницы, имело бы смысл говорить о центре системы и ядре каждого из составляющих ее элементов, четко их разграничивая. Что же входит в ядро прецедентного феномена? Очевидно, то, что входит и в когнитивную базу, т. е. то, что является «обязательным» для представителей данного национально-лингво-культурного сообщества. Если говорить более конкретно, то следующее. В о - п е р в ы х ,

- о для прецедентного имени — само имя, его дифференциальные признаки и атрибуты;
- о для прецедентного высказывания — само высказывание и система его значений-смыслов;
- о для прецедентного текста и прецедентной ситуации — инварианты восприятия.

122

Во-вторых, «экспликаторы» инвариантов восприятия и то, что может быть использовано для «вторичной номинации» (это могут быть, в том числе, и атрибуты таких прецедентных феноменов, как имя или ситуация).

В - т р е т ь и х , то, что входит в инвариант восприятия прецедентного феномена, но не актуализируется в речи; например, результаты ассоциативного эксперимента, зафиксированные в АТРЯ, показывают, что в инварианты восприятия Бабы-Яги и Кощея Бессмертного входят такие качества, как злость и коварство: *Баба Яга* <— **злая** (1), *Кощей* <- **злой** (1) [К—4]; **коварный** -> *Баба Яга*, *Кощей* (1) [К—1]. Однако в коммуникации при использовании данных прецедентных имен происходит апелляция в первую очередь к внешности: *Баба-Яга* — страшная, отвратительная старуха; *Кощей Бессмертный* — тощее, скелетообразное существо, что подтверждается также материалами АТРЯ: *Кощей* <- **тощий** (2) [К—4], *Баба Яга* <- **горб** (1) [К—2].

Таким образом, можно предположить, что и ядро прецедентного феномена имеет горизонтальную структурную организацию: в нем также можно выделить центр и периферию. В центр входят те компоненты инварианта восприятия, апелляция к которым постоянно наблюдается в коммуникации и которые первыми «всплывают» при восприятии, а в периферию, соответственно, те компоненты, которые, не будучи частотными с точки зрения их использования в общении, позволяют однозначно и адекватно интерпретировать случаи апелляции к ним, если таковая имеет место.

Возвращаясь к разговору о структурной организации прецедентного феномена в целом, отмечу, что периферию последнего составляют знания и представления о нем, 1) безусловно входящие как минимум в коллективное когнитивное пространство как минимум одного крупного социума, 2) являющиеся частью индивидуальных когни-

123

тивных пространств. Забегая немного вперед, скажу, что ядро прецедентного феномена «кристаллизуется» в виде фрейм-структуры, а периферия репрезентирует его культурно значимый фрейм и входит в национальное культурное пространство.

Ну, а теперь, после всего только что сказанного вернемся к тому парадоксальному утверждению, с которого мы начали наши рассуждения о структурной организации когнитивной базы, — к утверждению о многомерности и, одновременно, плоскостности рассматриваемой системы. Напомню основной тезис: система не имеет глубины, «вертикали» и обладает только «горизонталью». Итак, система обладает центром (ядром) и периферией, и каждый феномен также обладает ядром (центром) и периферией. Центр системы составляют ядра одних прецедентных феноменов, ее периферию — ядра других. Но ядро самого феномена не отстоит от его периферии, которая не отделена, не оторвана, не изолирована от ядра, но «окружает» его, входя при этом не в центр системы и даже не в ее периферию (т. е. не в саму систему), но в когнитивные пространства. Очевидно, в данном случае «картинка» получается не трехмерной, а несколько более сложной.

Рассмотрев структурную организацию системы и составляющих ее элементов, остановимся на вопросе структурных отношений между элементами. В данном случае также существуют определенные зоны перехода — зоны пересечения / наложения различных прецедентных феноменов. Иначе говоря, подчас бывает достаточно трудно однозначно определить принадлежность того или иного прецедентного феномена к конкретному «типу»: тексту, ситуации, имени или высказыванию. Это связано с тем, что, во-первых, прецедентные феномены могут восходить к одному источнику — к реальному предмету или реальной ситуации или к другому прецедентному феномену, и, сле-

довательно, во-вторых, когда в речи происходит апелляция к одному из них, то за данным конкретным феноменом могут скрываться другие. Иными словами, может иметь место, так сказать, «последовательная» апелляция: например, через прецедентное имя к прецедентному тексту и — через последний — к прецедентной ситуации. Или через прецедентное имя к прецедентной ситуации и — через нее — к прецедентному тексту. В таком случае прецедентное имя выступает символом прецедентного текста и/или прецедентной ситуации, в данном тексте описанной и входящей в инвариант его восприятия. Целую «россыпь» такого рода примеров можно найти, обратившись к Библии как к «источнику» многочисленных прецедентных феноменов.

Итак, какие же зоны пересечения/наложения прецедентных феноменов имеют место? Укажу основные и проиллюстрирую их примерами, взятыми из АТРЯ. Но сначала сделаю необходимую оговорку: приводимые ассоциации или (1) дают в результате *вербальный* прецедентный феномен (имя или высказывание), за которым может стоять *вербализуемый* прецедентный феномен (текст и/или ситуация; инварианты их восприятия); или (2) представляют собой свернутые цепочки: через «пропущенный» (но легко восстанавливаемый) компонент вербального феномена стимул вызывает реакцию, эксплицирующую инвариант восприятия текста, имени или ситуации. Иначе говоря, ассоциации отражают, безусловно, только структурные отношения, существующие в системе, но все это так или иначе проявляется «функционально» — в коммуникации. Итак, зоны пересечения / наложения образуют¹:

¹ Используемые аббревиатуры: ПВ — прецедентное высказывание; ПИ — прецедентное имя; ПТ — прецедентный текст; ИВПТ — инвариант восприятия ПТ; ПС — прецедентная ситуация; ИВПС — инвариант восприятия ПС.

1) ПВ/ПИ — ПТ/ПС (ИВПТ/ИВПС);

система значений-смыслов precedentного высказывания (ПВ) и система дифференциальных признаков precedentного имени (ПИ) обуславливаются precedentным текстом (ПТ)/инвариантом его восприятия (ИВПТ), в который может входить precedentная ситуация (ПС)/инвариант ее восприятия (ИВПС); ПВ или ПИ выступает как символ ПТ/ПС и актуализирует ИВПТ/ИВПС, при этом через ИВПТ/ИВПС возможны дальнейшие ассоциации:

Стимул	ИВПИ, обусловленный ПТ	Актуализация ПТ/ИВПТ через ПИ
Айболит ■ [К-3]	доктор (33); добрый (4); добрый доктор; очки (2); бессребр-ный; ветеринар; доктор доб-рый; доктор из сказки; друг детей (1).	сказка (4); звери (2); Бар-малей; детство; живот-ные, из Африки, собака Авва, Маршак, Мойдо-дыр, Чуковский, бб (1).
Алладин [К-3]	Лампа (39); волшебник, джинн, сказка (5); и лампа (3); волшебная лампа, кувшин (2); Будур, колдун, отдай лампу, персик, сказочный (1); Азия, Саудовская Аравия (1); Хоттабыч (2); ибн Хоттаб, Шехерезада (1).	Актуализация ПТ/ИВПТ через ПИ
Амфибия - [К-3]	человек (27); Человек-амфибия (2); Иктиандр, фантастика (1); Беляев (3); фильм (1).	Актуализация ПТ/ИВПТ через ПИ

См. также:

скупой —> рыцарь (40) [К—1];
альый —> парус (39) [К—3] и альый «— корабль (2) [К—2];
А)тушка <— масло (2) [К—2].

2) ПС — ПИ/ИВПИ; ПИ — ПС/ИВПС;

precedентная ситуация (ПС) может входить в дифференциальные признаки precedentного имени (ПИ) (как, например, в случае с *Иваном Сусаниным*) или, наоборот, precedentное имя (ПИ) является «частью» precedentной ситуации (ПС) (как, пожалуй, в случае с *Троянским конем*); однако в целом ряде случаев практически невозможно определить, что «первично», а что «вторично» (как в случае с *Колумбом* и *открытием Америки* или *Иудой* и *предательством*), и тогда решение зависит, очевидно, от конкретного объекта рассмотрения: если мы рассматриваем ПИ, то тогда ПС входит в дифференциальные признаки ПИ, а если в центре нашего рассмотрения стоит ПС, то тогда ПИ, соответственно, является атрибутом ПС:

борода -> Петр 1 (1) [К— 1];

Бастилия —> взята, пала (5), взятие (2), взята, товарищи!, коммуна, Парижская коммуна, разрушена, революция, символ победы, символ революции, штурм (1) [К—3]; штурмовать —> Бастилию (6),

Бастилия (1) [К—1].

бревно —> В. И. Ленин на субботнике, Ленин, субботник (1) [К-3];

Архимед <— ванна (1) [К—2], Аврора <— начать (1) [К—2].

3) ПИ/ПС — ПТ (ИВПИ/ИСПС — ИВПТ);

если имя или ситуация «принадлежат» тексту, то инвариант восприятия precedentного имени (ИВПИ) и инвариант восприятия precedentной ситуации (ИВПС)

обуславливаются инвариантом восприятия прецедентного текста (ИВПТ); поэтому понятно, что при апелляции к ПИ или ПС вполне возможна актуализация ПТ/ИВПТ:

выстрел —> *Пушкин* (6), *А. С. Пушкин; рассказ; Сильвио, повести Белкина; метель, Онегин* (1) [К—1].

Помимо указанных зон пересечения/наложения разных типов прецедентных феноменов (т. е. внутри системы), возможны также аналогичные зоны и между прецедентными феноменами и стереотипами (т. е. на границе системы). Но, поскольку о последних мы будем вести отдельный разговор, ограничимся сейчас лишь тем, что посмотрим на один из возможных вариантов зоны пересечения / наложения между прецедентными феноменами и стереотипами (в данном случае речь пойдет о стереотипном образе):

Стимул	Реакции	Тип феномена
театр [К-1]	—> вешалка (6), начинается с вешалки (1); полон, Пушкин (1); малиновый	ПВ ПВ/ПТ(ИВПТ)/ПИ ПВ/ПТ (если «берет») с тереотип (если «занавес»)

СИСТЕМА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ Итак, теперь мы уже имеем представление о системе прецедентных феноменов. И

сейчас самое время остановиться чуть подробнее на существующих в современной научной литературе тер-

минах и понятиях, чтобы избежать возможной терминологической путаницы в дальнейшем.

Итак, в трудах ученых (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, А. Е. Супрун, и др.) встречаются понятия «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция». За данными терминами скрываются понятия близкие, зачастую одной природы (хотя и не всегда), но, безусловно, разнопорядковые, что и показала проведенная в январе 1998 г. в Институте языкознания РАН научная дискуссия, посвященная феномену прецедентности и прецедентным феноменам. Такое положение вещей объясняется, как я думаю, тем, что ключевым словом (и понятием) в данном случае является слово «прецедентный», которое исследователи понимают и трактуют приблизительно одинаково. Разница касается в первую очередь самих анализируемых феноменов и «степени» (в других терминах — «глубины») прецедентности.

Так, Ю. Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Соответственно, прецедентными текстами для ученого являются цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы. При этом произведения эти могут быть как вербальной, так и невербальной природы. Например, Храм Василия Блаженного тоже может быть определен как текст; отметим, что подобное понимание «текста» встречается и в трудах других ученых. Так, Ю. М. Лотман пишет: «Куль-

тура в целом может рассматриваться как *текст*. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «*текстов в тексте*». Поскольку само слово «текст» включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «текст» его исходное значение. Таким образом, само понятие текста подвергается некоторому уточнению. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве дополняется ссылкой на вторжение разнообразных «случайных» элементов из других текстов» (выделено мною. — В. К.). В данном случае для нас крайне важным оказывается рассуждение ученого о «тексте в тексте» (об этом мы будем говорить в связи с понятием текстовых реминисценций), но вместе с тем мы не можем не обратить внимание и на основополагающий тезис о культуре-тексте. При таком подходе термин «текст» понимается очень широко и, в рамках нашей концепции, теряет свою «терминологичность». Хотя, разумеется, нельзя не согласиться с тем, что в ряде случаев расширительное толкование какого-либо термина, в том числе и термина «текст», бывает вполне допустимым и — более того — оправданным, поскольку может не только не нарушать общей стройности и целостности теории, но и способствовать созданию таковой, что и наблюдается, например, в трудах Ю. М. Лотмана. Напомню, что мы с Вами договорились понимать «текст» понимается в гораздо более узком смысле.

Несколько иначе трактуют понятие «прецедентного текста» Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева. Для данных авторов «ПТ — это номены... но следующего характера: это некоторые вербальные микро- и макроединицы (в нашем случае) плана/сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопостав-

ляющиеся с другими «заимствованными» и оригинальными признаками для создания «эстетической видимости» / типологического образа», «это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной «обработки» актуальных для нас вопросов и проблем». При таком подходе в роли прецедентных текстов выступают также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений. Трудно не согласиться с положением авторов о том, что прецедентные тексты репрезентируют фрагменты «прецедентного поля» (Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева), которое, как мне представляется, соотносится некоторым образом (но не прямо — sic!) с понятиями «когнитивное пространство / когнитивная база». Однако прецедентные тексты едва ли могут быть сведены только к текстам художественным и, следовательно, только к проблеме «художественной «обработки» актуальных вопросов и проблем». Кроме того, предлагаемая авторами система цитат-прецедентов строится на особых основаниях, отличных от тех критериев разбиения прецедентных феноменов, о которых мы с Вами договорились.

Ю. Е. Прохоров, говоря о прецедентных текстах, предлагает ряд уточнений данного понятия: «1) прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения: именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности; 2) если сам текст входит в прагматикой личности,

совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингво-когнитивным уровнем, т. е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре [...]; 3) отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке». Нельзя не согласиться с Ю. Е. Прохоровым, когда он говорит, что, рассматривая прецедентные тексты, мы вольно или невольно выходим на лингво-когнитивный уровень, что сами ПТ, безусловно, принадлежат языковой культуре (в рамках нашей концепции точнее было бы сказать, что инвариант восприятия ПТ входит в когнитивную базу, а сам ПТ, по видимому, принадлежит национальному культурному пространству), что апеллирование в речи к феноменам такого рода помогает ориентироваться в ситуации общения, проводя идентификацию по шкале «свой / чужой». Вместе с тем, мне кажутся оправданными и некоторые уточнения и оговорки. Во-первых, сам прецедентный текст не может быть использован в речи, поскольку «хранится» в когнитивной базе (и следовательно, в «голове» конкретного члена конкретного национально-лингво-культурного сообщества) в виде инварианта восприятия, т. е. является феноменом скорее когнитивного, нежели собственно лингвистического характера. Соответственно, в речи могут употребляться феномены иного плана: прецедентные имена и прецедентные высказывания, — которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов. Во-вторых, и это следует из только что сказанного, так как в когнитивной базе хранится инвариант восприятия прецедентного текста, но не сам ПТ (трудно представить себе

человека, помнящего от первого до последнего слова, к примеру, роман «Война и мир», несомненно, являющийся прецедентным), то, очевидно, апелляция к прецедентному тексту предполагает у собеседника аналогичное наличие не самого текста (поскольку такого — наличия, имеется в виду, — нет), а опять-таки инварианта восприятия.

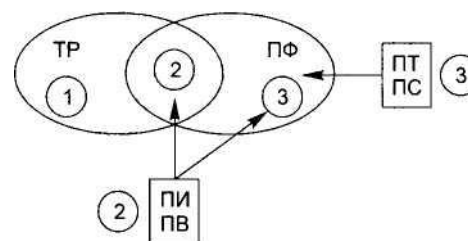
И наконец, следует остановиться на понятии «текстовые реминисценции» (в терминах А. Е. Супруна) и «(прецедентные) текстовые реминисценции» (в терминах Ю. Е. Прохорова). Под текстовыми реминисценциями (ТР) А. Е. Супрун (и вслед за ним, Ю. Е. Прохоров) понимает «осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику». При этом и для А. Е. Супруна, и для Ю.Е. Прохорова текстовые реминисценции суть языковые единицы, хотя они и «отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости».

В связи с представленным подходом возникает целый ряд вопросов. Во-первых, как соотносятся текстовые реминисценции и прецедентные феномены (в частности, прецедентные имена и прецедентные высказывания)? Во-вторых, единицами чего (языка, как утверждают процитированные только что авторы?) являются рассматриваемые феномены? В-третьих, релевантна ли для рассматриваемых феноменов категория социального/индивидуального?

Итак, начнем с главного. Как соотносятся между собой текстовые реминисценции (ТР) и прецедентные феномены? Следует отметить, что к числу ТР А. Е. Супрун относит любые цитаты и ссылки на созданные ранее тексты (например, *На Ваи №...*), независимо от степени их известности другим членам какого-либо социума или национально-лингво-культурного сообщества. Как результат — в одном ряду оказываются феномены различной, подчас принципиально различной, с моей точки зрения, природы: от официальных ссылок на предшествующее деловое письмо до широко и хорошо известных имен и высказываний (которые мы с Вами и называем прецедентными), т. е. от автопрецедентов до универсально-прецедентных феноменов. Таким образом, ТР, по А. Е. Супруну, объединяют следующие феномены (я буду использовать наши термины): 1) ссылки на предшествующий текст (например, документ), не являющийся прецедентным (ни по Ю. Н. Караулову, ни по Ю. А. Сорокину, ни по нашей концепции) (*На Ваи №2...*); 2) цитаты, имена, названия, которые не могут быть признаны национально-прецедентными, т. е. элементами национальной когнитивной базы (*локальный комплекс Эммы Бовари: Чувствуешь себя вроде Цинцинната из «Приглашения на казнь»*); 3) индивидуальные неологизмы (которые, именно в силу своей индивидуальности, не могут быть прецедентными); 4) цитаты, имена, названия, используемые для обозначения «денотата» (*Его любимым героем был Атос из «Трех мушкетеров»*); 5) собственно прецедентные феномены: прецедентные тексты и имена. Из сказанного выше следует, что текстовые реминисценции и прецедентные феномены, предлагаемые нами, пересекаются именно на участке прецедентных имен и прецедентных высказываний. Покажу это на схеме (см. сх. 7).

² Примеры, приводимые в этом абзаце, взяты из [Супрун, 1995].

Схема 7. Соотношение ТР и Т\Phi'

Например, ТР = ПИ, восходящие к ПТ: *Обломов, Печорин, Дон Жуан*; ТР = ПИ, связанные с ПС: *Сусанин, Колумб*; ТР = ПВ, восходящие к ПТ: *Каким ты был... таким ты и остался; Нас ждет холодное лето 1994*; ТР = ПВ, связанные с ПС: *Ждем-с!*

Далее, я считаю, что текстовые реминисценции — как минимум те, которые представлены прецедентными именами и прецедентными высказываниями, — являются единицами не языка, но дискурса. Как и все прецедентные феномены, они не могут представлять собой «индивидуальные неологизмы» и находиться «на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании» (А. Е. Супрун), ибо «индивидуальность», «отдельность», «единичность», «окказиональность» оказываются противопоставленными «прецедентности» в нашем понимании (а мы идем вслед за Ю. Н. Карауловым, Ю. А. Сорокиным, Ю. Е. Прохоровым). Кстати, именно поэтому, очевидно, Ю. Е. Прохоров, разграничивая текстовые реминисценции на ТР в структуре отдельной речевой личности и ТР в

Сокращения, принятые в схеме 7: ТР — текстовые реминисценции; ПФ — прецедентные феномены; ПИ — прецедентные имена; Т* — прецедентные высказывания; ПТ — прецедентные тексты; ПИ ПВ — прецедентные ситуации.

структуре речевого общения, только последние (т. е. ТР в структуре речевого общения) определяет именно как *прецедентные* текстовые реминисценции.

Что касается функционирования собственно текстовых реминисценций (если согласиться с их существованием) и прецедентных феноменов, то тут тоже можно найти некоторые различия. Дело в том, что ТР, как правило, сопровождаются упоминанием источника или автора (*как говорил..., как сказано в...*; более того, такое упоминание может представлять собой краткий рассказ о ситуации или лице). Прецедентные же феномены, как правило, подобными ссылками не сопровождаются, т. к., во-первых, подобные ссылки бывают либо не нужны (поскольку и так все понятно), либо не важны (поскольку важно содержание). А во-вторых, источник (если таковой был) часто «забывается», «теряется» именно в силу своей нерелевантности, и в таком случае прецедентные феномены переходят в число автономных. Если же ссылка все-таки имеет место, то она выполняет не столько «информирующую», сколько «эстетическую» функцию, поскольку предполагается, что реципиент знает то, что автор специально проговаривает, следовательно, создается эффект иронии. Другой возможной причиной указания на источник ПФ может быть и то, что сам ПФ «восходит» как бы сразу к нескольким источникам. Это возможно, 1) если ПФ стал автономным и потерял связь с настоящим источником и стал приписываться другим, 2) если он действительно имеет нескольких «авторов» в силу «параллельного» существования или как результат «цитаты в цитате» (как, например, произошло с известным *Как хороши, как свежи были розы*). Пример подобного функционирования в дискурсе: *Как там у Пушкина... или это не у Пушкина — блажен кто...* (пример из МК). Вместе с тем нам с Вами должна быть созвучна идея о том, что «определенная часть ТР объединяет широкий круг

общающихся, иногда практически всех носителей социолекта или всех носителей данного языка» (А. Е. Супрун) (т. е. носителей коллективного когнитивного пространства или когнитивной базы), при этом «набор прецедентных текстов различен для разных членов социума» (он же). Это, безусловно, так, если под социумом в данном случае понимается национально-лингво-культурное сообщество, а тексты относятся к социумно-прецедентным. Таким образом, мы с Вами нашли еще один аргумент в защиту разграничения феноменов, «прецедентных» на разных «уровнях», для разных социальных групп: собственно социумов, национально-лингво-культурных сообществ и человечества в целом.

В связи с рассматриваемыми проблемами нельзя не упомянуть теорию интертекстуальности и понятие интертекста. Данной проблематике посвящены работы Р. Барта, Ж. Дерриды, А. А. Жолковского, О. Г. Ревзиной, И. П. Смирнова и др. Как пишет, О. Г. Ревзина, «в проекции на лингвистику текста и дискурса концепция М. М. Бахтина приводит к созданию теории интертекста: "...всякое новое произведение есть результат трансформации некоторого уже существующего, более того, освященного традицией текстового объекта"⁴». И далее: «...интертекстуальный подход видит в тексте «не структуру, а структуриацию» (Р. Барт), не «сложно построенный смысл» (Ю. М. Лотман), а непрерывный процесс означивания (А. А. Жолковский). И поскольку речь уже не идет о структуре, определяющей потенциальное множество текстовых интерпретаций, они зависят от объема знаний и воображения интерпретирующего, не требуя какой-либо аргументации». В этой части теория интертекста очень

⁴ Жолковский А. А. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 29.

близка предлагаемой Вам концепции. Принципиальные различия касаются в первую очередь объекта исследования: указанная теория анализирует художественный текст (например, работы Р. Барта, А. А. Жолковского, О. Г. Ревзиной). А мы с Вами говорим в первую очередь о текстах, порождаемых в процессе непосредственной коммуникации.

Итак, мы с Вами рассмотрели *прецедентные феномены* как таковые и как элементы системы. Если с точки зрения данных единиц взглянуть на русское культурное пространство и русскую когнитивную базу, то окажется, что в КБ входят именно прецедентные феномены как таковые (при этом ПС и ПТ — в виде инвариантов восприятия), а русское культурное пространство включает в себя, помимо самих прецедентных феноменов, еще и стереотипы, о которых мы будем говорить в дальнейшем. Но прежде чем перейти к рассмотрению указанных феноменов, необходимо ввести и обосновать понятие «фрейм-структура сознания», чему и будут посвящены следующие лекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б. Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 114—127.

Феномен прецедентности и прецедентные феномены (Запись научной дискуссии, в которой принимали участие Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П.) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. М., 1998. С. 5—33.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. М., 1998.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

ЛЕКЦИЯ 8

Клише и штампы сознания Типы ассоциаций

КЛИШЕ И ШТАМПЫ СОЗНАНИЯ Прежде чем рассматривать непосредственно феномен фрейм-структуры сознания как таковой, остановимся на понятиях «клише» и «штамп» и поговорим о них чуть более подробно, поскольку они являются для нас принципиально важными. Для начала скажу, что сами термины «клише» и «штамп», а также стоящие за ними понятия достаточно много и подробно анализировались в литературе. Очень коротко представлю только те точки зрения, которые оказываются для нас наиболее актуальными.

Итак, клише — это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях (Т. М. Дридзе), обладает признаками некомплектности, т. е. недостаточно эксплицированный сложный знак (Ю. А. Сорокин).

Языковой штамп — это такое клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную информационную нагрузку, т. е. стало дисфункциональным (Т. М. Дридзе). Штамп обладает признаками комплектности, т. е. это избыточно эксплицированный сложный знак (Ю. А. Сорокин). При этом языковое клише признается явлением лингвистическим, а

речевой штамп — явлением психологическим (Ю. Е. Прохоров).

«Штамп сознания» есть такое языковое клише, по определению Т. М. Дридзе, «в основе которого лежит семантическая ассоциация, распавшаяся в сознании интерпретатора (реципиента) в силу ее неподкрепленности» (цит. по: [Прохоров, 1996: 97]). При этом, по мнению Ю. Е. Прохорова, штамп сознания «действительно может рассматриваться как явление психологического характера, т. е. явление, связанное с социокультурными традициями и правилами его употребления в речи».

Таким образом, все только что изложенное можно представить в виде следующей таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение клише и штампов, представленное в литературе

Языковое клише	Языковой / речевой штамп	Штамп сознания
готовая формула, частотно употребляемая в речи	асемантическая единица, лишенная информационной нагрузки	ассоциативно-формальная единица, не имеющая семантики
лингвистический феномен	психологический феномен	психологический феномен

Ну, а теперь сделаем следующий шаг и попытаемся чуть более жестко структурировать данные феномены. Для этого договоримся о следующих положениях.

Во-первых, следует безусловно различать языковое клише и речевой штамп как единицы, несущие/не несущие информационной нагрузки. Во-вторых, их следует отграничивать как единицы лингвистические от единиц психо-

логической природы. В-третьих, среди психологических феноменов следует также разграничивать *клише сознания* и *штамп сознания*. Критерием разграничения последних может служить также наличие /отсутствие семантико-информационной нагрузки: клише сознания таковую несет, штамп сознания — нет. Иначе говоря, для клише сознания крайне важна «семантика», т. е. весь комплекс значений, поверхностных и глубинных, которые стоят за вербальной единицей, соотносимой с клише. Другими словами, речь идет не только о *понимании* формы, но и о *знании* того, что стоит за данной единицей, поскольку при функционировании клише идет «игра» со значением. Для штампа сознания «семантика» значительно менее актуальна, для него в первую очередь важна форма, поэтому при функционировании штампа идет «игра» с формой.

Таким образом, следует говорить не только о языковом клише, речевом штампе и штампе сознания, но и о клише сознания. Только что сказанное может быть представлено в виде следующей таблицы (см. табл. 3).

Таблица 3. Соотношение лингвистических и психологических клише и штампов

Лингвистические феномены		Психологические феномены	
языковое клише	речевой штамп	клише сознания	штамп сознания
частотная, готовая, семантическая единица	частотная, готовая, асемантическая единица	устойчивая единица; форма + семантика; игра со значением	устойчивая единица; форма; игра с формой

Иначе говоря, лингвистические клише и штампы являются как бы зеркальным отражением клише и штампов сознания. Сравним с идеей Э. Сепира о том, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же». Однако надо всегда помнить, что зеркало это может быть и «кривым», поэтому подобная соотнесенность не может быть признана однозначной и константно заданной. Так, прецедентное имя в совокупности своих дифференциальных признаков, т. е. само имя плюс инвариант его восприятия, может быть описано как определенный «набор» *клише сознания*, с этим именем связанных. То же справедливо и по отношению к прецедентному тексту и прецедентной ситуации.

С точки зрения онтогенеза, клише и штампы могут «восходить» к феноменам различной природы, и это — в некоторой степени — может служить критерием их разграничения. Я говорю «в некоторой степени», потому что, во-первых, клише может проявляться в коммуникации и как собственно клише, и как штамп (т. е. функционировать аналогично штампу, так сказать, надевать на себя его маску), а во-вторых, клише и штампы могут иметь один «источник» — прецедентное высказывание (не конкретное, но как тип феномена).

А теперь давайте рассмотрим клише и штамп сознания более подробно. Но предварительно оговоримся, что мы рассматриваем клише и штамп, соотнося их в первую очередь с прецедентными феноменами.

Итак, *клише сознания* всегда соотносимо с прецедентными феноменами: текстом, именем, ситуацией или высказыванием, однако не с любым прецедентным высказыванием, но только с таким, которое имеет полную парадигму значений-смыслов.

Поскольку прецедентные текст и ситуация хранятся в виде инвариантов восприятия, то обращение к ним (т. е. к ИВПТ и ИВПС) может носить только осознанный характер. Другими словами, для апелляции к прецедентному тексту или прецедентной ситуации осознанно выбираются и используются те вербальные единицы, которые позволят сделать это наиболее адекватно и актуализировать инвариант восприятия конкретного текста или конкретной ситуации.

«Проблемы» могут возникнуть тогда, когда клише «восходит» к вербальным прецедентным феноменам: имени или высказыванию, поскольку в этом случае в коммуникации клише сознания может проявлять или не проявлять ингерентно присущую ему семантическую нагрузку. Это связано с типом ассоциации, которая «вызывает», «вытаскивает» из памяти клише. Я предлагаю Вам разграничивать два основных типа ассоциаций, критерием разбиения которых является задействование (или отсутствие такового) знаний собственно прецедентного феномена, т. е. инварианта восприятия прецедентного имени или системы значений-смыслов, стоящих за прецедентным высказыванием. Соответственно, выделяются *семанτικο-когнитивная ассоциация* и *фонетико-звуковая*. Названия говорят сами за себя: первый тип ассоциации апеллирует к инварианту восприятия прецедентного имени и к глубинному значению и системному смыслу прецедентного высказывания, второй же «довольствуется» лишь «вербальной оболочкой» первого и поверхностным значением второго. Следует признать, что последний тип ассоциации точнее было бы определять как ассоциацию *зрительно-звуковую*, но, исходя из презумпции первичности устной формы речи, позволим себе остановиться именно на предложенном термине: ассоциация фонетико-звуковая.

Следовательно, если в коммуникации клише сознания активизируется посредством семантико-когнитивной ассоциации (т. е. имеет место соположение реальной ситуации с прецедентной — как таковой или через инвариант восприятия прецедентного текста, в который таковая входит), то оно функционирует именно как клише (т. е. несет семантическую нагрузку). Если же клише сознания активизируется фонетико-звуковой ассоциацией (т. е. нет подобного соположения), то оно ведет себя аналогично штампу сознания, выполняя те же функции, что и штамп: поддержать разговор, подчеркнуть красоту слога, показать принадлежность к тому же социуму и т. д.

Штамп сознания не предполагает соположения реальной и прецедентной ситуаций и в этом смысле не несет семантической нагрузки, поэтому для него оказывается нерелевантной семантико-когнитивная ассоциация.

Итак, клише в первую очередь кристаллизуют связи, относящиеся к прецедентному имени (ПИ), прецедентной ситуации (ПС), прецедентному тексту (ПТ). Шапмы связаны в первую очередь с прецедентными высказываниями с дефектными парадигмами (когда отсутствует глубинный смысл). Шапмы сознания всегда имеют вербальную, поверхностную «оболочку». Клише сознания вербальны и, так сказать, «когнитивны», принадлежат более «глубокому» уровню. Шапмы тяготеют к некоторой «фиксации», но позволяют игру с поверхностным значением ПВ, с прямым значением слов, входящих в высказывание: *Быть или не быть — Пить или не пить — Жить или не жить*¹; *Тяжела ты, шуба из енота; Нет повести печальнее на све-*

¹ Похоже, что в англоязычном мире (точнее мне трудно говорить) это высказывание функционирует аналогично: в 2001 году в странах Европы я неоднократно видела тенниски с надписью «*Two beers or not two beers*».

те — Нет повести прикольнее на свете — Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Монтеки с Капулетти (примеры из современной печати). Клише сознания более «свободны» в выборе формы, но игры с выбранной формой минимальны; игра идет со смыслом, с тем, что стоит за словом, что спрятано между строк. Это объясняется тем, что имеет место апелляция к «клубку» ассоциаций от одной «точки» к другой: *Иуда — 30 сребреников — иудино дерево*.

В связи с вышесказанным и учитывая, что ПТ, ПИ, РС выступают в роли эталона, а ПВ могут «надевать маску» либо эталона, либо канона, можно некоторым образом соотнести понятия клише / штамп сознания, с одной стороны, и эталон/канон, с другой. Однако выявить четкие и строгие закономерности представляется весьма затруднительным. Это объясняется, очевидно, тем, что эталон и канон—это роли, которые феномены играют в дискурсе, это маски, которые они на себя надевают. Клише и штампы суть элементы некоторой структуры (фрейм-структуры сознания), хранящиеся в сознании. Через них активизируются ассоциативные связи и происходит апелляция к самому феномену.

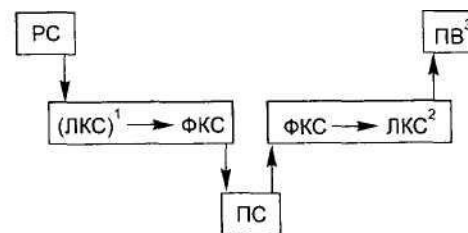
Приведу примеры семантико-когнитивной и фонетико-звуковой ассоциаций (см. сх. 8—13²).

² Некоторые из приводимых здесь схем были мною представлены в коллективной статье «Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний». Примечания (1) и (2) к схемам 8 и 10 совпадают.

Принятые в схемах сокращения и определения феноменов: РС — реальная ситуация, т. е. ситуация, в которой происходит коммуникация; ПС — прецедентная ситуация; ПВ — прецедентное высказывание; ИВПТ — инвариант восприятия прецедентного текста; ПТ — прецедентный текст; ПФ — прецедентный феномен; ЛКС — лингвистические когнитивные структуры; ФКС — феноменологические когнитивные структуры.

При семантико-когнитивной ассоциации

Схема 8. Порождение ПВ при отсутствии ПТ

Примечания

- (1) В том случае, если есть вербальный стимул.
- (2) Возможны два варианта:
 - а) репродуцируется существующий текст (ПВ);
 - б) продуцируется трансформация существующего текста (ПВ) по законам языка (через активизацию определенных ЛКС).
- (3) Прецедентное высказывание (ПВ) может функционировать как автономное, оторвавшееся от прецедентного текста (ПТ) или как именование прецедентной ситуации (ПС), непосредственное или опосредованное (через атрибут).

Например:

[Встретив приятеля, совершившего, по мнению А., весьма неблагоприятный поступок, А. произнес:] — *Ну что, получил свои 30 сребреников?* (отсылка к прецедентной ситуации предательства Иудой Христа)

Данный пример иллюстрирует апелляцию именно к прецедентной ситуации (ПС), а не к инварианту восприятия прецедентного текста (ИВПТ). Дело в том, что дан-

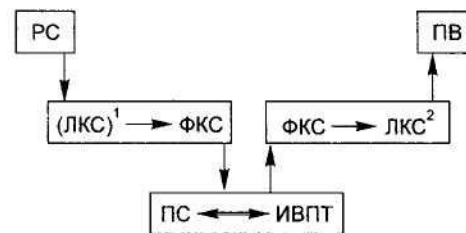
ная ПС безусловно входит в ИВПТ, а вот ПТ (ИВПТ) в инвариант восприятия данной прецедентной ситуации не входит. Объясню это более просто: для текста Библии (Нового завета) эта ситуация важна, это один из ключевых моментов повествования, а вот для того, чтобы иметь представление о ситуации, вовсе не обязательно знать всю Библию или даже весь Новый завет (хотя бы в его Евангелической части). Я имею в виду, что очень важные «элементы» прецедентного текста (даже если мы «ограничим» прецедентный текст рамками Евангелий), которые обуславливают инвариант его восприятия и частично даже входя в ИВПТ, например, поклонение волхвов, Вифлеемская звезда, Дева Мария, въезд в Иерусалим, проповеди и деяния Христа, Мария Магдалина, фарисеи, Понтий Пилат, Последняя Вечеря, распятие, воскресение и т. д. и т. д., не входят в инвариант восприятия рассматриваемой ПС. Даже то, что связано с Иудой: причины его предательства, то, что он был одним из апостолов, учеником Христа, то, что он удавился на дереве после того, что совершил, и т. д. — все это входит в инвариант восприятия прецедентного имени Иуды, но опять-таки не в инвариант восприятия данной прецедентной ситуации.

На схеме 9 реальная ситуация (РС) сопоставляется с пре-

цедентной ситуацией (ПС) и полагается тождественной либо конгруэнтной³ ей (см. предыдущий пример).

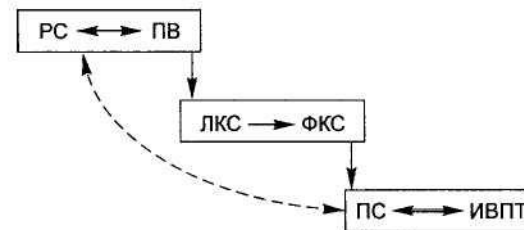
Схема 10. Порождение ПВ при наличии ПТ

(См. *Примечания* (1—2) к схеме 8.)

[Увидев в библиотеке знакомую, заваленную книгами,

Схема 11. Восприятие ПВ при наличии ПТ

В. сказала:]

— *Давно обосновалась?*

(отсылка к прецедентной ситуации и к прецедентному тексту фильма «Белое солнце пустыни»)

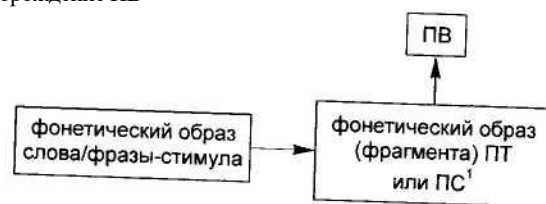
³ Конгруэнтный от лат. congruens. род.пад. congruentis — соответствующий, совпадающий.

Представляется, что в данном случае ИВПТ входит в ИВПС, т. е. для инварианта восприятия precedentной ситуации в данном случае оказывается релевантным сам precedentный текст и инвариант его восприятия.

Следует отметить, что подобная картина будет наблюдаться, и когда коммуникант не слышит, но читает текст: зрительно-буквенный образ слова/фразы «вызовет» фонетический образ. Дальнейший путь покажу на схемах 12 и 13.

При фонетико-звуковой ассоциации

Схема 12. Порождение ПВ

Примечание

- (1) После порождения ПВ возможна активизация одной или нескольких когнитивных структур, за которыми стоит precedentный текст (ПТ) или precedentная ситуация (ПС).

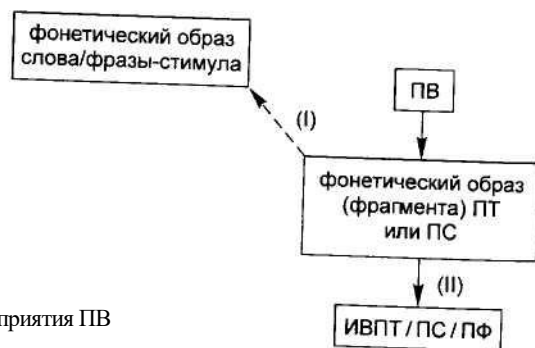

Схема 13. Восприятие ПВ

Связи (I; II) активизируются одновременно.

- (I) — оценивается «удачность» ассоциации по фонетико-звуковым параметрам.
- (II) — оценивается уместность семантико-когнитивной ассоциации.

Приведем примеры фонетико-звуковой ассоциации.

А. [посмотрев в окно] — *Ой, посмотрите какой месяц!*

Б. [поет] — *Светит месяц. светит ясный!*

[Е. рассказывает, как хорошо уехать куда-нибудь на рыбалку:]

Е. — *Река, палатка, костер, водочка...*

В. — *Угу, холод, комары, москиты... Не-е, нам, гага рам...*

Поскольку последняя фраза принадлежит мне, то я позволю себе описать «путь» порождения данного precedentного высказывания (ПВ): «отправной точкой» стало слово «недоступно» — «это удовольствие мне непонятно, недоступно моему пониманию»; слово вызвало ассоциацию (не апелляцию — sic!) с precedentным текстом (ПТ) «Песня о Буревестнике»: *Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни*, — что и привело к использованию в речи измененного, трансформированного («им» —> «нам») precedentного высказывания (ПВ), при этом само «ключевое» слово использовано не было. Только что описанный процесс занял считанные доли секунды, и паузы в коммуникации не последовало; реакция реципиента на мою реплику, содержащую ПВ, была, с моей точки зрения, вполне адекватной: мой собеседник (реципиент) понял мою иронию и по отношению к себе самой, и по отношению к нему.

Штампы сознания, в отличие от клише, соотносимы с единицами разной природы:

- (1) с прецедентными высказываниями, которые:
- имеют дефектную парадигму или
 - глубинное значение и/или системный смысл которых оказываются в коммуникации нерелевантными, так как стимулом-«зацепкой» для ассоциации служит, как правило, не весь феномен как таковой, а лишь его фрагмент;
- (2) с единицами, за которыми стоит одна феноменологическая когнитивная структура (т. е. штамп фактически служит именованнием предмета) или только лингвистические когнитивные структуры (для обозначения таких единиц договоримся использован термин «фиксированные речевые формулы»).

Приведу примеры единиц, за которыми может быть закреплён статус штампа:

(1) *Нет повести печальнее на свете; Таможня даёт добро; За державу обидно; Быть или не быть; Все ушли на фронт; Все смешалось в доме Облонских;*

(2) *гора с плеч; обещать золотые горы; обман зрения; глаз-алмаз; великий немой.*

Рассматриваемые штампы сознания, проявляясь в дискурсе, выступают, как правило, в роли канона. Определённым подтверждением этого тезиса служит в том числе и частотное употребление их в трансформированном виде (при отсутствии апелляции, конечно, к породившему их тексту и/или ситуации, в которой они были порождены) — вспомним приведенные ранее «трансформы» ПВ *Быть или не быть; Нет повести печальнее на свете*. Но трансформация имеет место не всегда, и говорить о соотношении канона и штампа можно в связи с установлением возможного соответствия: канон так же относится к штампу, как тиражирование к воспроизведению.

Замечу, что из прецедентных высказываний в качестве штампов чаще всего используются те, которые имеют только поверхностное значение и хранятся в сознании в виде лингвистических когнитивных структур. Данные высказывания сближаются с фиксированными речевыми формулами. Они предполагают высокую степень известности носителям национального ментально-лингвального комплекса, в связи с чем могут воспроизводиться в речи не полностью, но фрагментарно, и в таком случае они легко поддаются восстановлению, например: *Мороз и солнце — день чудесный; При всем богатстве выбора другой альтернативы нет; Любите ли Вы театр; У природы нет плохой погоды* и т. п. Кстати, отмечу, что наиболее ярким и характерным случаем активизации штампа сознания является именно ассоциация по слову (из прецедентного высказывания или фиксированной речевой формулы). Например, мне неоднократно приходилось слышать «*Все смешалось в доме Облонских*» для обозначения и путаницы в голове, и беспорядка, мешающего отыскать нужную вещь, и хаоса, препятствующего принятию какого-либо решения, и т. д. Стимулом-«зацепкой» практически во всех этих случаях являлось слово «смешалось» или его близкие синонимы, отсюда и определённый тип ситуации (путаница, беспорядок, хаос), в которой данное высказывание использовалось.

Итак, поскольку для штампа оказывается нерелевантной семантико-когнитивная ассоциация, то, следовательно, логично было бы предположить, что речь может идти только о фонетико-звуковой ассоциации.

Однако, как показала обработка материалов АТРЯ, среди ассоциаций, которые не несут семантико-когнитивной нагрузки и не предполагают соположения реальной ситуации с каким-либо прецедентным феноменом, выделяются такие, которые не связаны с фонетико-звуковым

или зрительно-буквенным образом ассоциируемых единиц. Такой, особый вид ассоциации договоримся называть *ассоциацией-штампом* (по аналогии со штампом сознания). Механизмы, возбуждаемые стимулом и приводящие к «рождению» ассоциации-штампа, задействуют — не всегда и не только, но в первую очередь и как правило — лингвистические когнитивные структуры:

гора —> с плеч (27);

обещать —> золотые горы (15);

обман —> зрения (10); глаз

—> алмаз (58);

великий —¥ *вождь* (23), *великий вождь и товарищ* (1), *великий учитель* (3), *великий кормчий* (2) [К—1].

Из приведенных примеров, казалось бы, можно сделать вывод, что получаемая в результате ассоциации-штампа единица — это обязательно ПВ, фиксированная речевая формула или идиома (в традиционном понимании термина). Но на самом деле это далеко не всегда так. Например: **кто** —» *последний* (4); Вы —■> *последний?* (1) [К—1].

Данные ассоциации-штампы эксплицируют обязательный вербальный компонент, который входит в число устойчивых, национально-маркированных слотов стереотипного образа *очереди*, бытующего в русском языковом сознании. Что касается самих единиц *кто последний/Вы последний*, то они, конечно же, не относятся к клише сознания и, хотя они близки к штампам сознания, их, пожалуй, трудно однозначно причислить к таковым. Данные единицы представляют собой *речевые* штампы, связанные со стереотипным поведением в стереотипной ситуации. Показателем штампа сознания может быть признано, в частности, употребление вербальной единицы-«экспликатора» в непрямом значении, с целью подчеркнуть кра-

соту слога, поддержать разговор или, наоборот сменить тему разговора и т. д. Например:

Катя с подозрением оглядела притихнувшую компанию.

— *Вы о чем тут шепчетесь?*

— *Да так, плюшками балуемся.* — *Кравченко потупил синие глазки.*

— *Я с ним поеду,* — *Катя села и положила ногу на ногу*⁴.

А также ср.: *билет* — на балет⁵ и *билет* — на спектакль, в театр, до Москвы, № 2 (примеры из АТРЯ; К—1). Понятно, что выражение *билет на балет* может быть употреблено и в прямом значении (если речь идет о билете на балетный спектакль), и как штамп: *Господи, а мой-то где билет на балет?* (фраза, которую я услышала в разговоре двух носителей русского языка, один из которых искал свой единственный при входе в метро).

В текстах можно найти подчас целые россыпи ПВ, вступающих в роли штампов: *Весна... Как много в этом звуке - Вы еще не почувствовали ее приход? Все признаки налицо. Звенят ручьи, кричат грачи, сердце тает, кто-то березкой стать мечтает, кто-то — президентом всяя Руси... А Генпрокурор трубит весеннюю тревогу. Ему захотелось большой и чистой любви. Забыл, бедняга, что в России до сих пор секса нет. Если же вдруг кто-то кое-где у нас порой... пиши пропало. Сразу по центральному телевидению покажут [МК от 20.03.99]; «Вот парадный подъезд... По торжественным дням...» Ну и так далее... Конечно, тов. Некрасову легко было размышлять... [...] ... чудо техники домофон, который не работает. Можно сколько угодно нажимать на кнопки, кричать «Сим-сим, откройся!», призывать на помощь музу — бесполезно. Разве что прибежит*

⁴ Т. Степанова. Звезда на одну роль. М., 1999. С. 311.

⁵ Самая частотная ассоциация: число ассоциаций — 53.

местный дед Мазай и ударит по домофону кувалдой. Далее — консьержка. Опять же не пустит, будет стоять на смерть, как герои-панфиловцы... [далее — лифт, который может застрять] Вот и выясняй, кому на Руси жить хорошо, в душной кабинке 2х3. Но наконец цель достигнута. Через тернии к звездам — и вот она, заветная дверь... Увы! Здесь нашего пиита [Некрасова] ждет самое страшное. Выбор невелик: перо в бок или пуля в лоб в зависимости от квалификации преступника. Короче, погиб поэт — невольник чести [МК от 27.02.99].

ВАТРИЯ я обнаружили интересный пример штампа сознания: **масло** —> *масляное* (27), *тавтология* (1) [К—1]. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело именно с лингвистическими когнитивными структурами, поскольку в данном случае в когнитивной базе хранится единая единица *масло масляное* как классический пример *тавтологии*. Другими словами, данная единица (*масло масляное*) сама по себе не несет какой-либо семантической нагрузки, за ней н* стоит какой-либо прецедентный феномен, и, следовательно, в речи она порождается по фонетико-звуковой ассоциации или по ассоциации-штампу, т. е. существует в системе и функционирует не как клише, но как штамп. Что касается ассоциации **масло** —> *тавтология*, то мы, очевидно, имеем дело со свернутой ассоциативной цепочкой: через штамп (ассоциацию-штамп и штамп сознания *масло масляное*) мы получаем реакцию *тавтология*, как обозначение данного языкового феномена (что опять-таки соответствует нашему определению штампа сознания).

Очевидно, что штампы сознания, как отмечает Ю. Е. Прохоров (и — добавим от себя — особенно клише сознания), функционально служат для поддержания разговора. Но не только. На наш взгляд, в коммуникации клише и штампы выполняют также эстетическую и аффек-

тивно-социальную (если использовать терминологию У. М. Quasthoff⁶) функции: они служат для выражения экспрессии, передачи «красоты» языка и способствуют определению собственного места и места собеседника на шкале «свой/чужой».

Приведу несколько примеров того, как единицы, изначально восходящие к прецедентным феноменам, проявляют себя как штампы и выполняют указанные функции:

(1) Диалог из кинофильма «Три плюс два»:

Степан — *Это ты стонал?*

Роман — *Где?*

Степан — *Где!.. На берегу... всю ночь...*

Роман — *Я не стонал. Это я пел.*

Степан — *Ну, коне-е-ечно... этот стон у нас песней*

(2) [Ситуация на улице. Три немолодые дамы спускаются по недавно отремонтированной небольшой лесенке:]

А. — *... Теперь придется ждать: он-то уже ушел, наверно, и дверь закрыл...* [одна из дам неожиданно подскальзывается]

Б. — *Ой, Господи, чуть не упала!..*

А. — *Тише!*

В. — *Тише, мыши...*

А. — *... а ключей-то у меня нет.*

В. — *... кот на крыше...*

Б. — *Все ноги себе можно попереломать. Не могут сделать по-человечески! В. — ... а котята еще выше...*

⁶ Отмечу, что У. М. Quasthoff разграничивает три функции стереотипа: когнитивную, аффективную и социальную.

Этот полилог, который вполне подошел бы для театра абсурда, невольными слушателями-наблюдателями воспринимался как абсолютно естественный и «нормальный», и поведение коммуниканта В. ни у кого не вызвало ни малейшего удивления: ни у других участников полилога, ни у сторонних свидетелей.

(3) [Разговор двух преподавательниц:]

— ... что-то... урок сегодня...

— Чего такое?

— Да объявился опять этот американец!..

— А-а-а, этот твой тихий американец?

— Угу, тихий... если бы он был тихим, еще куда ни шло...

Интересно, что в АТРЯ зафиксирована ассоциация тихий → американец (2) [К—1], что только подтверждает знакомство носителей русского ментально-лингвально-го комплекса с прецедентным высказыванием *тихий американец*, восходящим к названию известного романа Грэма Грина (хотя, возможно, данный феномен следовало бы отнести к социумно-прецедентным).

(4) Разговор двух подруг, хорошо и давно знающих друг друга и знакомых с семьями друг друга:

А. — Чего вчера не была?

Б. — Да дядя приезжал, надо было встретить... А.

— Ваня!

Б. — ???.. Почему?.. А-а, нет Коля. Ты его не знаешь...

Интересно, что в АТРЯ ассоциация дядя → Ваня зафиксирована как самая частотная: число реакций — 91.

И, завершая наш разговор о клише и штампах сознания, представим все вышесказанное в виде следующей таблицы (см. табл. 4):

Клише и штампы сознания тесно связаны с понятием фрейм-структуры, рассмотрению которого и будет посвящена наша следующая лекция.

Таблица 4. Соотношение клише и штампов сознания

Тип феномена	Единицы, с которыми соотносятся	Роль ПФ в дискурсе	Тип ассоциации при активизации	Активируемая роль
Клише сознания	1) прецедентный текст	эталон	1) семантико-когнитивная	эталон
	2) прецедентная ситуация	эталон	2) фонетико-звуковая	канон
	3) прецедентное имя	эталон		
	4) прецедентное высказывание, имеющее полную парадигму	эталон, канон		
Штампы сознания	1) прецедентное высказывание, имеющее дефектную парадигму	канон	1) фонетико-звуковая	канон
	2) фиксированные речевые формулы	канон	2) ассоциация-штамп	канон

Итак, разграничиваются *языковое клише* и *речевой штамп* как феномены *лингвистические*, с одной стороны, и *клише сознания* и *штамп сознания* как феномены *психологические*, с другой.

Клише сознания активизируются *семантико-когнитивной ассоциацией*. Штамп сознания — *фонетико-звуковой и ассоциацией-штампом*.

Применительно к ПФ клише сознания связаны с тем ПФ, которые имеют собственно инвариант восприятия (ПС, ПТ, ПИ) и с ПВ, имеющими полную парадигму значений-смыслов. Штампы сознания соотносятся с ПВ, имеющими дефектную парадигму, и с фиксированными речевыми формулами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 4. С. 106—118.

Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. М., 1972. С. 34—80.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1997, № 3. С. 62—75.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) М., 1998.

Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кузряковой. М., 1996.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Сетир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Сорокин Ю. А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133—138.

Сутрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С. 17—29.

ЛЕКЦИЯ 9

Фрейм-структуры сознания:

определение понятия

Предсказуемые vs свободные ассоциации

ФРЕЙМ-СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Сегодня мы с Вами поговорим о таком феномене, как фрейм-структура сознания. Но начну я вот с чего.

Разбирая концепцию Анны Вежицкой, Е. В. Падучева пишет: «Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать "мир как он есть": язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою».

Если все-таки попытаться выявить, что же определяет специфику языковой картины мира с точки зрения того, что «имеется» в голове человека, с точки зрения того, что и как хранится в сознании и как мы оперируем этим «информационным» массивом, то одним из возможных подходов может стать попытка проанализировать те «блоки» (образные, понятийные, концептуальные), которые определяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности. Те «блоки», которые обуславливают национальную специфику стереотипов (как поведенческих в целом, так и коммуникативных и речевых, в частности) и которые всегда стоят «тенью отца Гамлета» за нашим поведением (в том числе

и речевым). Эти «блоки» имплицитны и неощутимы, неосознаваемы, как неосознаваем нами воздух, когда его достаточно и он таков, к какому мы привыкли. Но как только этот вдыхаемый нами воздух меняет свое качество или количество, мы сразу «вспоминаем» о его существовании. То же происходит, и когда мы общаемся с представителями иных национально-лингво-культурных сообществ.

Вспомним мысль А. Вежицкой о том, что «возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее «идеосинкретичных» (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить «психическую общность человечества» (Franz Boas), а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого общего набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления».

Действительно, коммуникация возможна только при наличии определенной общности знаков: именно это обуславливает адекватность и, следовательно, успешность коммуникации. Однако эта общность обманчива: обладая различными слотами (валентными связями), базовые элементы формируют разные «конфигурации». Разность же конфигураций базовых элементов может спровоцировать коммуникативный сбой (неполное понимание) или коммуникативный провал (полное непонимание). Таким образом, то, что делает коммуникацию принципиально возможной, может сделать ее и заведомо неадекватной: общность базовых элементов как таковых обуславливает принципиальную возможность общения, в то время как

разнящиеся валентности таковых могут привести (и подчас приводят) к коммуникативным неудачам.

Возвращаясь к разговору о глубинных блоках, хранящихся в сознании человека, можно, очевидно, предположить, что эта информация существует в виде некой «базы данных». Повторю, что каждая языковая личность обладает своим собственным *индивидуальным когнитивным пространством (ИКП)*, в которое необходимо входят *коллективные когнитивные пространства (ККП)* и *когнитивная база (КБ)* (как минимум — ее ядро). Как мы с Вами уже говорили, не только когнитивная база, но и когнитивные пространства являются национально-детерминированными и национально-маркированными, что вполне объяснимо, так как «ядром» когнитивных пространств (и ИКП, и ККП монокультурного социума) служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя / носителей данного когнитивного пространства.

Рассматриваемые нами «единицы хранения» информации существуют не изолированно друг от друга. Напротив, они представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментально-лингвального комплекса и образуют определенные более или менее устойчивые глубинные блоки, или «конфигурации» (по А. Вежицкой), которые проявляются, в частности, в ассоциативно-вербальной сети. Конечно, в ассоциациях «проступают» только контуры сложнейшего «многомерного» рисунка, так сказать, вершина айсберга. Но изучение этого фрагмента языкового сознания позволяет выявить некоторые особенности языковой картины мира, так как, по мысли Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz), язык есть «наилучшее отражение человеческой мысли».

Выявление данных блоков представляется, безусловно, необходимым, однако предъявить их полный перечень

сегодня едва ли возможно. По сути это — задача на будущее.

Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети обладает определенным набором ассоциативных связей. Эти

векторы ассоциаций могут быть «свободными» или «предсказуемыми». Сразу оговорюсь, что это достаточно условное, метафорическое обозначение стоящих за этими словами понятий, поскольку, действительно, ассоциация возникает спонтанно, и нет и не может быть инвариантной ассоциативной связи (А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Л. О. Чернейко, В. А. Долинский и другие). Однако ассоциация есть «спонтанное» проявление существующих в сознании глубинных структур, и раз так, то сколь «спонтанной» ни была бы ассоциация, в целом ряде случаев мы можем ее «предвидеть», «предсказать». В принципе для обозначения разграничиваемых типов ассоциаций можно было бы использовать и другие пары: «реально возможная vs потенциально возможная», «обязательная vs необязательная», — каждая из которых имеет и свои «плюсы», и свои «минусы». Я предлагаю Вам вариант «предсказуемая vs свободная». Он тоже не лишен недостатков, но поскольку любой термин есть результат некоторой конвенции, давайте договоримся оперировать именно данной парой терминов.

Итак:

предсказуемой является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет, репрезентированный сознанию и кристаллизованный в виде клише и штампов.

Иными словами, клише и штамп сознания, о которых мы с Вами говорили на прошлой лекции, суть «кристаллизация» предсказуемой ассоциативной связи, фиксация предсказуемого вектора ассоциации.

164

Мы с Вами уже «увязали» такие важнейшие для понимания национально-культурной составляющей дискурса понятия, как прецедентные феномены, клише и штампы сознания, каноны и эталоны, разные типы ассоциаций, предсказуемые и непредсказуемые связи и т. д. Это все очень хорошо, но мы еще только «на полпути к вершине» (П. Устинов). И чтобы дойти до конца, нам понадобится единица, которая позволит описать, проанализировать и структурировать ментально-психическую природу когнитивных феноменов, обуславливающих национально-культурную специфику дискурса. Такой единицей может быть признана *фрейм-структура сознания*. Но прежде чем представить ее дефиницию, я сделаю небольшое, но важное отступление.

Во-первых, предлагаемый термин «фрейм-структура» и его понимание не являются аналогичными терминам, встречающимся в литературе, таким, как фрейм, скемата, схема, скрипт, сценарий, план, когнитивная модель, модель ситуации и т. д. (М. Минский, У. Найссер, Ф. М. Кулаков, Т. В. Вшишкова, С. И. Горохова, R. P. Abelson, G. Cook, R. C. Schank, F. S. Bellezza, G. H. Bower, F. C. Bartlett, E. Charniak, W. G. Lehnert, P. Johnson-Laird, N. A. Stilling, J. L. Garfield, S. Carberry, R. E. Sanders, S. T. Fiske, S. Taylor, M. W. Eyesenck, R. Wilensky, A. C. Graesser, R. A. Zwaan, T. A. van Dijk, C. R. Berger, J. Bradac и др.). Из всех приведенных терминов наиболее близким является термин «фрейм», трактуемый как когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов. По своей структуре фрейм состоит из *вершины* (темы), т. е. макропропозиции, и *слотов* или *терминалов*, заполняемых пропозициями. Эта когнитивная

165

структура организована вокруг какого-либо концепта, но в отличие от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом (М. Л. Макаров). Расхождения между фрейм-структурой и фреймом в только что представленной трактовке заключаются в следующем: 1) фрейм-структура представляет собой не «треугольное», «пирамидальное» построение, но более сложную фигуру, что я и попытаюсь Вам сегодня показать; 2) в центре фрейм-структуры стоит некоторое представление, некоторый образ, который — в результате определенной когнитивной обработки — *может* быть представлен концептом, но это случается далеко не всегда (см. фрейм-структуры, за которыми стоят прецедентные феномены: последние «редуцируются» именно в инвариант *представления*, но не в концепт); 3) «существенными, типическими и потенциально возможными» ассоциациями являются, на мой взгляд, *все* национально-маркированные ассоциации, а за фрейм-структурой стоят только ассоциации предсказуемые.

Во-вторых, некоторым прообразом теории фреймов М. Минского послужило, по мнению С. И. Гороховой, учение Н. А. Бернштейна о том, что «мозговое *отражение* (или отражения) мира строится по типу *моделей*», а «акт мозгового моделирования при всех условиях реализуется *активно*». По теории фреймов М. Минского, знания человека о мире строятся в виде так называемых фреймов-сценариев, или динамических фреймов. Исходя из основных положений данной концепции, фрейм можно представить как сеть, которая состоит из узлов и связей между ними. Каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует. В общем слу-

чае в фрейме можно выделить несколько уровней, иерархически связанных друг с другом. Указанная теория фреймов, безусловно, очень близка тому, что я сейчас буду излагать, но все-таки я не могу согласиться с таким категоричным высказыванием. На мой взгляд, фреймы могут быть представлены не только «сценариями» (по другой терминологии — «скриптами»), но и образами. Иначе говоря, фреймы могут быть не только «динамическими», но и «статическими» (вспомните, например, инвариант восприятия ПИ). А кроме того, требует определенных уточнений и тезис об иерархии «уровней». Как мы с Вами увидим, фрейм-структура сознания не столько многоуровневое построение, сколько многогранное и многомерное. Ну, а теперь вернемся к самой фрейм-структуре. Если попытаться вкратце охарактеризовать эту единицу, то это лучше сделать следующим образом:

фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций.

Фрейм-структура — единица составная, но цельная, единая (так сказать «молекулярная», в отличие от «атомарной» когнитивной структуры). Образно говоря, фрейм-структура представляет собой многогранник, который может быть более простым (при наличии, например, одного вектора предсказуемых ассоциативных связей) или более сложным (при наличии энного количества таковых). Соответственно, клише сознания или штамп сознания будут представлять собой лишь одну из граней более сложной фигуры. Очевидно, в ассоциативно-вербальной сети (и следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве и в когнитивной базе) клише и штампы сознания хранятся именно как фрейм-структуры (при

более простой организации последней) или как ее отдельные «границы» (фрагменты).

При этом фрейм-структура, связанная с тем или иным прецедентным феноменом, может быть значительно шире, чем сам этот феномен. Так, например, *Мюнхгаузен* как прецедентное имя имеет инвариант восприятия: «рассказывающий о себе небывшие человек; человек, деяния которого невозможны по определению (например, вывернуть наизнанку волка или вытащить за волосы из болота себя вместе с конем); при этом человек уверяет всех в своей правдивости». И если кого-либо назовут Мюнхгаузеном, то апелляция к указанному инварианту будет вполне прозрачна и очевидна (вспомним: *непревзойденный фотограф и внук барона Мюнхгаузена*). За данным ПИ стоит блок предсказуемых векторов ассоциаций, что позволяет говорить о том, что мы имеем дело именно с фрейм-структурой. Вместе с тем, ПИ Мюнхгаузен может открывать ряд прецедентных феноменов, связанных непосредственно с его «подвижками», а именно: ряд прецедентных ситуаций. Далее, через ПИ говорящий может апеллировать и к самому прецедентному тексту (инварианту его восприятия — ПТ/ИВПТ). За каждым таким прецедентным феноменом: ПС, ПТ/ИВПТ — также стоит фрейм-структура. Очевидно, что данные «конкретные» фрейм-структуры, «соотносимые» с каждым конкретным прецедентным феноменом (самим именем, отдельной ситуацией или текстом), формируют структуру более сложной конфигурации, которая также будет являться фрейм-структурой, но более «высокого» порядка. Таким образом, фрейм-структура как таковая (как феномен) может быть шире, чем отдельный прецедентный феномен, поскольку может включать в себя несколько более «простых» фрейм-структур, каждая из которых стоит за отдельным конкретным ПФ. Будучи многогранной фигурой, фрейм-структура при

апелляции к ней может «менять свое положение в пространстве» (верх <-> низ, право <-> лево), «поворачиваясь» то одной, то другой гранью. В этом и заключаются те уточнения, которые я посчитала необходимыми, говоря об иерархической организации фреймов.

Отличие фрейм-структуры от «нефреймовых» валентных связей состоит именно в определенной предсказуемости векторов ассоциаций и, возможно, закрытости списка «предсказуемых» ассоциативных связей. При активизации одного из элементов фрейм-структуры активизируются все ее элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент.

Итак, остановившись вкратце на вопросах терминологии, мы вместе с тем рассмотрели и случаи активизации и актуализации когнитивных структур при речевом общении. Думаю, ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что психологические клише и штампы (клише и штампы сознания) проявляются в ассоциациях. Почему бы не предположить, что и когнитивные структуры будут обнаруживать себя тоже в ассоциативных связях? Безусловно, надо отдавать себе отчет в том, что такой подход (через ассоциативный ряд) позволит проанализировать в первом приближении лишь системные, парадигматические отношения. Но мне представляется, что рассмотрение именно этого аспекта должно (или — как минимум — может) предшествовать рассмотрению аспекта функционального. И в качестве одного из дополнительных аргументов приведу слова А. А. Залевской: «Важно проследить, как в зависимости от идентифицированного признака одно и то же слово может «выводить» на различные схемы знаний, сценарии и т. п., а при наличии общих схем знаний в условиях межкультурных контактов — на специфическое заполнение тех или иных слотов образами типичных для каждой культуры носителей признаков в сочетании с

соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями».

Давайте рассмотрим только что изложенное на конкретных примерах.

Любая единица ментально-лингвального комплекса обладает определенным набором валентных связей. При этом ассоциация может быть достаточно «свободной», «непредсказуемой» а priori, зависящей от самых разных факторов, начиная с ситуационного состояния языковой личности и заканчивая наиболее типичными национальными социокультурными стереотипами. Последнее же дает возможность создавать словари «ассоциативных норм»: см., например, «Словарь нормативных ассоциаций русского языка» (М., 1969); «Словарь ассоциативных норм русского языка» (под ред. А. А. Леонтьева; М., 1979); «Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь» (Книги 1—6 М., 1994, 1996, 1998) (АТРЯ).

Приведем фрагмент статьи АТРЯ, К—1 на слово *поле* (в скобках указывается число данных реакций на стимул):

поле → чудес¹ (57); широкое (38); русское (35); переищи (22); ржи (14); чистое (13); рожь (11); зрение, пшеничное (10); луг (9); картошка (8); трава (7); Куликово, русское поле (6); море, река, перекати (4); маков, футбол (3); васильки, гречишное, равнина, ромашка (2); гололед, женщина, звезды, самолет, стадион (1).

Образованные в результате ассоциаций единицы (сочетания) явно делятся на несколько групп.

1) Первая группа представлена сочетаниями типа: **поле** → трава, маков, море, река, равнина, гололед, женщина,

¹ Самая частотная реакция.

звезды. При образовании данных единиц не возникает дополнительных коннотаций, за ними не стоит какое-либо глубинное представление (в нашем понимании данного термина).

2) Вторую группу составляют сочетания, обладающие национально-культурной маркированностью: **поле** → *тише ничное, гречишное, роки, рожь, картошка, ромашка, васильки*. В данном случае мы можем иметь дело со стереотипным образом или с его периферией.

3) Третья группа состоит из сочетаний, за которыми стоит единый образ, один предмет или ситуация, а стимул и реакция только «связывают» части целого: **поле** → *футбол, стадион, самолет* (возможно, сюда же относится и реакция *трава*).

4) Четвертую группу формируют сочетания несколько иного плана: те, соединение компонентов которых образует особую единицу. Эта единица является не просто сочетанием имени и атрибута (как в предыдущих группах), но «именует» особый образ, так как именно совокупность компонентов и есть «имя» некоего «предмета» (в самом широком смысле), с которым связаны определенные коннотации, например, **поле** → *перекати* (= *перекати-поле*). Последний случай может служить примером когнитивной структуры, а ассоциация относится к ассоциациям-штампам.

5) Пятая группа представлена ассоциациями, «восходящими» к прецедентным феноменам. Например, ассоциации **поле** → *русское, русское поле* или **поле** → *перейти* манифестируют апелляцию к прецедентному тексту: в первом случае — к тексту известной песни, во втором — к высказыванию *жизнь прожить — не поле перейти*. При этом ассоциации **поле** → *русское, русское поле* также следуют отнести к ассоциациям-штампам.

Более сложный случай представляет ассоциация **поле** → *чудес*. Очевидно, что *поле чудес* отличается от дру-

гих пар, образованных в результате ассоциаций, и отличается именно тем, что *поле чудес* есть «имя» образа, за ним стоит представление (т. е. образ, понятие, оценки и коннотации). *Поле чудес* может быть отнесено к числу прецедентных феноменов, поскольку за этим прецедентным именем стоит весьма определенная прецедентная ситуация (как и за ассоциацией *поле* —> *Куликово*), связанная с весьма определенным прецедентным текстом (как и за ассоциациями *поле* —> *перейти*, *поле* —> *русское*). Таким образом, мы с Вами обнаружили еще одну характерную черту, еще одну особенность когнитивной структуры: за ней (или некоторой «конфигурацией» таковых) может стоять инвариант восприятия прецедентного феномена. В рассматриваемом случае это будет инвариант восприятия прецедентного текста — *Сказка о золотом ключике, или Приключения Буратино*, и инвариант восприятия прецедентной ситуации, «именем» которой и является *поле чудес (в стране дураков)*. Подтверждение находим в АТРЯ:

поле —> *чудес* (57); *чудеса, чудо* (2); *дураков, чудес в нашей стране, чудес в стране дураков* (1) [К—1]; **страну** -> *Буратино, дураков* (1) [К—1]; **страна** —> *дураков* (23) [К—1].

В данном случае *поле чудес* является составной частью устойчивого блока ассоциаций (векторов валентных связей), за которым стоит инвариант восприятия прецедентного текста. И следовательно, возможные ассоциации (как показал пилотажный экспериментальный опрос): **поле чудес** —> *страна дураков, папа Карло, лиса Алиса* и т. д., а также зафиксированные в АТРЯ: **Буратино** —> *Мальвина* (4); *папа Карло* (3); *в стране дураков* (2); *Карабас, Карло* (1) [К—3].

С другой стороны, пилотажные опросы, которые я проводила, позволяют предположить, что носители русского

языка середины—конца 90-х годов, особенно увлекающиеся развлекательными телепередачами, дают устойчивую реакцию: **поле чудес** —> *передача, телевизор, Якубович, приз, приз в студию!* и т. д. Иначе говоря, *поле чудес* входит в еще один блок «предсказуемых» ассоциаций: с одной стороны, это ассоциации, связанные с инвариантом восприятия именно телеигры «*Поле чудес*»: с другой — это ассоциации, связанные со стереотипом такого феномена, как *телепередача*.

Таким образом, мы с Вами выявили случай, когда векторы валентных связей могут быть «предсказаны» a priori. Почему это возможно? Очевидно, потому, что за всем этим скрывается некий единый, но составной, мозаичный (в отличие от когнитивной структуры) образ. В первом случае — *сказка о Буратино* — это инвариант восприятия прецедентного текста, включающий в себя комплекс прецедентных феноменов: прецедентное имя (инвариант восприятия ПИ) и прецедентную ситуацию (инвариант восприятия ПС); во втором — *телепередача «Поле чудес»* — прецедентную ситуацию (инвариант восприятия ПС) и стереотипный образ. Инвариант восприятия ПТ и инвариант восприятия ПС с точки зрения когнитивных структур есть некая когнитивная единица, составная, но цельная, которая является знаком, «именем» «предмета» или ситуации. Так что мы получили в результате? А в результате мы получили единицу, которая полностью соответствует нашему определению фрейм-структуры. Иначе говоря, инвариант восприятия ПС, ПТ, ПТ и совокупность значений-смыслов ПВ и есть по сути своей фрейм-структура. Таким образом, подтвердился наш тезис о том, что при «задействовании» одного из элементов фрейм-структуры, как в нашем примере — «*поле чудес*», активизируются все ее элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент (очевидно, в зависимости от конкретной

ситуации общения). В целом же ассоциации такого рода мы с Вами договорились называть семантико-когнитивными (они показаны на сх. 8—11).

Приведу еще примеры фрейм-структур, за которыми стоит прецедентный феномен (по материалам **быть** АТРЯ):

гость →

или не быть², не быть, Гамлет, Шекспир;

масло → *незваный³, татарин, хуже татарина; Каменный,*

мастер *Пушкин; ревизор; варяжский;*

Аннушка;

мать → *и Маргарита, Маргарита⁴, Мастер и Мар-*

гарита, Булгаков, Воланд; Левша;

Родина, Россия, зовет; Горький, Горького,

М. Горький, Максим Горький, Павел, роман;

тяжкие, тяжкие падут, падут, Пушкин.

оковы →

Как же соотносятся между собой такие феномены, как когнитивная база, прецедентные феномены и фрейм-структуры? Как мы уже говорили, прецедентные феномены являются ядерными элементами когнитивной базы. Следовательно, если когнитивная база есть некоторая *система*, то прецедентные феномены — *элементы* этой системы; фрейм-структуры же представляют и формируют *структуру* этой системы, проявляющуюся в функционировании самой системы. Составляющими элементами указанной структуры служат *клише* и *штампы сознания*. *Каноны* и *эталоны* при этом — это те роли, которые феномены

² Самая частотная ассоциация: число реакций — 45. В данном случае я привожу не всю статью из К—1 АТРЯ, но лишь те реакции, которые являются элементами данной фрейм-структуры.

³ Самая частотная ассоциация: число реакций — 76.

⁴ Самые частотные ассоциации: число ассоциаций — 82 и 44 соответственно.

играют при актуализации в дискурсе, те маски, которые они на себя надевают.

Итак, фрейм-структура сознания, являясь фиксацией предсказуемых ассоциативных связей, является той единицей, которая позволяет анализировать и описывать национально-культурную составляющую дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Горохова С. И. Фрейм-подход к описанию процесса порождения речи // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 89—102.

Залевская А. А. Проблематика признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 163—175.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. М., 1998.

Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979. С. 122—144.

Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. *Чернейко Л. О., Долинский В. А.* **Имя СУДЬБА** как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, №6. С. 20—41.

ЛЕКЦИЯ 10

Понятие стереотипа
Понятие стереотипа в контексте современных исследований
Стереотипы vs прецедентные феномены

ПОНЯТИЕ СТЕРЕОТИПА Сегодня мы начинаем разговор о стереотипах. И сразу несколько слов о самом термине.

В научный обиход понятие стереотипа ввел в начале XX в. У. Липпманн. Он объяснял функционирование стереотипа через анализ социально-психологических аспектов деятельности людей и рассматривал стереотип в системе тех факторов, которые вызывают его появление и детерминируют его функционирование.

Сразу следует сказать, что вопрос о стереотипе достаточно сложен, так как сам феномен «стереотип» может рассматриваться (и рассматривается) с разных точек зрения. О стереотипе писали и пишут исследователи, работающие в самых разных областях знания: психологи, социологи, когнитологи, этнографы, лингвисты и этнолингвисты (У. Липпманн, И. С. Кон, Г. Тажфел, Ж. Коллен, Ю. Д. Апресян, Е. Бартминский, В. А. Рыжков, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, С. И. Королев, П. Н. Шихирев, А. В. Михеев, С. М. Толстая, О. Ю. Семендяева, Л. Г. Гусякова, А. К. Байбурун, С. В. Силинский, Г. С. Батыгин и др.). Осознанно сузив круг проблем, связанных с рассматриваемым понятием, мы с Вами остановимся лишь на принципиально важных для нас моментах.

В большинстве работ, так или иначе касающихся феномена стереотипа, последний рассматривается в контексте социального взаимодействия, как некая «модель» действия, поведения. Эта модель связана с определенным (национально) детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации. А данный выбор обуславливается определенным набором потребностей и мотивов. При таком подходе стереотипы рассматриваются как «знаки, которые являются вербальной фиксацией определенным образом *определенных потребностей* данной социальной группы, этноса, национально-культурного ареала», как «фиксированное отражение некоторой *деятельности*, продукты которой выступают в роли предметов, удовлетворяющих *определенным потребностям*». Стереотип интерпретируется как «коммуникативная единица данного этноса, способная посредством актуальной презентации социально санкционированных *потребностей* оказывать побуждающее типизирующее воздействие на сознание личности — социализируемого индивида, формируя в нем соответствующие мотивации» (В. А. Рыжков) (выделено мною. — В. К.). Такого рода феномены было бы более корректно называть, вслед за Ю. Е. Прохоровым, «стереотипами речевого общения» или, еще точнее, стереотипами речевого поведения. Они определяются как «социокультурная маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» (Ю. Е. Прохоров). При таком понимании стереотипа он выступает как «модель», «образец», «канон».

Но мы с Вами договоримся понимать стереотип как явление несколько иного порядка. Для нас стереотип — это некоторое «представление» фрагмента окружающей

действительности, фиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира. И в этом наши взгляды совпадают с мнением процитированных авторов. Однако стереотип как представление может выступать в двух ипостасях: как некоторый сценарий ситуации и как собственно представление, т. е. не только как канон, но и как эталон. В первом случае стереотип является стереотипом поведения. Он аналогичен стереотипу в том понимании, которое я представила раньше. Такой стереотип выполняет *прескриптивную* функцию: он определяет поведение и действия, которые следует осуществлять. Во втором случае стереотип выступает как стереотип-представление. Такой стереотип выполняет *предиктивную* функцию: он определяет то, что следует ожидать в той или иной ситуации. Так, например, стереотип-представление *очереди*, по данным АТРЯ, включает в себя *крик, злобу, агрессию, грубость*, т. е. то, что я могу «ожидать» от очереди. Но это вовсе не значит, что, стоя в очереди, я сама должна вести себя так же. Иными словами, здесь явно расходятся стереотип-представление и стереотип поредения. Итак:

стереотип-представление есть, некоторая структура ментально-дингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа, представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций).

Стереотип, с точки зрения «содержания», есть некий фрагмент картины мира, существующей в сознании. Это

некоторый образ-представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации. Причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место — неважно, в реальной или «виртуальной» действительности—и впоследствии приобретших статус «прецедента», но о предмете или ситуации, так сказать, «вообще». Например, стереотипный образ *учительницы* или стереотип — образ и ситуация — *очереди* или *транспорта*.

Итак, стереотип как феномен имеет две разновидности (см. сх. 14). Первая группа стереотипов представлена *стереотипами поведения*, хранящимися в сознании в виде *штампов* и выступающими в роли *канона*. Они представляют собой инварианты деятельности, определяют коммуникативное (и в том числе — вербальное) поведение в той или иной коммуникативной ситуации. Иначе говоря, они диктуют, *предписывают* определенное *поведение* (выполняют *прескриптивную* функцию). Вторую группу

Схема 14. Классификация стереотипов

стереотипов составляют *стереотипы-представления*, хранящиеся в виде *клише* сознания и функционирующие как *эталоны*. Они также связаны с речевым поведением, его характеризуют и в нем проявляются, т. е. они диктуют, *предсказывают* не столько само поведение, сколько набор *ассоциаций* и определяют языковую *форму*, их выражающую (выполняют *предиктивную* функцию). И поскольку такие стереотипы есть определенное представление о предмете или ситуации, выделяются, соответственно, *стереотип-образ* (форма хранения — клише) и *стереотип-ситуация* (форма хранения — клише, но последнее может актуализироваться в коммуникации и как штамп). Таким образом, мы с Вами разграничиваем: на первом уровне разбиения — стереотип поведения (штамп сознания) и стереотип-представление (клише), на втором уровне — стереотип-ситуацию (клише / штамп) и стереотип-образ (клише).

Стереотипы-ситуации включают в себя и определенное (предсказуемое, ожидаемое) поведение участников коммуникации. Таким образом, можно сказать, что стереотип-ситуация некоторым образом предопределяет стереотип поведения (например, стереотип-ситуация: *транспорт* —> —> *билет*; стереотип поведения: обращение к ближайшему пассажиру «*Пробейте / Прокомпостируйте / Передайте, пожалуйста*» и т. д.). Помимо этого стереотипы-представления сближаются с прецедентными феноменами: стереотипы-образы — с прецедентным именем, а стереотипы-ситуации — с прецедентной ситуацией (подробнее об этом мы поговорим, рассматривая соотношение стереотипов и прецедентных феноменов).

Как и прецедентные феномены, обладая некоторым набором «обязательных», «предсказуемых» векторов ассоциаций, стереотип-представление хранится в сознании в виде фрейм-структуры, гранями которой являются клише/штампы сознания.

ПОНЯТИЕ СТЕРЕОТИПА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ну, а теперь поговорим о понятии стереотипа в контексте современных исследований, соотнеся стереотип с таким понятием, как «концепт». Если исходить из разделяемой многими авторами идеи о том, что стереотипы сознания — это «прежде всего определенное представление о действительности или ее элементе с позиции "наивного", обыденного сознания» (Ю. Е. Прохоров), то окажется, что за любой единицей языка стоит стереотип, стереотипный образ (поскольку, очевидно, что для русского, перса или японца, например, «стол» будет для каждого свой), а вся ассоциативно-вербальная сеть представляет собой не что иное, как «стереотипное поле», репрезентирующее концептосферу того или иного национально-лингво-культурного сообщества. С данным полем неразрывно связаны концепты, бытующие в том или ином языковом сознании. Вот почему для нас оказывается принципиально важным развести такие понятия, как «стереотип» и «концепт».

А. Вежбицкая определяет концепт как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире «Действительность». Это русский язык знает, что *ссора* и *конфликт вспыхивают*, а *угроза нарастает* и *нависает*. Концепт имени охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящем за ним все то, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры (Л. О. Чернейко, В. А. Долинский). По определению «Краткого словаря когнитивных терминов», концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике».

Исследования, проводимые в рамках когнитивной лингвистики, ясно показывают, что концепт тесно связан с ассоциативным пространством (полем) имени, в нем проявляясь. Ассоциативная организация связей в простейшей форме репрезентирует одну из моделей хранения знаний в памяти человека. Она мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании. С каждым узлом семантических сетей в долговременной памяти человека связаны сведения, ассоциативно с ним вместе возбуждаемые. Следовательно, при определении (установлении) места какого-либо понятия из долговременной памяти одновременно «вытаскиваются» все известные сведения и факты, с данным понятием связанные (А. А. Залевская). Остановимся в связи с этим на модели ассоциативной сетевой организации памяти, принадлежащей М. Куильяну (M. R. Quillian). В соответствии с этой моделью семантические сети рассматриваются как иерархически организованная сетка ассоциативно связанных концептов. Таким образом, от стимула **канарейка** через «возбуждение репрезентирующего ее понятия» и в конечном итоге через концепт птицы (так как **канарейка** — птица) мы приходим к единицам перья, клюв, крылья и т. д., «ибо концепт птицы содержит знания об указанных признаках» (Краткий словарь когнитивных терминов, с. 169). Такая точка зрения отличается определенной стройностью, логичностью и внутренней непротиворечивостью. Но я думаю, что подобная картина будет иметь место только в том случае, если я никогда ранее не видела канарейку (ни живую, ни на фотографии или рисунке и т. д.) и никогда раньше ничего о ней не слышала. Иными словами, у меня нет *образа* канарейки, а все, что я имею, — это новая (sic!) информация о том, что канарейка — это птица. Если же это не так и я уже видела канарейку или, по крайней мере, слышала о ней, т. е. если у меня уже сложился определен-

ный *образ* этого предмета (неважно, на основе какой информации — визуальной или какой-либо еще), то стимул **канарейка** вызовет возбуждение данного *образа-представления*, и, следовательно, возможны ассоциации:

канарейка → *желтая* → цвет;
канарейка → *клетка* → свобода;
канарейка → *петь*;
канарейка → *просо*.

Возможно, в этом и заключается одно из различий между концептом и стереотипом как разными объектами исследования. И если мы будем анализировать концепт, то пойдем по пути М. Р. Куильяна, А. М. Коллинза (А. М. Collins) и других исследователей, работающих в рамках данного направления. Но если мы поставим в центр нашего внимания стереотипы, то мы должны будем рассматривать все ту же **канарейку** как единый образ, инвариантную совокупность «обязательных», «предсказуемых» элементов, выделяемых носителями данного ментально-лингвального крмплекса либо как единственно возможное, либо как существенное, релевантные, устойчивые. Не утверждая ничего категорично, позволю себе предложить такой стереотипный образ канарейки, характерный для русского» языкового сознания (как вариант, выявленный на основе пилотажных опросов): *щиденькая желтая птичка в клетке, которая хорошо прет*.

Итак, каждая единица обладает неким набором потенциально возможных «векторов» ассоциаций. Какие именно векторы выбираются представителем того или иного национально-лингво-культурного сообщества, почему именно тот, а не другой, зависит от национально-культурной специфики, за этим стоит «стереотип» (в широком смысле), или — если для нас нерелевантна предсказуемость

определенных ассоциаций — *национальный концепт*, который может быть определен следующим образом:

национальный концепт — самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью.

Это своего рода свернутый глубинный «смысл» предмета (в этом случае это близко нашему пониманию концепта текста, о котором мы с Вами говорили в курсе психолингвистики), он может разворачиваться при возбуждении, активации семантической (в других терминах — и это точнее — ассоциативной) сети.

Концепт, с точки зрения когнитивной лингвистики, есть «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» (Л. О. Чернейко, В. А. Долинский). Как пишет Л. О. Чернейко, «языковое сознание раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь через *несвободную сочетаемость* имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль. Частеречная принадлежность этих слов... свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют характер субстанции, т. е. того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» (выделено мною. —В. К.). *Стереотип* же представляет собой «социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» (Ю. Е. Прохоров). *Концепт* (напри-

мер, *птицы* или *судьбы* — хотя я понимаю, что разные ученые по-разному отнеслись бы к тому, что данные единицы поставлены в один ряд) требует более высокого уровня абстракции, это своего рода «идея», «понятие». *Стереотип* — нечто более «конкретное», это образ-представление, за стереотипом стоит фрейм-структура сознания. *Концепт* проявляется в валентностях, которые могут предопределять «предсказуемые» блоки свободных ассоциаций (см. пример *канарейка*; или: *очередь* — где, какая, за чем и т. д.). В то время как *стереотип* проявляется в конкретных реализациях, которые могут быть представлены предсказуемыми ассоциациями.

И последнее, я предлагаю Вам, дабы избежать путаницы, закрепить за термином «концепт» то понимание, о котором мы с вами говорили на одной из первых лекций. Концепт — это некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные. Например, «воля» может сопровождаться «картинкой» открытого «чистого поля» (хотя здесь, возможно, обратная связь: «чистое поле» обязательно включает «волю» и «свободу»). Но это не есть прототипический визуальный образ «воли» как таковой. Концепт (в виде указанной «идеи») включает в себя определенные коннотации. Подобному пониманию полностью удовлетворяют такие единицы, как *душа*, *грех*, *свобода*, *воля*, *закон* и т. д. Я думаю, что Вы достаточно подробно будете обсуждать эти «ключевые концепты» русской культуры в следующем лекционном курсе, посвященном русскому ментально-лингвальному комплексу в синхронии и диахронии.

Завершая наш разговор о соотношении стереотипа и концепта, попытаемся наглядно и компактно показать разницу между ними. Итак:

концепт	стереотип
1) «идея», «понятие»	1) образ-представление
2) более «широкое» понятие, так как включает в себя «чисто» языковые компоненты (напр., глагольную сочетаемость); проявляется в том числе в свободных ассоциациях, при этом блоки свободных ассоциаций могут относиться к числу предсказуемых;	2) более «ограничен», так как представляет собой ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе «рождения» переживает определенную минимизацию, проявляется в предсказуемых ассоциациях (в этом смысле сближается с прецедентными феноменами);
3) понятие более абстрактного уровня; позволяет вывести архетипы;	3) более «конкретен» (в силу своей образной природы);
4) феномен парадигматического плана;	4) функционален, и в этом смысле более «широк», так как проявляется в коммуникативном поведении как таковом;
5) хранится в форме гештальтов и пропозиций.	5) хранится в виде фрейм-структур.

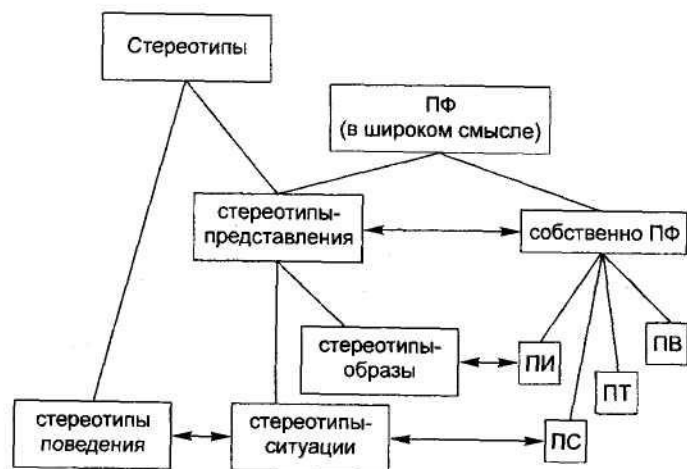
СТЕРЕОТИПЫ vs ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ Далее, раз стереотип есть результат определенной минимизации, раз он «суперфиксированное, суперустойчивое представление» (Ю. Е. Прохоров), то не окажется ли, что между стереотипом и прецедентным феноменом нужно ставить знак равенства? Тем более, что, если вспомнить то широкое понимание прецедентное™, которое прояв-

ляется, например, в определении прецедентного текста по Ю. Н. Караулову, то совершенно правомерным окажется утверждение, что прецедентными феноменами являются вообще все стереотипы, специфичные для того или иного национально-лингво-культурного сообщества, и наоборот, все прецедентные феномены по сути своей — стереотипы. За всеми явлениями такого рода стоят пучки предсказуемых векторов ассоциаций, т. е. фрейм-структуры. Однако мы с Вами все-таки разграничиваем стереотипы и прецедентные феномены (в широком смысле) на собственно прецедентные феномены и собственно стереотипы и среди последних выделяем стереотип-ситуацию и стереотип-образ. На схеме это выглядит следующим образом (см. сх. 15 и 16).

Схема 15. Типы феноменов

Схема 16. Соотношение феноменов

В качестве примеров стереотипов-представлений приведу отмеченные в АТРЯ ассоциации:

стереотипы-образы

пчела -> *труженица* (30) [К—1],

французский -> *грация, изысканные, изящный* (1) [К—3],

баран <- *упрямый* (23),

лимон <- *кислый* (107), *желтый* (24) [К—2];

стереотипы-ситуации

билет -> *компостер* (1) [К—1], *аист* <- *капуста* (2) [К—2]

(во втором случае «центром» стереотипа является «аист»).

Однако наблюдения показывают, что не всегда легко развести стереотип-ситуацию и стереотип-образ, так как, как я уже говорила, стереотип — это особое представление о предмете или ситуации. Соответственно, предмет

может входить в число «обязательных» для определенной ситуации и, наоборот, ситуация может относиться к числу таковых для определенного предмета. Например, **соблезнование** —> *черная рамка, черные платки (I), траур (A)* [К—1] может быть интерпретировано и как стереотип-образ, и как стереотип-ситуация.

Сразу оговорюсь, что ассоциация может «идти» от центра стереотипа к периферии, как в примерах с **пчелой** (так как **пчела** всегда *труженица*) или **французским** (поскольку **француз**, с точки зрения русского менталитета, обладает указанными качествами), или от периферии к центру, как в примере с **бараном** или **лимоном** (поскольку **упрямым** бывает не только *баран*, а **кислым** или **желтым** не только *лимон*). В последнем случае стереотип может «прятаться» за сеткой «свободных» ассоциаций и не всегда «с лета» прочитываться. Например: **талант** —> *Париж; скрипач, скрипка* (1) [К—1]. Совершенно очевидно, что таланты обитают не только в Париже и отнюдь не обязательно играют на скрипке (отметим, кстати, что *скрипка* — это единственный музыкальный инструмент, отмеченный среди 544 реакций на стимул **талант**). Иначе говоря, *Париж* и *скрипка* не входят в стереотип **таланта**. Но если «перевернуть» картинку, то окажется, что Париж — это город, где традиционно собирались творческие (талантливые) личности (вспомним Монмартр, Монпарнас), а для того, чтобы играть на таком инструменте, как скрипка, обязательно наличие особых способностей (таланта). Таким образом, я думаю, что **талант** является «обязательной», «предсказуемой» валентной связью для *Парижа* и *скрипки, скрипача*, т. е. входит в стереотипы данных предметов. Такая же картина наблюдается и в случае с прецедентными феноменами: **талант** —> *Моцарт* (1) [К—1] и **гений** -> *Моцарт* (1) [К—3]. Талантливый, гениальный человек не всегда Моцарт, но вот *Моцарт* —

это безусловно и бесспорно талант и гений (гениальность входит в дифференциальные признаки данного прецедентного имени, поэтому, кстати, *Моцарт* и является одним из эталонов гениальности).

Итак, среди *стереотипов* разграничиваются *стереотипы поведения* и *стереотипы-представления*. Последние — это своего рода «ментальные» картинки мира (*образные* и *ситуационные*), которые влияют на коммуникативное поведение и в нем проявляются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985. С. 150—171.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. М., 1998.

Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кужиковой. М., 1996.

Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.

Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов Куйбышев, 1985. С. 15—21.

Рыжков В. А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М., 1988. С. 4—16.

Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20—41.

Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Lippmann W. Public Opinion. NY: Harcourt, Brace, 1922.

ЛЕКЦИЯ 11

Стереотипы vs прецедентные феномены
(продолжение)

Функционирование стереотипов
Культурное vs когнитивное пространство,
когнитивное пространство vs база

СТЕРЕОТИПЫ vs

Итак, продолжим разго-

немая к рассмотрению различий между прецедентными феноменами и стереотипами. Основные различия заключаются в следующем: 1) форма хранения; 2) «первооснова», то есть к чему «восходят»; 3) в какие когнитивные совокупности входят; 4) каков их характер. Ну а теперь рассмотрим эти различия более подробно.

1) Как мы с Вами уже говорили, все знания и представления хранятся в виде когнитивных структур: лингвистических (ЛКС) и феноменологических (ФКС). Прецедентные феномены могут храниться в виде:

(1) ФКС — инварианты восприятия прецедентного текста и прецедентной ситуации; они всегда могут быть вербализованы, но между ЛКС, которые могут актуализировать прецедентный феномен, и самим ПФ нет жесткой «привязки», т. е. при обращении в коммуникации к инварианту восприятия того или иного текста или ситуации возможно задействование разных ЛКС;

(2) ФКС и ЛКС — прецедентное имя и прецедентное высказывание, т. е. вербальная «оболочка» феномена и инвариант его восприятия: система дифференциальных

признаков имени и совокупность значений-смыслов высказывания;

(3) ЛКС — те феномены, которые описываются как штампы сознания.

При апелляции к какому-либо прецедентному феномену активизироваться могут (1) либо только ЛКС, (2) либо ЛКС и ФКС. Соответственно, в первом случае мы имеем дело со штампом сознания (с собственно штампом или с клише, выступающим в качестве такого), во втором — с клише сознания.

Что касается стереотипов, то они, будучи определенными ментальными «картинками», образами-представлениями, хранятся в сознании в первую очередь в виде феноменологических когнитивных структур. Однако в числе «предсказуемых» валентных связей стереотипа могут быть и «обязательные» речевые формулы, закрепленные в сознании в виде лингвистических когнитивных структур. Иначе говоря, такие речевые формулы (например, *кто последний I Вы последний* в стереотипе *очереди*) могут представлять собой обязательный «атрибут» стереотипа, если и входящий в сам стереотип, то только в его периферию, или находящийся на его границе. Таким образом, стереотип представлен в сознании феноменологическими когнитивными структурами, «окруженными» лингвистическими когнитивными структурами. И в данном случае однозначно утверждать мы можем только то, что стереотип-представление не может быть представлен только ЛКС, и не более того. Следовательно, по сравнению с прецедентными феноменами в целом, стереотипы имеют, так сказать, «более размытый образ». Они хранятся в сознании в первую очередь как клише (подобно прецедентным феноменам) или как штампы (стереотипы поведения). Но данные клише в значительно большей степени (по сравнению с ПФ) тяготеют к функционированию подобно штампам

и, как правило, «сопровождаются», находятся в окружении целого букета штампов сознания (особенно это актуально для стереотипов-ситуаций).

2) Такое положение вещей связано, в частности, и с тем, что одно из основных отличий стереотипа от прецедентного феномена (с точки зрения «первоосновы») состоит в том, что за ПФ стоит некий конкретный, единичный феномен, так сказать, «денотат» (референт). Что касается стереотипов, то в этом случае весьма затруднительно (точнее — невозможно) найти какой-либо конкретный единичный «прецедент», аналогичный тому, с каким мы имеем дело, когда анализируем собственно прецедентные феномены. Иначе говоря, за стереотипом стоит абстрактный, собирательный образ (сам термин «стерео-тип» предполагает такую множественность).

3) Прецедентные феномены (как минимум в виде инвариантов их восприятия) входят в когнитивную базу, в то время как стереотипы в массе своей не являются элементами таковой, так как могут различаться от региона к региону (сравните стереотип *транспорт* в Москве и в какой-нибудь глухой деревне). Таким образом, можно сказать, что стереотипы являются репрезентантами русского культурного пространства.

4) Далее, прецедентные феномены, входящие в национальную когнитивную базу, могут носить как национальный, так и (гипотетически) универсальный характер (например, многое из того, что связано с Библией, без условно, выходит за рамки не только национального сообщества, но, вполне возможно, и конфессионального христианского социума). При этом к числу «универсалий» может принадлежать: (1) сам прецедентный феномен, (2) фрейм-структура и, следовательно, векторы ассоциаций; при этом слоты, выделяемые в том или ином феномене в разных сообществах-этносомах, могут не быть

«фокальными точками» (по Ю. А. Шрейдеру), (3) коннотации. Обратившись к уже упомянутому нами, едва ли не самому прецедентному тексту — Библии, можно без особого труда найти примеры такого рода: *30 сребреников — Иуда — предательство — Последняя Вечеря — поцелуй предателя* и т. д.; *Понтий Пилат — умывать руки* и др. Для того, чтобы обнаружить различия в (2) и (3), необходимы дополнительные сопоставительные исследования. Сегодня же мы можем апеллировать только к «отрицательно-му» материалу, который мы наблюдаем при общении с иностранцами, когда иностранные собеседники совсем не понимают или не до конца понимают русский текст, делают «неправильные», с точки зрения русского, выводы, приводят «некорректные», на русский взгляд, примеры или сравнения и т. п.

Стереотипы же всегда национальны. Правда, в ряде случаев можно найти аналоги в различных культурах. Однако при столкновении с такими «квазиуниверсалиями» необходимо проявлять особую осторожность: чаще мы имеем дело с феноменами конгруэнтными, но не тождественными, т. е. совпадая в целом или в основном, феномены могут различаться нюансами, деталями, имеющими подчас принципиальное значение. Например, феномен и ситуация *очереди* в разных культурах различны, следовательно, и образ-представление, и поведение в очереди будут различны. Так, в России принято, как правило, спрашивать «*Кто последний? I Вы последний?*» (данный стереотип, кстати, зафиксирован в виде ассоциаций в АТРЯ) или просто вставать в очередь. В ряде же европейских стран в «присутственных местах» (на почте, вокзале и т. д.) принято подойти к специальному аппарату и оторвать квиток с номером, а после этого просто следить за цифрами, загорающимися над окошками. Такие ситуации так или

иначе, осознанно или интуитивно выделяются теми, кто работает с иностранцами, и, если вспомнить учебники иностранных языков, то тематические блоки именно такие стереотипные ситуации и отражают (хотя, безусловно, в реальности таких ситуаций несоразмерно больше, чем это может быть представлено в каком бы то ни было учебнике). Помимо ситуаций, как мы говорили, к стереотипам принадлежат и определенные образы, которые всегда ярко национально маркированы. В качестве примеров упомяну лишь многочисленные стереотипы животных (и отсюда стереотипные сравнения, типа: *трудолюбив, как муравей I пчела, хитер, как лиса* и др.) или «национальные» стереотипы (типа *любезный, любвеобильный, изысканный, как француз, пунктуальный, как немец, чопорный, как англичанин* и т. п.). Интересным представляется следующий пример: мне пришлось столкнуться с острой негативной реакцией русских людей среднего и старшего возраста на новую военную форму, введенную в 1995 году к 50-летию Победы, вернее — на новые фуражки офицеров российской армии. Насколько я могу судить, эта реакция была вызвана высокой верхней частью головного убора, которая у многих русских ассоциируется с немецкой военной формой времен фашистской Германии (кстати, это получило подтверждение коллег старшего поколения при обсуждении моего доклада на Ломоносовских чтениях на филологическом факультете МГУ в 1997 г.). В данном случае, на мой взгляд, имеет место сложный комплекс феноменов: образ «война» (стереотипный образ), знания и представления о Великой отечественной (прецедентный феномен), образ «военный» (стереотипный образ), образ «военнослужащий немецкой фашистской армии времен II мировой войны» (стереотипный образ на основе прецедентного феномена-ситуации; кстати, по дан-

ным АТРЯ, стимул **немецкий** вызвал реакции *фашист, фронт*¹).

Итак, стереотип — это некое минимизированное и национально-детерминированное представление о предмете (стереотип-образ) или ситуации (стереотип-ситуация). Следовательно, основными элементами стереотипного образа будут атрибуты (в самом широком смысле), а ситуации — действия или предметы, на которые данные действия могут быть направлены. Так, «учительница» может быть *доброй* (22) и *злой* (3), *хорошенькой* (1) и *мысрой* (2) (по данным АТРЯ), но есть некие предметы-атрибуты, устойчиво связываемые с образом учительницы / учителя: *указка, очки, журнал* (подтверждено дополнительными вопросами).

Если говорить о стереотипной ситуации, наглядным примером могут служить, пожалуй, следующие ассоциации: **билет** -> *счастливый*, **билет** -> *съесть*. Для представителя русского национально-лингво-культурного сообщества данная ситуация, думается, ясна и не требует каких-либо комментариев и объяснений. А вот иностранцу придется, очевидно, объяснять, что существуют «*счастливые*» билеты и, если такой билет *съесть*, то вполне можно рассчитывать на удачу или на «счастье».

¹ Следует отметить, что данные реакции вызвали у меня некоторое удивление в силу возраста информантов, которым эти реакции принадлежали (в среднем — около 20 лет), и в то же время они показались абсолютно естественными представителям старшего поколения: тем, кто воевал или помнит военные годы по детским воспоминаниям. Так, при обсуждении доклада имело место некоторое взаимное «удивление» и «непонимание» разных поколений: выражение легкого недоумения по поводу данных реакций вызвало не меньшее, а скорее даже большее удивление старших коллег; естественная, первая, очень эмоциональная реакция коллег выражалась приблизительно так: «Почему? Как же Вы не понимаете? Почему Вы не понимаете? Это нормальная реакция! Конечно!» и т. д.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И вот теперь, будучи подготовленными с точки зрения теории, мы можем поговорить о конкретных различиях в стереотипах, бытующих в разных культурах. Сегодня мы только начнем разговор, который завершится в конце курса теории и практики межкультурной коммуникации.

О некоторых стереотипах поведения, актуальных для конкретного акта коммуникации и потенциально «опасных» для межкультурного общения в силу определенных различий, мы поговорим чуть позже. А сейчас обратим внимание на некоторые другие аспекты коммуникации, имеющие не меньшее значение для ее успешного протекания.

Особый разговор — темы бесед: о чем можно, а о чем нельзя говорить с представителями других культур. Так, с французами лучше не говорить о Второй мировой войне и особенно об оккупации, а с испанцами не обсуждать их гражданскую войну (Н. Япп, М. Сиретт, Д. Лоней). В то же время в Австралии, как пишет К. Хант, «в общем, нет запретных тем для разговора. Ничего вроде — "только не про войну". О религии и политике поспорить можно всегда, так что Вы запросто можете начинать разговор с них. Но только дурак спросит у незнакомого оззи², сколько тот зарабатывает, или заведет разговор о расовых отношениях». В целом вопрос о зарплате не относится к числу особо приветствуемых и в разговоре с американцами или европейцами. И, конечно, в наши дни надо постоянно помнить о «политической корректности»: ни в коем случае не высказывать критических замечаний в адрес других народов, особенно отличающихся цветом кожи, не выражать недоумение, непонимание или — не дай Бог! — несогласие с «борьбой за равные права» (не важно кого: женщин,

² Оззи — Aussies, неофициальное самоназвание австралийцев.

детей, сексменьшинств, домашних и диких животных или растений).

Значительно различает культуры и отношение ко времени. Пунктуальностью по-прежнему могут похвастаться в основном представители центральной и северной Европы или Японии. Там даже автобусы ходят минуту в минуту строго по расписанию, в соответствии с которым интервал между автобусами может не превышать 2—3 минут. Честно говоря, русского человека это сначала пугает, а потом начинает раздражать (чему я неоднократно бывала свидетельницей в той же Швеции). Для японцев также «пунктуальность и постоянство имеют очень большое значение. Если написано, что магазин открывается в 7.00 утра, он откроется ровно в семь, даже если случится забастовка железнодорожников или тайфун» (Сахоко Кадзи, Торико Хама, Джонатан Райе).

В целом русские значительно отстают от «пунктуальных» народов в своей точности, но превосходят южных европейцев, латиноамериканцев и, например, индийцев. По степени допустимого, «разрешенного» опоздания мы сближаемся с итальянцами, у которых 15-минутное опоздание не считается большим грехом, а вот появление на полчаса позже намеченного времени — это уже серьезный повод для недовольства (М. Солли). Испанцы могут опаздывать на значительно больший срок или вообще не являться на встречу, причем это вовсе не считается у них дурным тоном и, как правило, никак не связано с желанием оскорбить партнера. У испанцев вообще одно из любимых слов — *mañana*, что значит «завтра». Но, как пишет Дрю Лоней, много лет проживший в Испании и нежно любящий эту страну, «маньяна» (обычно сопровождается пожиманием плечами), может означать «завтра» или «как-нибудь завтра», или «послезавтра», или «после-послезавтра», или «на следующей неделе», или «через неде-

лю», или «в следующем месяце», или «может, в следующем месяце», или «в следующем году», или «может, в следующем году», или «позже», «как-нибудь», «никогда» или «ни за что». Чтобы как-то называть обычные для латиноамериканцев опоздания существует даже специальное выражение *hora latina* («латинский час»), никакого отношения к самому часу как таковому (в смысле 60 минут) не имеющему. Х. Марин исследовал объяснения причин опоздания в Чили и США и выяснил, что для чилийцев трудно быть пунктуальными, а виной тому — внешние причины (т. е. они вроде как и не очень виноваты). А вот американцы считают, что пунктуальность объясняется внутренними причинами, время можно и нужно планировать, а события «выстраивать по расписанию». Кстати, у американцев есть понятие «нью-йоркская минута», поскольку в Нью-Йорке, по свидетельству С. Фол, «все движется быстрее, даже время. Поэтому в нью-йоркской минуте не 60 секунд, а гораздо меньше, по сути, всего одна». Правда, это не спасает американцев от опозданий. С. Фол сравнивает их с Кроликом из «Алисы в стране чудес», так как они «вечно суетятся и поглядывают на часы, чтобы не опоздать. И, конечно, опаздывают, еще как». Однако непунктуальность, безусловно, не входит в число американских добродетелей и зачастую порицается. И один случай из моей личной практики. Как-то мне пришлось столкнуться с многочасовым опозданием индийского профессора, которое вызвало полное крушение планов и поставило меня в весьма неловкое положение перед другими людьми, но которое было воспринято самим индийцем как абсолютно нормальное (более того, он даже выразил неодобрение и обиду, почему это его не дождалась?).

Что касается поведения представителей разных культур в общественных местах — то это тоже тема для отдельного разговора. Приведу только несколько примеров.

По свидетельству уже упоминавшегося Дрю Лоней, «если испанец и захочет кому-то "показаться", то просто начнет шуметь, предпочтительнее вечером или ночью, дабы все знали, что он жив». Однажды в Испании я наблюдала сцену, полностью подтверждающую этот тезис. На втором этаже отеля проживала многочисленная испанская семья. К ним «в гости» пришел их приятель. Но он предпочел не подниматься к ним в номер, а вести дружескую беседу на улице, восседая, удобно расположившись, на специально (!) принесенном для этого стуле. Его собеседники в это время находились на своем балконе. Пребывая в такой диспозиции, они непринужденно и весело болтали. Естественно, что за этим разговором могла следить вся гостиница. И все было бы ничего, только вот визит пришелся как раз на два часа ночи. А если учесть, что по-испански не говорят, по-испански кричат (Лоней), то становится понятным легкое неудовольствие остальных обитателей отеля. Кстати, самих испанцев такое отношение просто возмутило; не дают людям спокойно пообщаться. Впрочем, что еще можно ожидать от этих «эстранхерос», которые в чудную летнюю ночь почему-то надумали спать! Поведение в очереди тоже может радикально различаться: от строгой «линии», в которой «очередники» стоят минимум в полуметре друг от друга (у англичан или шведов) до полного хаоса и «сумбура вместо музыки» (у тех же испанцев, например; а итальянца, по свидетельству М. Солли, при одной мысли, что надо становиться в очередь, разбирает смех). Не говоря уже о том, что во многих странах существуют специальные аппараты, выдающие номерок, который позволяет вообще не стоять, а спокойно дожидаться своей очереди, сидя где-нибудь неподалеку. Эта система прекрасно работает в Германии или, например, Швеции, поскольку полностью отвечает представлению об идеальном порядке. У итальянцев же это под-

час превращается в подобие игры: надо приехать в кассу (!) загодя, скупить все билеты, а потом по баснословной цене перепродать их тем, кто не успел до закрытия кассы (М. Солли).

В местах отдыха представители разных культур тоже ведут себя по-разному. Немцы предпочитают оккупировать пляж раньше всех (во сколько бы Вы ни появились на пляже, немцы уже будут там). При этом они покрывают пляж замками из песка и ставят их так близко друг к другу, что между ними не то, что расположиться, пройти подчас бывает невозможно (Ш. Зайдениц, Б. Баркоу). Итальянцы всегда образуют многочисленную и удивительно шумную компанию. При этом если другая итальянская компания расположится в некотором отдалении от них, то они могут прекрасно общаться со своими соотечественниками, не меняя своего местоположения в пространстве. Нидерландцы предпочитают «одиночество» даже в абсолютно шумном и многолюдном месте. Однажды я наблюдала за одной такой семьей: мама, папа и их сын-подросток за несколько часов обменялись всего парой коротких фраз, явно наслаждаясь погруженностью в себя. Шведы рассказывали мне как анекдот следующую историю, но я охотно верю, что это могло произойти и на самом деле. На пустынном берегу озера расположилось шведское семейство, предвкушая спокойный отдых на лоне природы. Вдруг на другом конце большого пляжа показалась другая семья, «коварно» собирающаяся провести день на берегу того же озера. Реакция шведов: «Ну, вот и здесь толпа! Нигде покоя нет!»

Французы, прежде чем выбрать место для отдыха, будут долго обсуждать достоинства и недостатки определенного пятачка земли, выдвигать разные аргументы, приводить различные доводы «за» и «против». Когда тема будет исчерпана, она вовсе не будет закрыта, ибо французы

переместятся на несколько десятков метров в сторону и продолжат приятную беседу на ту же тему, но уже по поводу другого фрагмента ландшафта. И так может длиться достаточно долго. И виной всему — их непреодолимое стремление к совершенству. Когда же место, наконец, выбрано, это вовсе не означает, что француз впадает в прострацию и перестает замечать окружающее. Как пишут Н. Япп и М. Соретт, «представьте себе пляж под Биаррицем; на чистеньком песочке, подстелив под себя хорошенькие купальные полотенца, лежат и загорают восемь французов. К ним подходит девятый. Все восемь встают ижимают ему руку или дружески обнимают его. Затем все девять снова ложатся на песок. И тут появляется десятый. Девять человек тут же вскакивают, чтобы его приветствовать, и этот кошмар продолжается до тех пор, пока пляжная компания не разрастается до двадцати трех человек. Естественно, эти двадцать три француза вряд ли оказались способны хоть сколько-нибудь загореть».

Примеры такого рода можно было бы множить и множить, но, пожалуй, сегодня я на этом остановлюсь и перейду к очень краткой демонстрации того, как проявляются в разных культурах стереотипы-представления. Кстати, итальянский стереотип той же *очереди*, будет абсолютно непохож на свой шведский «аналог», а представление об идеальном отдыхе на природе будет радикально различаться у итальянцев, шведов, французов и немцев.

Крайне интересны зооморфные метафоры и стереотипы. Пилотажное исследование, проведенное И. В. Захаренко и И. Н. Брилевой, показало, что набор «семантических примитивов», из которых складывается тот или иной зооморфный стереотипный образ, приблизительно одинаков в разных культурах (от немецкой до японской, от шведской до испанской). Но вот национально-культурные «конфигурации» будут разными, т. е. как существенные

выделяются и выдвигаются на первый план разные «семы». Остальные же либо отодвигаются на периферию (т. е. имеются в самом образе, но практически не актуализируются в дискурсе), либо вообще игнорируются как несущественные (т. е. признается наличие некоторого качества, но оно не входит в сам стереотипный образ). Более подробно познакомиться с результатами этих исследований можно в работах указанных авторов, а я приведу Вам один пример, услышанный мною из уст корейского стажера: «*Жена должна быть как лиса, а муж — как медведь*». Вы представляете себе эту парочку? А все очень просто: жена должна быть умной, гибкой в общении и хитрой (чем не наша лиса?), а медведь, соответственно, сильным (разве наш медведь лишен этого качества?). Вся проблема в том, что русская лиса — это в первую очередь эталон хитрости (которая, кстати, воспринимается русскими далеко не как однозначно положительное качество), а медведь для нас в первую очередь неуклюж, а потом уже все остальное.

То же самое справедливо и по отношению к «национальным» («этническим») стереотипам. Так, француз для немцев — эталон жадности, а для итальянцев — спеси и снобизма. А для русских? А для нас француз — эталон галантности. Смотрите: «*Варя вспыхнула и метнула на ирландца сердитый взгляд, но Маклафлин лишь добродушно расхохотался. Зато д'Эвре повел себя, как подобает истинному французу. — спешился и поклонился*» [Б. Акунин. Турецкий гамбит]. Правда ведь, истинный француз так и сделает? Ведь именно этого мы ждем от представителя этой культуры!

Немец для нас — пример пунктуальности, итальянец — шумливости, крикливости и вокального мастерства, англичанин — чопорности. И не важно, что Ваши знакомые немцы могут постоянно опаздывать на встречи (это они «обрусели», скажем мы), что Ваш друг-итальянец тих и

задумчив и совсем не умеет петь, а приятели-англичане поразили Вас своей неумностью во время последнего футбольного матча. Все равно в речи Вы никогда не назовете спортивного фаната истинным англичанином, вечно опаздывающего человека немцем, а романтически настроенного юного философа настоящим итальянцем.

А представление о красоте! Вот фрагмент из романа Б. Акунина «Смерть Ахиллеса»:

Эраст Петрович, вздохнув, приоткрыл дверь и заглянул в щель. У стола, сложив руки на коленях, сидела золото-волосая девушка в траурном платье и широкополой шляпе с черной вуалью. Было видно опущенные длинные ресницы, тонкий нос с легкой горбинкой, точеный овал лица. Услышав скрип, незнакомка подняла глаза, и Фандорин замер — до того они были прекрасны. Инстинктивно отпрянув от двери, коллежский асессор прошипел:

— Маса, ты же говорил, немолодая. Ей не больше двадцати пяти!

— Европейские женщины так старо выглядят, — покачал головой Маса. — Да и потом, господин, разве двадцать пять лет — это молодая?

— Ты говорил, некрасивая!

— Некрасивая и есть, бедняжка. Желтые волосы, большой нос и водянистые глаза — совсем, как ваши, господин.

— Ну да, — прошептал уязвленный Эраст Петрович, — ты один у нас красавец.

Пожалуй, у нас нет оснований не доверять в данном случае автору, который, помимо написания романов, известен еще и тем, что является специалистом в области японского языка и культуры (а Маса как раз и есть японец).

А вот еще одно наблюдение. Речь идет уже о корейском представлении о красоте. Этот пример я нашла в статье Татьяны Габрусенко «Юг Чосона» («Путешествие вокруг света», май 2001). Итак:

Как-то смотрели мы с подругами телевизор. На экране появился кореец, который показался мне очень привлекательным: крепкого сложения, широкоплечий, мускулистый, со смуглым румянцем во всю щеку (у корейцев румяное лицо можно увидеть довольно редко), с белозубой улыбкой — в общем, воплощение мужественности и здоровья. Я поделилась своими положительными эмоциями с кореянками, и те буквально покатились со смеху. Оказалось, что с их точки зрения — это чуть ли не урод, ибо у него широкое лицо и недостаточно выступающий нос, некрасивые уши, узкие глаза и слишком смуглая кожа. Что же касается восхитившего меня румянца, то для них эта деталь была безусловным минусом, ибо румянец придавал нашему герою «излишне деревенский вид». Главный же порок, по мнению женщин, заключался в том, что он был недостаточно «лонг-тари», то есть не длинноногий (популярный термин: смесь английского «лонг» — длинный и корейского «тари» — ноги). [...] Я-то судила о внешности по общему впечатлению, не вдаваясь в подробный анатомический разбор. Кореянки же смотрели только на детали. Подобный подход к внешности для корейцев очень характерен.

В этом примере есть, на мой взгляд, две принципиально важные для нас вещи: во-первых, сам эталон красоты (хоть и имплицитно представленный), а во-вторых, тот алгоритм, по которому воспринимается и оценивается внешность в корейской культуре.

Еще раз повторю, что таких примеров можно привести множество. Разговор о различиях культур и потенциальных коммуникативных неудачах Вы продолжите в курсе, посвященном теории и практике межкультурной коммуникации. Мне же было важно, во-первых, представить определенную систему феноменов, которые обуславливают национально-культурную специфику дискурса, во-вторых, дать Вам инструментарий и показать возможные пути анализа и решения потенциальных проблем, а в-третьих, показать Вам вершину этого айсберга на некоторых, очень немногочисленных примерах.

О национально-культурной составляющей дискурса мы с Вами продолжим разговор и на следующих лекциях, когда перейдем непосредственно к обсуждению национально-культурной специфики построения дискурса, фиксации культуры в языке и анализу собственно языкового материала. А пока завершим наш разговор о прецедентных феноменах, стереотипах и фрейм-структурах и остановимся на соотношении таких феноменов, как культурное и когнитивное пространство, когнитивное пространство и когнитивная база.

КУЛЬТУРНОЕ vs КОГНИТИВНОЕ Но сначала объясню, что ПРОСТРАНСТВО,

ПРОСТРАНСТВО понимается под культур- пространством. Национальное культурное пространство — это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Оно выступает как форма существования культуры в сознании человека. Национальное (в нашем случае — русское) культурное пространство «включает в себя все существующие и потен-

циально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества» (Д. Б. Гудков, В. В. Красных).

Иначе говоря, русское культурное пространство — это совокупность *всех* индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку «ядром» всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который «скрепляет» все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, когнитивная база является «ядром» и культурного пространства. Русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку русское культурное пространство — это *все* многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объема», но через «качественное редуцирование, через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом — одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

По сути, в индивидуальном и коллективном когнитивных пространствах, когнитивной базе и русском культурном пространстве хранятся феномены, так сказать, «разно-порядковые»: в КБ входят феномены национально-прецедентные, т. е. национально-детерминированные, минимизированные. Например, в когнитивную базу вербализуе-

Еще раз повторю, что таких примеров можно привести множество. Разговор о различиях культур и потенциальных коммуникативных неудачах Вы продолжите в курсе, посвященном теории и практике межкультурной коммуникации. Мне же было важно, во-первых, представить определенную систему феноменов, которые обуславливают национально-культурную специфику дискурса, во-вторых, дать Вам инструментарий и показать возможные пути анализа и решения потенциальных проблем, а в-третьих, показать Вам вершину этого айсберга на некоторых, очень немногочисленных примерах.

О национально-культурной составляющей дискурса мы с Вами продолжим разговор и на следующих лекциях, когда перейдем непосредственно к обсуждению национально-культурной специфики построения дискурса, фиксации культуры в языке и анализу собственно языкового материала. А пока завершим наш разговор о прецедентных феноменах, стереотипах и фрейм-структурах и остановимся на соотношении таких феноменов, как культурное и когнитивное пространство, когнитивное пространство и когнитивная база.

КУЛЬТУРНОЕ vs КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПРОСТРАНСТВО vs БАЗА Но сначала объясню, что понимается под культурным пространством. Национальное культурное пространство — это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Оно выступает как форма существования культуры в сознании человека. Национальное (в нашем случае — русское) культурное пространство «включает в себя все существующие и потен-

циально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества» (Д. Б. Гудков, В. В. Красных).

Иначе говоря, русское культурное пространство — это совокупность *всех* индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку «ядром» всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который «скрепляет» все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, когнитивная база является «ядром» и культурного пространства. Русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе/дальше; больше /меньше), поскольку русское культурное пространство — это *все* многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объема», но через «качественное редуцирование, через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом — одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

По сути, в индивидуальном и коллективном когнитивных пространствах, когнитивной базе и русском культурном пространстве хранятся феномены, так сказать, «разнопорядковые»: в КБ входят феномены национально-прецедентные, т. е. национально-детерминированные, минимизированные. Например, в когнитивную базу вербализуе-

мые прецедентные феномены (прецедентный текст и прецедентная ситуация) входят в виде национально-детерминированных, минимизированных инвариантов восприятия, в то время как в когнитивных пространствах (индивидуальном и коллективном) могут (и должны) наличествовать не только указанные инварианты восприятия (как часть когнитивной базы), но и индивидуальные и коллективные инварианты восприятия, а также знание самого ПТ, самой ПС, а также определенные знания и представления о них. Такая же картина имеет место, и когда мы рассматриваем прецедентное имя: в когнитивную базу входит само имя, а также набор его дифференциальных признаков и атрибутов. В индивидуальное же и коллективное когнитивные пространства могут входить, помимо указанного, сведения «дополнительные», не являющиеся необходимо обязательными для всех представителей национально-лингво-культурного сообщества.

В русское культурное пространство, помимо *всех* указанных знаний и представлений (поскольку оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества), входят также и стереотипы (стереотипы поведения и стереотипы представления).

Покажу это на конкретном примере, а для этого вернемся еще раз к прецедентному имени *Иван Сусанин*. В дифференциальные признаки этого феномена входит прецедентная ситуация, которая определяется информантами-респондентами как *тупиковая ситуация**; инвариант восприятия данной ПС может быть описан следующим образом: *некто вызвался быть проводником и в результате завел тех, кто ему доверился, в (незнакомое) место, из ко-*

¹ Формулировка одного из ответов.

того нет выхода или выход затруднен. Атрибутами данного ПИ (*Иван Сусанин*) будут, очевидно, тулуп, борода, лапти и прочие детали, характерные для стереотипного образа русского мужика (иллюстрацией такого легко и однозначно прочитываемого русскими прецедентного феномена, как *Иван Сусанин*, может служить, например, уже упомянутая нами пародия в одном из выпусков «Городка»).

Дифференциальные признаки и определенные атрибуты являют собой тот «обязательный» минимум, который скрывается за именем (в нашем случае — *Иван Сусанин*) и входит в русскую когнитивную базу. «Дополнительными» сведениями, которые могут быть фрагментами индивидуального или коллективного когнитивного пространства, являются, например, такие: где именно, когда именно, что именно произошло; имена конкретных участников исторического события; общая историческая и социально-политическая обстановка того времени. Более того, в индивидуальное и коллективное когнитивные пространства могут входить знания и представления о различных произведениях (научных, научно-популярных, публицистических, художественных, литературных, музыкальных и т. п.), посвященных данному историческому лицу или событию в целом и т. д. В русское культурное пространство при этом будут входить *все* элементы когнитивной базы и *все* составляющие *всех* когнитивных пространств-

[Сак мы с Вами видели, индивидуальное когнитивное пространство, коллективное когнитивное пространство и когнитивная база отличаются, так сказать, «полнотой охвата»: внутренним наполнением и внешним масштабом. *Внешний масштаб* — число языковых личностей, для которых когнитивная совокупность является общей. При этом когнитивная база не всегда однозначно шире коллективного когнитивного пространства, так как последнее

может охватывать представителей нескольких различных национально-лингво-культурных сообществ, например, конфессиональные социумы христиан или мусульман, профессиональные социумы и т. д. *Внутренний масштаб* — «охват» совокупности знаний и представлений как таковой, ее наполнение. При этом можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что когнитивная база в любом случае меньше индивидуального когнитивного пространства, так как, с одной стороны, в когнитивную базу входят не все культурные феномены, а только инварианты восприятия оных, сама же когнитивная база есть необходимо обязательный минимум знаний, совокупность национально-детерминированных и минимизированных представлений. Она представляет собой общую часть, зону пересечения совокупностей знаний и представлений всех входящих в то или иное национально-лингво-культурное сообщество. С другой стороны, индивидуальное когнитивное пространство обязательно включает в себя не только элементы когнитивной базы, но и элементы коллективных когнитивных пространств, а также индивидуальные знания и представления самой личности, которые не всегда совпадают с коллективными (социумными или национальными).

Русское культурное пространство в силу своей природы по *внешнему масштабу* соотносится с когнитивной базой, поскольку оно и есть определенная «увеличенная проекция» последней. Оно представляет собой совокупность всех когнитивных пространств, ядром которой является когнитивная база, и, будучи *русским* культурным пространством, оно, естественно, представляет собой форму существования культуры в сознании представителей русского национально-лингво-культурного сообщества. По *внутреннему масштабу* русское культурное пространство, будучи *пространством*, соотносимо с когнитивны-

ми пространствами же (индивидуальным и коллективным), т. е. оно включает в себя не только необходимо обязательные знания и минимизированные представления-инварианты восприятия прецедентных феноменов, являющиеся элементами когнитивной базы, но и все элементы всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей русского национально-лингво-культурного сообщества.

И еще одно замечание. Существует еще одно отличие русского культурного пространства от когнитивной базы: КБ, как мы помним, имеет в первую очередь горизонтальную структуру, т. е. имеет центр и периферию, а культурное пространство имеет и вертикальную структуру, т. е. имеет глубину. К глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. Очевидно, данные оппозиции как таковые носят универсальный характер, но их конкретные проявления и удельный вес в каждой конкретной культуре, безусловно, являются национально-культурно маркированными. К числу таких базовых оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции «верх — низ», «далеко — близко», «хорошо — плохо», «много — мало», «свой — чужой».

Итак, в прошедших лекциях я представила Вам основные лингво-когнитивные феномены, которые определяют национальную специфику языкового сознания и ею же обуславливаются и которые оказывают определенное (и значительное — sic!) влияние на коммуникацию, придавая ей национальную маркированность и специфичность.

Однако национально-культурная специфика определяется не только рассмотренными феноменами. А чем еще — мы поговорим с Вами на следующих лекциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124—133.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. М., 1998.

Серия «Внимание: иностранцы!» М., 1999—2000.

Marin G. Attributions for Tardiness among Chilean and United States students // *Journal of Social Psychology*. 1987. Vol. 127 (1). P. 69—75.

Watson O. M. Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. The Hague-Paris, 1970.

ЛЕКЦИЯ 12

Национально-культурная специфика построения дискурса

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА Национально-культурная специфика построения дискурса непосредственно связана с этнопсихолингвистической детерминацией речевой деятельности, языкового сознания и общения. К рассмотрению этого мы сейчас с Вами и переходим.

И здесь прежде всего следует иметь в виду «возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанную с особенностями языка» (А. А. Леонтьев). Так, при порождении высказывания вьетнамцы пользуются линейным принципом («счетом» синтаксических позиций) (Нгуен Дыке Уи). У русских при порождении идет постоянный «возврат» назад: наши местоимения, прилагательные, порядковые числительные должны согласовываться в роде, числе и падеже с существительным, которое они определяют и которое чаще занимает во фразе более правую позицию. А само существительное при этом зависит от глагола, стоящего еще правее. Английский язык славится своим строгим порядком слов (субъект — предикат — объект), нарушить который может только особая эмфаза в особом дискурсе в особом контексте в особой ситуации. Не менее жестко обстоит дело с порядком слов в немецком и скандинавских

языках, предполагающих инверсию только при определенных контекстуально-грамматических условиях (в прямом вопросе или при начальной позиции в предложении не субъекта, а любого другого члена предложения). Соответственно, все высказывания порождаются по определенно заданной схеме. В русском же языке, как считается, порядок слов свободный. Но это — великий и очень опасный миф, который сбил с толку не одного иностранца. У нас порядок слов отражает, например, актуальное членение (тема-рематическое строение) высказывания и выражает, таким образом, категорию определенности/неопределенности, а кроме того, может свидетельствовать и о принадлежности текста тому или иному регистру. Сравните: *«В комнату вошел человек»*, *«Человек вошел в комнату»*, *«Вошел человек в комнату»*. Разве это одно и то же? Вот Вам и свободный порядок слов! Понятно, почему многие иностранцы считают русский язык «издевательством над их мозгами» и отказывают ему в логике. Но логика-то у нас есть (и еще какая!), но она «своя», отличная от того, к чему привыкли носители других языков.

Кроме этого, следует иметь в виду потенциальную возможность различных стратегий построения текста и дискурса.

Вы знаете, как определить, кто такой зануда? Одна из множества возможных дефиниций гласит: зануда -^ это человек, который на вопрос «Как живешь?», начинает рассказывать, как он живет. А теперь внимание! В разговоре с немцем «на вежливое "Как поживаете?"» желательно отвечать обстоятельно, не упуская ни одной детали, подробно рассказывать о состоянии Вашего организма в целом и каждого его органа в отдельности, не пропустив ни одной мелочи. Если Вы не хотите все это въе слушивать, не задавайте таких вопросов» (Ш. Зайдениц, Б. Баркоу).

А вот как описывают типичную японскую ситуацию Сахоко Кадзи, Торико Хама и Джонатан Райе:

Однажды в жаркий летний день японский папаша вышел прогуляться со своими чадами. Он поинтересовался у продавца мороженого, из чего сделано «Супа-куруму» — супер-мороженое, изображенное на его фургончике. Продавец подробнейшим образом описал ингредиенты: ванилин, клубничное мороженое и фиштакши, глазированные медом и шоколадом. Клиент не устоял перед соблазном. «Две порции, пожалуйста», — попросил он. «Прошу прощения, — отвечивал продавец, — но сегодня у нас вообще нет «Супа-куруму».» В Европе продавец однозначно истолковал бы вопрос отца семейства как намерение купить этот товар и сразу сказал бы: «Простите, сэр, но у нас сегодня нет этого мороженого», — не пускаясь в подробные описания. Японец же, не желая потерять лицо и оконфузить потенциального клиента, избирает окольный путь. Он описывает продукт в надежде, что покупатель раздумает приобрести его, и тогда ему не придется признавать факт отсутствия мороженого. Он, конечно же, понимает истинный смысл вопроса, однако предпочитает дать точный ответ на конкретный вопрос. И такое происходит в Японии сплошь и рядом. Там всегда будет сделано все возможное, чтобы избежать или, по крайней мере, отсрочить потенциальную неловкую ситуацию.

Очевидно, этим же объясняется и следующий пример. Хотя не только. Но сначала небольшое отступление.

В японском сознании одно понятие незаметно перетекает в другое. Слишком четкие определения — источник потенциального риска разойтись во мнениях.

В Японии не любят прямых вопросов так же, как и прямых ответов. Крайне редко японец скажет Вам четкое «да» или четкое «нет». Нормальной реакцией будет скорее «*Ма*» или «*Ма-ма*», что в переводе означает что-то вроде «*Ну-у, как бы это сказать...*», «*Пожалуй, что да...*» или «*Более или менее*». Нет способа сказать четко «да» или «нет» — по крайней мере так, как эти слова понимаются на Западе. «*Хай*» чаще всего переводят как «да», однако на самом деле оно означает: «*Я слышал Вас и понял Вас, и теперь думаю, что ответить*». Иностранцы зачастую принимают «хай» за согласие, тогда как на самом деле за ним скрывается прямо противоположное. Есть способ сказать «нет» — только в тех случаях, когда отказ не вызовет обиды. Но японцы знают, когда они подразумевают «нет», даже если не произносят его вслух. [Сахоко Кадзи. Торико Хама, Дж. Райе] (разрядка моя. — В. К.)

Ну, а теперь сам пример — диалог из японского учебника по русскому языку (пример Ю. Е. Прохорова); — *Мне кто-нибудь звонил?* — *Да.* — *Кто?* — *Никто.* С точки зрения русского, разговор абсолютно бессмысленный и абсурдный, если не признать за вторым коммуникантом садистских наклонностей и страсти поиздеваться над собеседником. Но с точки зрения японца, это нормальный диалог двух вежливых и воспитанных людей. Повторю еще раз: это диалог из учебника, который учит, как говорить. При этом учит, как говорить *по-русски*, строя текст *по-японски*. Кстати, это не единственный «ляп» в учебниках иностранных языков (особенно если среди авторов нет грамотных носителей изучаемого языка, профессионалов в области преподавания родного языка в иноязычной аудитории). Например, диалог из немецкого учебника по

русскому языку, также построенный «не по-русски». Судите сами: — *Алло! Кто это?* — *Здесь говорит директор.* Комментарий, что называется, излишни.

Кроме того, следует иметь в виду и разный характер и разную меру связанности речевого действия с неречевым. Мы уже вскользь упомянули об этом на предыдущей лекции, а теперь рассмотрим чуть более подробно.

Так, Б. Малиновский отмечал, что для народов Океании речь самым непосредственным и тесным образом связана с действиями неречевыми, для них (как и для других «первобытных» языков) характерно такое явление, как «речь-действие» (speech in action). Это значит, что значение слова тесно связано с невербальными действиями, его сопровождающими, а структура всего высказывания зависит от той конкретной ситуации, в которой оно порождается.

Нечто похожее можно наблюдать и в речи южных итальянцев, чей язык трудно отнести к числу «первобытных». Много лет тому назад мне на глаза попала статья русского журналиста, который работал в Неаполе и первое время постоянно попадал впросак: то на него обидится хозяин маленького ресторанчика, то его приятели не точно поймут его слова, то еще что-то. И вот однажды его приятель-неаполитанец объяснил ему причину. Все оказалось очень просто: свои слова надо обязательно сопровождать жестами. Так, если Вы хвалите еду, то надо совершить круговые движения указательным пальцем около щеки. Иначе хозяин воспримет Ваши слова как простую вежливость и формальную отговорку. Вот Вам и причина обиды хозяина ресторана (ведь в Италии культ еды, вкусной и обильной). Если Вы не используете соответствующие жесты (постукивание собранными в щепотку пальцами по лбу и постукивание правым кулаком по раскрытой левой ладони), Ваши итальянские собеседники

не воспримут всерьез Вашу фразу «Сколько можно повторять! Я уже устал об этом говорить!».

Но, по мнению Н. Яппа и М. Сиретт, «язык тела изобрели несомненно французы». Справедливости ради следует сказать, этот язык отличается от итальянского не только по репертуару жестов, но и по функциям, которые выполняют паралингвистические компоненты коммуникации. Во французском коммуникативном акте, судя по приводимому ниже описанию указанных авторов, жесты сопровождают речь, делают ее более живой, передавая различные эмоции говорящего. В итальянском жесты могут некоторым образом «корректировать» смысл высказывания, свидетельствуя, в том числе, об искренности / неискренности говорящего, его истинных мотивах и интенциях. А в «первобытных» языках жесты могут вообще определять значение слов. Итак, как же ведут себя французы в общении?

Во время беседы руки французов никогда не бывают спокойны. Именно руки придают их мыслям форму, очертания и объем. По движениям рук можно догадаться о душевном состоянии твоего собеседника, об уровне его интеллекта и о сердечных привязанностях. В тех случаях, когда другие обходятся интонационным рисунком и модуляцией голоса, желая лучше выразить свои чувства и переживания, французы используют также глаза, руки, губы и плечи, обнажая таким образом всю богатейшую гамму человеческих чувств. Они целуют кончики пальцев, если что-нибудь (или кто-нибудь) уж очень пришлось им по душе. Они подносят ладонь ко лбу, словно намереваясь снять с себя скальп, когда сыты. Они скорбно приподнимают плечи, если их покорила какая-нибудь нелепость. Они похлопывают по щекам тыльной стороной ладони, когда им 218

скучно. Они складывают губы «гузкой» и делают длинный выдох, когда раздражены. У них есть жесты для всего на свете — для неодобрения, недоверия, превосходства, извинений и сожалений, легкого недоумения и чрезвычайного удивления, для растерянности и тоски... Именно поэтому французы считают ужасно невежливым, если Вы разговариваете с ними, сунув руки в карманы.

Вообще о стереотипах поведения писалось очень много: и об этикете, и о проксемике¹, и о паралингвистике (в первую очередь — о кинесике²: мимике и жестах) и т. д. Остановлюсь очень коротко на некоторых примерах.

Рассмотрим для начала, как по-разному ведут себя представители разных национально-лингво-культурных сообществ при непосредственном общении. И начнем мы с разговора о проксемике и о так называемой «личной зоне». Уж сколько говорили и писали об этом, но воз и ныне там! Контролировать расстояние между собой и собеседником очень трудно, ибо это — практически неосознаваемая часть коммуникативного акта. «Личная зона» в разных культурах может варьироваться от полуметра (у южных европейцев или латиноамериканцев, например) до полутора метров и чуть более (у американцев, северо-европейцев). Посмотрите, как стоят во время разговора представители разных культур, и Вы увидите эту разницу «невооруженным глазом».

У русских эта зона равна 0,8—1 м. Следовательно, при общении с венесуэльцем, испанцем или итальянцем русский будет все время отходить от собеседника, а при общении с американцем или шведом, наоборот, постоянно

¹ Проксемика — область теории коммуникации, которая изучает использование пространства в общении.

² Кинесика — оптико-кинетическая система знаков.

«наступать». Такие невербальные (экстралингвистические) компоненты коммуникации плохо осознаются и практически не рефлексированы, но тем не менее они играют важнейшую роль в общении, так как создают определенный психологический комфорт или дискомфорт. В последнем случае может возникать подсудное чувство, что Ваш собеседник или отклоняется от общения с Вами, избегает контакта, стремится «избавиться» от Вас или, наоборот, проявляет скрытую агрессию, желание подавить. Ни то, ни другое удовольствия, как Вы понимаете, не доставляет.

Далее, для нормального протекания коммуникации крайне важны различные контакты: визуальные, тактильные. Но и здесь кроется серьезная опасность. Так, при общении с представителем одной из восточных культур (с корейцами, японцами, персами, арабами и т. д.) не следует злоупотреблять визуальным контактом «глаза в глаза», так как это может восприниматься как вызов, агрессия или просто невоспитанность. По свидетельству Сахоко Кадзи, Торико Хама и Джонатана Раиса, «японцы вообще избегают смотреть прямо в глаза — при любых обстоятельствах». С другой стороны, нельзя постоянно прятать глаза, если Вы говорите с европейцем, так как это будет воспринято как проявление Вашей неискренности. В этом смысле русскому проще общаться с европейцем или американцем, чем с представителем Востока (хотя некоторые авторы говорят, что у американцев визуальные контакты более редки, нежели у русских, и предпочтительнее при восприятии речи как сигнал «Я Вас слушаю»). Ведь у нас тоже контакт глаз необходим (чтобы Вас не посчитали лжецом), но он должен быть «пунктирным», а не постоянным (иначе Вас назовут агрессором или просто бесцеремонным человеком). Конечно, бывают ситуации, когда необходимо подчеркнуть свою искренность и открытость.

Тогда контакт «глаза в глаза» должен быть более постоянным и «открытым».

Но вот что может добавить Вам головной боли, так это контроль за своими руками во время разговора с иностранцем. Во-первых, у нас допустимы тактильные контакты во время сугубо дружеской беседы (касание рукой руки партнера, похлопывание по плечу, приобнимание за плечи и т. д.). А вот австралийцы «не принадлежат к тем народам, для которых вполне естественно часто прикасаться друг к другу. В Австралии для телесного контакта может быть только три оправдания: похороны, секс и рукопожатие» (К. Хант). Столь же недопустимы тактильные контакты и для северных европейцев (я не говорю, конечно, об отношениях между очень близкими людьми). Как-то мои шведские стажеры пришли на занятие в полном недоумении: они никак не могли понять, что подобные «фривольности» со стороны их русских приятелей-студентов абсолютно ничего не значат и никоим образом не представляют угрозы для их чести. Особенно шокируют подобные контакты иностранцев, когда они видят их в общении молодых людей (мне приходилось сталкиваться с мнением иностранцев из северной и центральной Европы, что среди российских студентов много гомосексуалистов, а виной всему — именно такое, невинное для русского, поведение).

Во-вторых, не менее важны для адекватного общения и жесты и мимика, сопровождающие нашу речь (паралингвистика). И здесь тоже нужен постоянный контроль (а это ох как трудно!). Ну, во-первых, не нужно размахивать руками, если Вы общаетесь не с французом или с итальянцем (последние, по мнению М. Задорнова, вообще разговаривают руками). Во-вторых, не следует использовать жесты, если Вы не знаете, как они воспринимаются в других культурах. Так, не стоит оскорблять араба жестом,

обозначающим «о'кеу» (сомкнутые в виде кольца большой и указательный палец). Это для нас вслед за американцами и европейцами этот жест означает, что все в порядке, а для представителя арабской или персидской культур он будет относиться скорее к сфере сексуальной, которую не принято свободно и прилюдно обсуждать, тем более с малознакомыми людьми. Кстати, в Бразилии, где нравы значительно отличаются не только от строгого в этом плане восточного мира, но и даже от более свободного европейского, этот жест тоже считается непристойным. Известен случай, который приводит американский психолог Г. Триандис: однажды президент Р. Никсон, изобразил «о'кеу» и, сам того не желая, оскорбил бразильцев, для которых таким образом сложенные пальцы означают непристойный жест.

С другой стороны, у немцев поднятый средний палец (жест, достаточно оскорбительный для представителей многих культур) означает, по свидетельству Ш. Зайдениц и Б. Баркоу, то же, что у англичан означают поднятые вверх разомкнутые указательный и средний пальцы — *V*, т. е. *Victory* — победа.

Более «безобидные» случаи — это кивки головой, означающие «да» и «нет». В большинстве культур движение сверху вниз означает согласие, а покачивание — соответственно, наоборот. И у Вас не будет проблем до тех пор, пока Вы не столкнетесь с болгаринцем, индийцем, турком или греком. У них, как говорят математики, все «с точностью до наоборот». Одна моя коллега рассказывала, как она впервые работала с индийцами. Объяснив новый материал, она, как и положено преподавателю, задала вопрос: «Вам все понятно?» Индийцы покачали головой. Преподавательница поняла их абсолютно однозначно и начала повторно объяснять тот же материал. Далее — по схеме: «Вам все понятно?» — покачивание головой. И так

повторялось несколько раз. Преподавательница в ужасе, студенты в недоумении. Наконец один, самый смелый студент, набравшись храбрости, сказал, что группа уже давно все поняла и ждет продолжения. Еще один пример. Русские и испанцы «кивают» и «качают» головой с точки зрения значений, выражаемых этими жестами, одинаково. А вот на уровне языковых единиц, в которых зафиксированы эти движения головы, наблюдаются некоторые расхождения. Ср.: русские фразы «Он кивнул головой» и «Он покачал головой». В первом случае очевидно, что человек выразил согласие, а во втором — ответил отказом. Так вот, испанцы в принципе соглашаются и отказываются с помощью жестов так же, как и мы, но в испанском языке выражение, соответствующее нашему «покачать головой», означает «да» (пример О. М. Мунгаловой). Почему это так, объяснить, вероятно, могут специалисты по испанскому языку и в области лингвокультурологии, но мне такие объяснения пока не попадались. Поэтому воспримем как факт следующее: 1) возможны разные жесты, передающие одно значение; 2) один жест может выражать разные значения в разных культурах (в указанных случаях возможно «зеркальное отражение» — вспомним «да» и «нет» у русских и, например, болгар); 3) возможно совпадение на уровне жестов и значений, но фиксация в языках данных жестов может быть различной (см. приведенный пример с русскими и испанцами).

Еще один пример того же рода. Если Вам придется общаться с англичанами, и Вы вдруг увидите, что Ваш собеседник сложил пальцы в комбинацию, известную Вам как «фига», она же «кукиш», не пугайтесь и не принимайте это сразу на свой счет. Дело в том, что для Вашего собеседника этот жест может быть абсолютно асемантическим: это просто удобная «поза» кисти (кстати, в чреве матери у ребенка ручки тоже могут быть сложены подобным обра-

зом). Однако и латиноамериканец не поймет русского, решившего в столь грубой форме продемонстрировать свой отказ. Вернее, поймет, но по-своему. И скорее всего не только не обидится, но, возможно, даже и обрадуется, поскольку для него «фига» (фаллический символ) означает мужскую силу, плодovitость, процветание. Поэтому, кстати, в Латинской Америке зачастую можно встретить различные «побрякушки» (кулоны, брелоки и т. д.), изображающие именно этот жест. Но Боже Вас упаси показать что-либо подобное, например, корейцу. Значение этого жеста для него то же, что и для латиноамериканца, но вот воспринимается «фига» как прямое оскорбление. А теперь давайте суммируем. Один жест — три значения: «нулевое» для англичан и некоторых других северных европейцев; грубый отказ у русских; фаллический символ у латиноамериканцев или корейцев. Последнее значение может оцениваться от абсолютного «плюса» (Латинская Америка) до абсолютного «минуса» (Корея).

Далее, межкультурные различия могут касаться и экспрессивного поведения в различных ситуациях, в частности — в демонстрации эмоций. Например, как свидетельствуют исследования социальных психологов, проведенные в Польше, Венгрии и США, восточные европейцы предпочитают среди «своих» сдерживать негативные эмоции и проявлять позитивные, в то же время для них совершенно уместен и допустим показ негативных эмоций среди «чужих». Американцы же, наоборот, считают более приемлемой демонстрацию гнева, страха или отвращения среди «своих» (перед родственниками и друзьями), нежели среди «чужих» (незнакомых или мало знакомых людей) [Стефаненко, 2000: 164].

А. А. Леонтьев высказывает идею, с которой трудно не согласиться: различные языки различаются не только своей грамматической структурой, но и соотношением

языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Так, в изолирующих языках (китайский, вьетнамский) выражение грамматических значений факультативно и компенсируется именно ситуацией и контекстом.

Этнопсихологи различают высококонтекстные и низкоконтекстные культуры [Стефаненко, 2000:156—161]. Имеется в виду следующее: на что обращается большее внимание — на содержание сообщения, т. е. *что* говорится, или на «контекст» общения, т. е. *как* говорится, *с кем* и *в какой ситуации* происходит общение. С таким разграничением трудно не согласиться, однако, с точки зрения собственно лингвистики, психолингвистики и этнопсихолингвистики, представляется более корректным оперировать несколько другими терминами и говорить, соответственно, о ситуативно обусловленном и контекстно ориентированном общении, с одной стороны, и ситуативно независимом и контекстно свободном общении — с другой. И на данной основе разграничивать и разные культуры. Сделав эту говорку, вернемся к исследованиям этнопсихологов.

По этому признаку (в том числе) противопоставляются, например, культуры «индивидуалистические западные» и «коллективистские», к числу которых относятся многие восточные культуры. Например, по свидетельству Г. Триандис, в американской культуре высоко ценится содержание общения, в дискуссии американцы стремятся сразу точно и четко высказать основную идею и главный аргумент, чтобы спровоцировать интерес к остальной информации. И вместе с тем, американцы в обычной повседневной речи часто обмениваются «ритуальными» вопросами, не предполагающими ответов в истинном смысле этого слова (типа, «*Как дела?*»). Для ситуативно обусловленных и контекстно ориентированных культур характерна значительная неконкретность и неопределенность дискурса,

желание избегать категоричности в речи. Так, японцы стараются избегать прямых вопросов и прямых ответов и всячески уходят в своей речи от использования прямого отрицания «нет». Кроме того, по мнению Триандис, для коллективистских культур характерна и большая дифференциация эмоциональных категорий, проявляющаяся в богатстве языковых средств, служащих для выражения эмоций. Те же японцы, как пишут В. А. Пронников и И. Д. Ладанов, имеют множество названий различных типов улыбок: надменная неопределенная улыбка, профессиональная улыбка, социальная улыбка, изображаемая для соблюдения благопристойности, довольная улыбка человека в возрасте и другие. Кроме того, в японской культуре различаются и разные виды смеха (некоторым из которых современные японцы обучаются на специальных курсах) и слова, их обозначающие. Помимо этого, до сих пор в японском языке, как свидетельствуют указанные авторы, сохраняется до десятка форм личного местоимения 2-го лица единственного числа, которые используются при общении с детьми, учениками, слугами.

В разных языках (и, значит, в языковых и когнитивных картинах мира) могут быть различными и доминирующие виды конкретизации в потоке речи. Во многих языках есть тонко дифференцированная система пространственной локализации предметов, действий и отношений. Так, в польском языке³ и в ряде северокавказских языков есть детальная система падежно-локативных значений, точно фиксирующих и выражающих местоположение предметов по отношению друг к другу. Немецкий язык может четко локализовать действие: передать одним глаголом значение «выглядывать отсюда вверх» — *hinaufgucken* (пример А. А. Леонтьева).

³ См. работы М. В. Всеволодовой.

В целом ряде языков (по крайней мере — в романо-германских) есть сложная система времен, включающая в себя простое время (настоящее, прошедшее и будущее), завершенное или продолженное. Со всевозможными изысканными комбинациями, типа: прошедшее завершенное (предшествующее) продолженное — *Past Perfect Continuos* (*I had been reading before they came* — До того, как они пришли, я читала.) Справедливости ради надо отметить, что такие конструкции все-таки встречаются не слишком часто, но они есть! В папуасском языке насиои есть 4 прошедших времени, отличающихся от того, к чему привыкли мы, изучая европейские языки. Там есть недавно прошедшее (от вчерашнего заката до настоящего момента), промежуточное прошедшее (один-два дня назад), давнопрошедшее (три дня и более назад) и обычное прошедшее без четкого указания на место на временной шкале (А. А. Леонтьев). Известный океанист А. Кэпелл ввел разграничение языков по «синтаксической доминанте». Соответственно, различаются языки с преобладанием категорий действия и языки с доминированием категорий предметности. Кроме этого, выделяются также языки с «числовой доминанцией», так, например, в папуасском языке кивай точно подсчитывается число субъектов, объектов, повторяемость действий [Capell, 1969].

Ну, а теперь посмотрим, как этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания влияет на построение дискурса. И для этого проанализируем маленький фрагмент, представленный временными отношениями и их языковым выражением.

И начнем мы с вопроса, которым задавались еще славянофилы: а есть ли категория времени в русском языке вообще? Вы вправе не просто удивиться такой постановке вопроса, но и выразить свое гневное возмущение по этому поводу. И все же. Вот послушайте:

Вчера *подхожу* к своему подъезду. Вдруг *вылетает* на меня огромная псина. Я, конечно, *остановилась, жду*, что *будет*. А она как *прыгнет* на меня! *Поставила* свои лапы мне на плечи и *давай* меня *нализывать*. *Оказалось*, мои друзья всем семейством *приехали*.

Нормальный текст? На мой взгляд, вполне. А теперь посмотрим на формы глаголов: *подхожу, вылетает, остановилась, жду, будет, прыгнет, давай нализывать, оказалось, приехали* — настоящее время, настоящее, прошедшее, настоящее, будущее, будущее, императив, прошедшее, прошедшее. И все в пределах шести предложений, в пределах одного (!) связного и цельного текста, повествующего об одном (!) событии, имевшем место в прошлом. При этом первые два слова — *вчера подхожу*. Ну, и как Ваша уверенность в отношении категории времени? Не поколебалась?

В принципе, здесь все, конечно, не так просто. Во-первых, у нас (в отличие от многих других языков) видо-временная система, а что такое русские виды и какой это «подарок» для любого иностранца, Вы уже, очевидно, знаете. Во-вторых, для нас (особенно в нарративе) характерно приближать ситуацию из прошлого к моменту «здесь» и «сейчас» для создания эффекта непосредственного присутствия. Но ведь все это *позволяет* делать наш язык! И еще вопрос: можем мы это, потому что язык разрешает, или язык наш таков, потому что мы это делаем? Опять все та же теория лингвистической относительности!

Среди характерных черт, которые обуславливают национально-культурную специфику коммуникации, есть и такие, которые не несут смысловой нагрузки. В первую очередь к ним следует отнести просодические особенности национального дискурса и некоторые другие.

Темп речи — высокий, например, у англичан или испанцев. Тембр голоса: иностранный голос — это не из области ненаучной фантастики, а уже давно доказанный факт (посмотрите работы В. В. Кулешова, посвященные просодии английского языка). Способ заполнения пауз: русские будут тянуть невнятное «э-э-э», в то время как англичане или американцы скажут не менее нечленораздельное «а-ат». Способ разложения слова при необходимости продиктовать, например, его правильное написание. Так, носитель английского языка сделает это по буквам, т. е. произнесет так, как буквы читаются в алфавите. Например, *a* — «эй», *i* — «ай», *e* — «а» и т. д. Английская «машина» при этом будет звучать так: «си-эй-а», она же *car*. А русский для этих целей использует репертуар имен собственных, и «мир», например, будет звучать, как «Михаил — Ирина — Раиса» (при этом набор используемых имен зависит от фантазии говорящего).

В принципе к таким же, казалось бы, асемантическим аспектам следовало бы отнести и способ написания слов. Однако, как показывают мои наблюдения, «эксперименты» американцев, а именно они в основном развлекаются с орфографией, пытаясь хоть как-то упорядочить тот «хаос», который царит в английском «спеллинге», вызывают у англоговорящих не-американцев не слишком скрываемое пренебрежение. Иначе говоря, будучи асемантическими, эти феномены, безусловно, аксиологичны. Например, высоколбые интеллектуалы не-американцы морщатся, когда видят «*How R U?*» (< how are you? = Как дела?), или фразу из американской комедии «Полицейская академия», которую один из персонажей пишет на доске: «*U R here 2 obey*» (< you are here to obey = вы здесь для того, чтобы подчиняться), или надпись на машинах (кстати, не только американских, но и японских «джипах») *4WD* (< forward = вперед, впереди идущий).

Таким образом, мы должны четко отдавать себе отчет в том, что этнопсихолингвистическая и лингвокультурологическая детерминированность дискурса может проявлять себя буквально во всем: от экстралингвистических условий коммуникации (в первую очередь — проксемика) до стратегий и тактик общения, от паралингвистических компонентов коммуникативного акта (мимика, жесты) до построения порождаемого текста, от способов написания или разложения слов до использования языковых средств, являющихся «эквивалентными» в различных языках (например, «ты» и «Вы» в русском, немецком, французском, испанском, шведском языках: когда, кому, в каких ситуациях что говорить — вечная головная боль для иностранцев и вечная опасность попасть впросак, а то и просто обидеть собеседника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнопсихолингвистические очерки). М., 1985.
Серия «Внимание: иностранцы!» М., 1999—2000.
Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000.
Capella A. A Survey of Guinea Languages. Sydney, 1969.
Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // *Ogden C. K. & Richards I. A.* The Meaning of Meaning. London, 1960.
Triandis H. C. Culture and Social Behavior. NY, 1994.

ЛЕКЦИЯ 13

Коды культуры
и метрически-эталонная сфера

КОДЫ КУЛЬТУРЫ
И МЕТРИЧЕСКИ-
ЭТАЛОННАЯ СФЕРА

Сегодня мы с Вами вступаем в завершающую фазу и выходим на финишную прямую нашего курса. И завершать мы его будем несколько парадоксальным образом: открывая новую большую тему. Но на самом деле ничего парадоксального в этом нет, так как тот разговор, к которому мы приступаем сегодня, будет продолжен в последующих лекционных курсах, которые будут посвящены русскому ментально-лингвальному комплексу в синхронии и диахронии, проблемам «бикультурного перевода» и интерпретативному переводоведению, а также собственно проблемам теории и практики межкультурной коммуникации. Сегодня мы поговорим о культурном пространстве, о фиксации некоторых основных фрагментов его в языке. О тех фрагментах, которые относятся к глубинному слою русского культурного пространства.

Мы начинаем разговор очень сложный и очень важный для понимания того, что же есть культура для каждого конкретного человека, как она хранится в его сознании, как фиксируется в языке и языковом сознании, как проявляется в поведении человека, в том числе в коммуникативном и речевом, как «реализуется» в дискурсе, обуславливая национально-культурную специфику послед-

него. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлектируется самим представителем той или иной культуры. Все это создает дополнительные трудности при исследовании и описании базового культурного пласта, который является неотъемлемой частью структуры любого человека говорящего.

А начнем мы вот с чего. Попытаемся прежде всего понять и определить такое понятие, как *код культуры*. И посмотреть, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе.

Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют».

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой. Очевидно, можно, хотя и очень осторожно, говорить о том, что условно универсальный характер носят также и некоторые базовые метафоры. Я имею в виду не конкретные метафоры, а некоторый тип, например, антропоморфные соматические метафоры, используемые для структурирования и описания окружающего мира¹. Однако подчеркну еще раз, что в данном случае можно говорить только об «условно», гипотетически возможных универсалиях, поскольку для более категоричного утверждения необходимы широкие моно- и межкультурные исследования.

¹ См., напр., Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1990.

Рассуждая о кодах культуры, мы должны иметь в виду, что исследователи говорят о различных кодах, таких, например, как анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, пищевой, аксиональный и т. д. Более подробно о кодах культуры и, в частности, о кодах русской культуры и их проявлениями Вы познакомитесь в следующем лекционном курсе. Сейчас же мы с Вами очень коротко поговорим лишь о некоторых кодах — о тех кодах, которые являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры, о тех кодах, в которых фиксированы наивные представления о мироздании. Таких кодов, на мой взгляд, по определению не может быть много. Мы с Вами выделим и будем иметь в виду следующие коды культуры:

1. соматический (телесный);
2. пространственный;
3. временной;
4. предметный;
5. биоморфный;
6. духовный.

Почему соматический код стоит на первом месте? Потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в сома-

тическом коде культуры). Через окультуривание и осознание окружающего мира человек вернулся к описанию самого себя, «применяя», «примеряя» и «накладывая» на себя знания об окружающем мире.

Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультуривания человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный, пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив. Как мы с Вами увидим чуть позже, соматический код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные. В сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит свое отражение и в языке. Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом, род, семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код «проникает» в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая — с другой, а социальные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, первичен по отношению к нему.

В целом можно сказать, что существуют три основных объекта познания и описания, принадлежащие миру Действительность: 1) сам человек, 2) окружающий мир (пространство и заполняющие его предметы — в самом широком смысле), 3) время. Две небольших оговорки. Во-первых, познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей. Во-вторых, осознание времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга.

Рассмотрим указанные коды культуры чуть более подробно.

Итак, *соматический (телесный) код*. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли *символа человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова (считать по головам; ну, ты голова!)*, *плечи (на ее плечах лежала большая ответственность)*, *рука (не хватает рабочих рук; мастер — золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта)*. Отмечу, что *рука* может выполнять функцию символа не только человека, но и *символа власти (взять регион в свои руки, держать в руках весь город), обладания (иметь в руках, получить на руки), инструмента (ручная работа)* и др.

Пространственный код связан с членением пространства. Собственно пространственный код трудно развести с соматическим кодом культуры в той части, которая касается устройства мира, поскольку многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код, свидетельствуя об определенном членении пространства. Посмотрим, как же соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Приведу всего несколько примеров.

Под рукой — в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (*это всегда должно быть под рукой*).

Ручкой подать — недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного

фильма: *Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой*).

В двух шагах — близко, рядом; предметы расположены недалеко друг от друга (*остановка в двух шагах от дома; они живут от нас в двух шагах*).

А теперь рассмотрим пространственную модель мира, созданную человеком, т. е. попытаемся разобраться в том, как выглядит окультуренное человеком пространство. Следует отметить, что окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе происходит, очевидно, параллельно с осознанием категорий «свой — чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой».

Общая структуризация мира может быть представлена следующим образом:

1. *внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, так как универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека;
2. фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*;
3. фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как *близкий, свой, родной*;
4. фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*.

Внутренний мир располагается внутри телесной оболочки, представляет собой вместилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т. д. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце* и *душа* как локус чувств (*в сердце за-*

кралась тревога, в душе шевельнулась жалость, скрепя сердце, камень на сердце, на душе, в глубине души) и голова как локус мыслей (*в голову пришла мысль, держать информацию в голове, выскочило из головы*).

Личную зону очерчивают руки человека (см.: *под рукой, рукой подать*). Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Таким образом, эта зона образует некий полукруг-овал: от боков и вперед. То, что находится за спиной человека, ему уже не принадлежит. Эта сфера находится вне зоны видимости, вне достижимости, вне зоны сознательного тактильного или визуального контакта. И раз она невидима и недостижима, то она неведома, непонятна и опасна. Здесь идет пересечение с миром чужих, миром мертвых. Кроме того, эти пространственные отношения, как мы увидим, переносятся и на отношения временные.

Важным мерилom мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* — минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир. Это не так просто, как кажется, отсюда и возможность существования таких единиц, как *решился на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т. д.

Свой, близкий, родной мир — исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Чужой мир находится, как правило, далеко, *за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах*.

О родной земле и о чужой стороне (стране), о мире живых и о мире мертвых, о границах между мирами, о проявлении базовой оппозиции «свой — чужой», соотносимой с архетипом, с Вами более подробно будут говорить

в курсе, посвященном русскому ментально-лингвальному комплексу. Сейчас же я выскажу самую общую идею, почерпнутую мною из работ В. Я. Проппа: мир чужих, мир мертвых, тридевятое, «иное» царство в русской волшебной сказке «может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали». Но все-таки в русском пространстве доминантным, на мой взгляд, будет расположение по горизонтальной оси: мир чужих находится «за морем-океаном», «за лесами, за долами, за высокими горами». Отсюда и одна из базовых оппозиций: «родная земля — чужая сторона (страна)». Об этом же свидетельствуют и границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали. Интересно, что «чистое поле», непременным условием которого является гибель и в котором действует былинный герой, противопоставлено высоким и темным лесам и горам. «Чистое поле» — промежуточный мир, в пределах которого герой и его противники равны перед друг другом и перед судьбой, это пограничная полоса, рубеж. Лес же ■ — самая ближняя грань чужого мира. Известный историк XIX века И. Забелин говорил о разных характерах лесного человека и полянина. Основным девизом лесной жизни можно признать поговорку «Десять раз отмерь — один отрежь», полевой жизни — «Либо пан, либо пропал». Лесной человек — осторожный хозяин, политик, который умеет ладить со всеми и создает государство как политический союз. Полянин — удалой воин, стремительный в схватке, неоглядно храбрый, вольный, он не любит оков совместного житья, общества, мира, государства (В. В. Колесов). Разговор об этом можно было бы продолжать, и он будет продолжен в следующем лекционном курсе. Сейчас же мы остановимся на сказанном и повторим основное: русское простран-

ство строится в основном по горизонтали, и членение на «свой мир — чужой мир» располагается в первую очередь на горизонтальной оси. В этой связи весьма интересными являются противопоставления «земля — страна», «свет — мир», «этот свет — тот свет».

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх — низ». По свидетельству В. В. Колесова, к началу древнерусской эпохи, к X веку, уже существовало в основном разработанное представление о вертикальном пространстве дома — от чердака до подвала, т. е. уже была некоторым образом на материале места обитания «овеществлена» оппозиция «верх — низ». Но эта оппозиция оказывается релевантной и для человека. В качестве примера приведу идиому *с головы до ног* (оглядеть, вооружить; испачкаться; одарить). Что мы можем получить, проанализировав данную единицу с точки зрения лингвокультурологического подхода? Во-первых, образ данной идиомы соотносится с архетипическим представлением человека в его вертикальном измерении и противопоставлением «верх — низ». Во-вторых, целостное восприятие в данном случае построено на древнейшем метонимическом приеме: человек в его целостном виде или состоянии измеряется неотъемлемыми его частями, которые для человека служат эталонами, т. е. мерой его вертикального измерения. Крайние точки этой шкалы могут быть представлены как *голова, макушка*, с одной стороны, и, с другой — *ноги, обувь, каблуки* или — как более точное определение нижней точки, точки непосредственного соприкосновения человеческого тела с землей — *пята (пятка)*. Другие единицы, изначально связанные с этим образом, типа *поставить, перевернуть с ног на голову*, свидетельствуют о принципиальной возможности экстраполировать представления о человеке на предметы внешнего мира {они перевернули все в доме с ног на голову; с ним

невозможно разговаривать: он вечно все переворачивает и ставит с ног на голову).

Как мы уже с Вами говорили, пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с кодом временным. Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обуславливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т. е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): *со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы* и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время — с помощью единиц пространственной сферы: *в двух минутах отсюда, в трех часах езды; в шаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы. Временной код культуры* фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени.

Современные русские движутся по временной оси лицом вперед, что закреплено в языке: то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу* принадлежит будущему (*за спиной опыт прошлых лет, годы учфы остались за плечами; на носу экзамены*). Это подтверждают и соответствующие жесты из языка глухих: показывая себе за спину (за плечо), человек относит описываемые события к прошлому, выражая тем самым грамматическую категорию времени или передавая значение «раньше»,

жест, когда при сжатом кулаке отставленный большой палец показывает за плечо назад, означает «вчера».

А как мы воспринимаем время? Как членим его? Первое, что нужно отметить, это то, что мы можем делать со временем разные, в том числе и весьма неприятные, вещи: мы можем его *тратить, проигрывать и выигрывать, терять и находить, тянуть и подгонять, вообще не уважать, не считаться с ним и даже убивать* (отсюда и *битый час*).

Время для нас может быть недискретным: выступает просто как *время*, возможно в паре с *пора*: *время от времени, до поры до времени*. Но вместе с тем, время для нас и дискретно: в нем выделяются отдельные единицы измерения — от входящих в единую систему единиц измерения времени (начнем, например, так: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда* и далее ■— *десятые, сотые* и т. д.) до достаточно «субъективных» единиц, обозначающих либо минимальные (*миг, мгновение*), либо максимальные промежутки времени (*век, вечность*).

Если мы говорим о «бытии» человека (как в мире Действительное, так и в мире Идеальное), то для нас окажется важным противопоставление мира, для которого релевантно реальное время, и мира «вневременного». Это противопоставление категоризируется и проявляется, в частности, в оппозиции «век — вечность». Вот об этом мы сейчас с Вами и поговорим.

Но сначала одна цитата: «В древней Руси разделяли "временные формы на те, которые выражают *бытие*, и те, которые выражают *п.редбытие*... Если выязать эти мысли современной терминологией, то... формы перфекта и будущего времени выражают действие, ограниченное во времени, в то время как формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе времени, и поэтому они одни способны выражать действия, имеющие по теоретическим пред-

ставлениям христианской религии атрибут вечности"². [...] Латинствующие не различали в своей литературной практике "бытия" и "предбытия", бренности и вечности» (А. М. Панченко) (разрядка моя. — В. К.).

Ну, теперь вернемся к паре «век — вечность». В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере *век* относится к временной сфере, являясь единицей точного измерения времени (*100 лет, столетие*, отсюда — *прошлый век, XXI век*). Поскольку этот период, как правило, превышает продолжительность жизни человека, век может обозначать период, объективно продолжительный, соотносимый с эпохой (*каменный век, Серебряный век*) или субъективно воспринимаемый как долгий (*Сколько можно тебя ждать? Я уже целый век здесь торчу!*). По данным АТРЯ, век ассоциируется с прошлым и старостью (*мудрый, седой*).

По В. Н. Лосскому, мир в христианстве тварен (создан, сотворен Богом), т. е. имеет начало (и будет иметь конец). Век воспринимается как категория «тварного» (сотворенного) мира, связанная как с бытием самого мира, так и с жизнью человека (*на весь век хватит, на мой век хватит, повидал на своем веку, век бы его не видеть*). Будучи связан с человеком, бытием, тварным миром, век ограничен, он имеет начало и конец, ср.: *во веки веков* — во все время бытия мира, от его начала до его конца; *до скончания века* — до конца мира; *отныне и до века* — с этого мгновения и до конца мира (все эти выражения пришли из церковного дискурса и связаны с тварным миром). «Отправная точка» века — момент создания мира, начало его бытия (отсюда *от века* — *изначально*).

² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116—117.

Таким образом, в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой — бесконечен (смыкается с вечностью).

Вечность также относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени. Изначально восходя к веку, вечность, по данным АТРЯ, обозначает то, что 1) есть после века (жизни), за пределами века; связана с *душой, духом, с памятью и забвением*, с противопоставлением *бытия, жизни и смерти, бессмертия*; 2) находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца, с *бесконечностью, неизмеримостью, с космосом, вселенной и звездами, с небом, Богом, чем-то неземным*; связана с противопоставлением *мира и пустоты*. Век нейтрален, вечность (за пределами «ареала» человека) аксиологична: может быть пугающей (ассоциируется с *мраком, опасностью, пустотой, горем*; может быть *страшной, туманной*), но, будучи связанной с Богом, она также может восприниматься возвышенно-позитивно (ассоциируется с *раем, истиной, счастьем, святостью*).

Восходя к библейскому дискурсу, вечность понимается в христианстве двояко: 1) как вечность сотворенного (тварного) мира, который имеет начало и будет иметь конец, здесь вечность выступает синонимом века; 2) как вечность Бога.

Отмечу, что во фразеологизмах, связанных с веком и вечностью отражено древнейшее представление о непосредственной связи пространства и времени. Так, во внутренней форме фразеологизма *от века* век в сочетании с предлогом *от* предстает как точка отсчета, отправная точка движения, в том числе и движения по временной оси. В образе указанного фразеологизма данное представле-

ние погружено в пространственный контекст (ср.: *навекы, на века, шеечный*). Внутренняя форма фразеологизма *на века вечные* содержит противопоставление и сочленение тварного и Божественного. Будучи погруженным в пространственный контекст, данное представление в сочетании с предлогом *на* указывает на продвижение вперед по оси времени.

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы, мы нашли подтверждения высказанному ранее положению: мы движемся по оси времени лицом вперед и время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры — относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

Так, например, в русском языковом сознании *капля, капелька* — один из эталонов метрической сферы, самое малое количество чего-либо, соотносимого с жидкостью или жидкими субстанциями: *вода, море, озеро, океан, дождь — ливень — лужа, роса; кровь; вино, водка (АТРЯ)*, ассоциируемая с такими единицами, как *крошка, малая часть, мизер, чуть-чуть (АТРЯ)*. Отсюда и *до (последней) капли, и капля в море*. Существует древнейшее представление о чувствах, свойствах, времени как о чем-то жидком, текучем: чувство может переполнить человека (*последняя капля переполнила чашу терпения*), может не остаться ни капли чувства (*Но Вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня...* А. С. Пушкин, Евгений Онегин). Соответственно, в окультуренной человеком метрически-эталонной сфере капля — один из визуально освоенных универсальных архетипов сознания, имеющих принципиальное значение для принятия реше-

ния о наличии / отсутствии чувства или свойства: если осталась хоть капля какого-либо чувства (любви, жалости, страха), то есть и само чувство. Если в теле есть хоть капля крови, человек жив, поэтому и полное самопожертвование заключается в том, что человек отдает себя всего, без остатка, *до последней капли крови: Если играют в «ЧГК» [Что? Где? Когда?] — это должно быть достойно. Надо держать марку, класс, уровень. Либо играйте в интеллектуальные игры под другим названием. Мне подделки не нужны. Сейчас, после смерти Ворошилова, я буду за это биться до последней капли крови.* МК, 2001.

Как мы уже с Вами говорили, предметный код тесно связан с духовным кодом, в частности, через социальные отношения. Очень коротко покажу это на одном примере — на примере понятия *дом*. Сразу оговорюсь, что в данном случае я опираюсь на материалы словаря «Славянские древности» и исследования В. В. Колесова.

В родовом быту, как пишет Колесов, дом — это населяющие его люди. Позднее, в Древней Руси главным в образе *дома* было представление о хозяйстве, т. е. имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода. В основе такого народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. В более позднее время дом — это здание, в котором скрываются люди, имущество, сама жизнь. Ср.: у В. И. Даля дом — родной кров, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами. Таким образом, *дом* изначально так или иначе был связан с людьми, в нем обитающими.

Кроме того, понятие дома имеет принципиально важное значение и для оппозиции «свой — чужой». Дом — это место, где «свои». У современных русских сохранились не всегда осознаваемые и объяснимые рефлексы древней-

ших представлений, связанных с домом. И сохранились они в некоторых стереотипах поведения: так, например, нельзя через порог здороваться или что-то передавать. Спросите у русского почему? Я не уверена, что все Вам легко ответят на этот вопрос. Скорее всего ответ будет: «Не принято». А почему не принято? А потому, что границы дома воспринимаются как граница между миром «своих» и миром «чужих». И не надо «нарушать» эту границу «всуе», поскольку преодоление этой границы, по народным представлениям, опасно для человека и требует особой регламентации и предупредительных мер. Кроме того, дверь и, прежде всего, порог — это объект и место магических действий, прежде всего — защитных. Отсюда и предметы-обереги, которые втыкаются или вешаются над дверью со стороны улицы (обломки серпов и кос, подковы и др.), и охранительные знаки, которые рисуются там же. Отсюда и неприятие некоторых действий, связанных с выходом за границы дома: *выносить сор из избы*, *уходить на ночь глядя* (в последнем случае, как показывают исследования И. В. Захаренко, работают еще и представления о ночи, также связанные с оппозицией «свой — чужой») и др. Но, как пишет Колесов, дом — это не всегда последняя черта, за которой начинаются «чужое»: родные в дому, близкие (дружина) во дворе. Двор — часть «большого дома» (хором). И если дверь — выход из дома во двор (относится к границе жилого пространства), то ворота — выход в мир (относится к границе между миром «своих» и миром «чужих»). Двор, имеющий ограду или хотя бы условное обозначение границы, защищает дом от вредных внешних сил. Но вместе с тем двор примыкает к внешнему, «чужому» миру, представляет собой пространство, в котором может стираться граница между «своим» и «чужим» мирами, а потому может быть опасным для живущих в доме, особенно в определенное время и в некото-

рые календарные периоды. Со временем представление о «своих» из дома «вышло» во двор, а затем — и за пределы двора. Важным для нас оказывается то, что «конкретность славянского мировосприятия не делала разницы между разными степенями отвлеченности в представлениях «дома» как совокупности зданий и как населяющих здания лиц» (В. В. Колесов).

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами.

Как биоморфный код культуры бытует в языковом сознании и проявляется в языке и дискурсе? Рассмотрим несколько конкретных зооморфных примеров: *баран (овца)*, *ворона*, *змея*, *лошадь*.

Баран (овца). В русских сказках эти животные практически не встречается. Согласно Библейским текстам, уход за овцами считался самым древним и самым почетным занятием (Исх. 3: 1; I Цар. 16: 11). В Новом Завете слово «пастырь» означает собственно Иисуса Христа, впоследствии этим словом стали называться служители Евангелия, а пасомые ими — словесным стадом. В Библии также упоминаются, нередко иносказательно, отличительные черты овцы: боязливость, кротость и беспомощность отставших от стада овец и опасность, окружающая таких животных (II Пар. 18:16; Пс. 118:176; Ис. 11:6; 8:6,7; Мих. 5: 8; Мф. 9: 36).

У современных русских бытует представление о баране (овце) как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе. При этом баран отличается особым («тупым») упрямством, а для овцы харак-

терны беззащитность и полное отсутствие способности постоять за себя: это существо безобидно-глупое, представляющее собой легкую добычу (беспомощность перед лицом врага, незлобивость наиболее полно проявляются в образе ягненка).

Как же проявляется этот стереотип в дискурсе? Например, русские могут апеллировать к образу барана или овцы, когда говорят о человеке 1) очень глупом, «тупом» (— *Только мне не хотелось бы, чтобы о нашем разговоре узнали сэр Гай и господин судья!.. — Эти бараны? Да у них хватает ума только на то, чтобы не пронести ложку мимо рта!*. Л. Филатов, Большая любовь Робин Гуда); 2) покорном судьбе, не сопротивляющемся обстоятельствам *{Он говорит, что на год, на два надо куда-нибудь уехать из больших городов... А то нельзя же погибать так покорно, по-бараньи}*. Б. Пастернак, Доктор Живаго). Кроме того, в русском языке существуют выражения, связанные с этим образом: *заблудшая овца {овечка}*; *{смотреть} как баран на новые ворота*; *щрицвая овца {все стадо портит}*.

Ворона- В народных представлениях *ворона* и *ворон* зачастую объединяются в один образ и предстают как нечистые (дьявольские, проклятые) и зловещие птицы, связанные с миром мертвых. Эти птицы, имеющие черную (темную) окраску, противопоставлены птицам белым (чистым и срытым, особенно голубю, освященному христианской традицией),

В фольклоре и авторских баснях эта птица предстает в комичерком виде: она глупа, хвастлива, тщеславна, падка на лесть (см., например, басню «Ворона и лисица» Н. А. Крылова). У русских бытует представление о вороне как о птице глупой, неуклюжей, неряшливой и в то же время хищной и агрессивной. Вороны — шумные птицы, они часто сбиваются в стаи. Существует поверье, что они каркают к дождю.

Современные русские могут назвать «вороной» человека невнимательного, нерасторопного (синонимами выступают *растяпа*, *разиня*): *Да ты набирай воду, не сумлевайся. Только на пол не лей, ворона. Видишь, порог заплескал*. Б. Пастернак, Доктор Живаго. Существуют слова и выражения, связанные с образом вороны, например: *белая ворона*, *считать {ловить} ворон*, *проворонить*.

Змея. Это один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея — неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала *{Жена да муж — змея да уж}*, В. И. Даль); она ядовита и целебна. Змея — и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии змея выступает как олицетворение сатаны (Быт. 3:1 и след., II Кор. 11: 3, Откр. 12: 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. 10: 16), злобой (Мф. 23: 33), свирепостью (Пс. 57: 5; Притч. 23: 32) и коварством (Быт. 49: 17). Но в то же время отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

О каком стереотипе змей у современных русских можно говорить? Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о ее необыкновенной живучести: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (она периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык — *жало* (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение. Под влиянием христианства З. приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и

опасна, может нанести неожиданный удар (*пригрел змею на своей груди, змея подколотная*). Иногда змее приписывается мудрость (*И окало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой, А. С. Пушкин*).

Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике: 1) коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого (*«Подозреваемую в убийстве... — повторила про себя женщина. — Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта змеюка и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится...»* АиФ, 2001); 2) человека по его отношению к окружающему миру (*не язык, а змеиное жало*); 3) человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимо с поведением змеи (*ну, зашипела, [как] змея*); 4) предмета, чувства, эмоции, уподобляемых змее, или ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи (*И в сердце ее холодной скользкой змейкой заползла тревога. М. Юденич, Стремление убивать*). В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеей, например: *змея подколотная, зеленый змий, змей (змий)-искуситель, мудрый змий, пригреть змею на груди*.

Лошадь (конь). Это одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу чего воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет. В сказках конь часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (например, Сивка-Бурка). Может представлять как вешее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пско-

ве, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Он может нести смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя («Повесть временных лет»; «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник — герой или святой — выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змие»). Конь белый или огненный — атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу, соответственно, гром — топот копыт и ржание коней. Всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей (Откр. 6: 2—8). Конь может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конек на крыше деревянного дома; см. также песню А. Розенбаума «Серый в яблоках конь»). От прежних магических представлений, связанных с конем и лошастью, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу.

Стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это — грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически — *конский хвост*). Конь (лошадь) и особенно жеребенок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично волу). Лошадь (конь) издает особые звуки — ржание (*ржать как лошадь*). У этого животного крупные зубы (отсюда *лошадиная улыбка, лошадиная физиономия*).

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (*лошадь, кобыла*); 2) человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади (*лошадиная физиономия*); 3) человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу *жеребенка*) (*Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой жеребенка*).

Садясь за парту, она сдвигала ее так, что Яся слегка подпрыгивала своей легкой головкой. Л. Улицкая, Сонечка). В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с образом лошади, коня, например: *быть на коне, въезжать I въехать на белом коне, жеребец, ломовая лошадь, лошадиная доза, лошадиная сила, работать (пахать) как лошадь, рабочая лошадка, (старая) кляча, темная лошадка.*

В целом можно утверждать, что зооморфный мир дал нам определенную, очень богатую систему эталонов: *осел* — упрямый, *баран* — упрямый и глупый, *курица* — глупая, *овца* — покорная и глупая, *лиса* — хитрая, *змея* — коварная, *бык* — здоровый и сильный, *медведь* — неуклюжий и сильный, *волк* — хищный, голодный, одиночка, *крыса* — отвратительная, опасная, *паук* — противный, кровосос, *муха* — надоедливая, *рыба* — молчаливая, холодная и т. д. и т. п.

Подобным образом «ведут себя» и представители растительного мира. Посмотрите, какое место в русской (и шире — в славянской) культуре занимает, например, *дуб*. В традиционной культуре славян дуб — самое почитаемое дерево, занимающее первое (во всех смыслах) место в славянском дендрарии (*Царь Дуб*), одно из самых значимых в культуре (не случайно, кстати, у А. С. Пушкина, воспитанного Ариной Родионовной на русских сказках, «у Лукоморья» именно «дуб зеленый», а не какое-то другое дерево). Дуб с древнейших времен воспринимался культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение этого запрета грозило серьезными неприятностями и несчастьями не только самому «злоумышленнику», но и вообще всем живущим поблизости. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей (ведьм, русалок — вспомним Пушкина: 252

; *на ветвях сидит*» на дубе у Лукоморья), пограничьем между миром «своих», миром живых и миром «чужим», миром потусторонним. Но в первую очередь дуб связан с богом-громовежцем (Перуном). В фольклоре дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. Дуб, стоящий, например, на острове, на горе, посреди океана, обозначает центр мира, сам мир и идеальный иномир. Рядом с дубом или на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а в его корнях или на листьях лежит змея. Сам дуб соотносится с верхним миром, ему приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и смертью (см. *дать дуба, гроб дубовый*). Отсюда и широкое использование дуба в похоронных обрядах, и ряд запретов (например, запрет сажать дубы, что связано с представлением о том, что дуб, сравнявшись по высоте с человеком, забирает его силы и в конце концов приводит его к смерти). Дуб связан с мужской символикой, выступая символом мужского начала (в то время как береза — женского). Помимо этого дуб символизирует силу и крепость (в свое время считался едва ли не самым крепким деревом). Правда, твердость и негибаемость этого дерева сыграли с ним злую шутку: сегодня «дубом» русские называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза, ива, верба. Из этого «древесного мира» мы тоже получили некоторые эталоны (например, *крепкий как дуб, молодой дубок, стройная как березка*). Не меньшее значение имеют и травы и цветы: и обжигающая *крапива*, и *роза*, нежная и колючая, и *ромашка* (девочка-ромашка), и *василек* (васильковый цвет), и мак (маков цвет), и другие.

Бестиарии принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора и входят в действительность, являясь

русского кикимора — жительница болот (кикимора болотная).

Для русских кикимора — маленькая, скрюченная немолодая женщина или старушка, неопрятная, уродливая, растрепанная, худая и остроносая. Одета она, как правило, очень неаккуратно, в лохмотья. Может издавать различные звуки: кричит, хохочет, пищит. Живя на болоте, она, подобно лешему, пугает путников.

Современные русские могут назвать «кикиморой» женщину неопрятную, некрасивую, необаятельную и, как правило, худую. При этом может предполагаться, что это женщина способна и на мелкие пакости. Подобная характеристика является, безусловно, негативной. Кроме этого, русские могут вспоминать кикимору, описывая неожиданно появившийся и/или пугающий и не слишком приятный объект (человека, предмет, чувство и т. д.): Усталая женщина смежила веки, погасив тем самым божественные светильники. Все замерло на последней возвышенной ноте. Мужчина мог быть доволен собой. [...] А вот тут наконец и проклюнулся, высунул свою головку долг, будто болотная кикимора. Напомнил, зачем здесь находится старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, если он сам об этом забыл. Ф. Незнанский, Ищите женщину! И наконец, последний из нашего списка код культуры, на который фактически «работают» все коды, рассмотренные нами только что, — духовный код культуры. Его составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро — зло», «хорошо — плохо», «плюс — минус», «верх — низ». Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, определяет оценки, даваемые себе и окружающему миру. Думаю, что этот код будет осо-

бо обсуждаться в следующем лекционном курсе и в курсе теории и практики межкультурной коммуникации. В связи с этим я позволю себе не останавливаться на этом коде сколь-нибудь подробно.

И завершая наш сегодняшний разговор, замечу, что коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Надеюсь, что приведенные в лекции (хотя и не слишком многочисленные) примеры смогли это некоторым образом проиллюстрировать. И кроме того, Вы уже, очевидно, обратили внимание, что все коды культуры: и соматический, и пространственный, и временной, и биоморфный, и духовный — задают и определяют метрически-эталонную сферу, участвующую в структурировании и оценке материального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библейская энциклопедия. М., 1891 (репринт— 1990).

Бидерман Г. Энциклопедия символов. М., 1996.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000.

Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.

Полный православный энциклопедический словарь. В 2-х тт. М., 1891 (репринт— 1990).

Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.

Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.

Еще раз повторю, что таких примеров можно

привести множество. Разговор о различиях культур и потенциальных коммуникативных неудачах. Вы продолжите в курсе, посвященном теории и практике межкультурной коммуникации. Мне же было важно, во-первых, представить определенную систему феноменов, которые обуславливают национально-культурную специфику дискурса, во-вторых, дать Вам инструментарий и показать возможные пути анализа и решения потенциальных проблем, а в-третьих, показать Вам вершину этого айсберга на некоторых, очень немногочисленных примерах.

О национально-культурной составляющей дискурса мы с Вами продолжим разговор и на следующих лекциях, когда перейдем непосредственно к обсуждению национально-культурной специфики построения дискурса, фиксации культуры в языке и анализу собственно языкового материала. А пока завершим наш разговор о прецедентных феноменах, стереотипах и фрейм-структурах и остановимся на соотношении таких феноменов, как культурное и когнитивное пространство, когнитивное пространство и когнитивная база.

КУЛЬТУРНОЕ vs КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО vs БАЗА

Но сначала объясню, что понимается под культурным пространством. Национальное культурное пространство — это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Оно выступает как форма существования культуры в сознании человека. Национальное (в нашем случае — русское) культурное пространство «включает в себя все существующие и потен-

циально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества» (Д. Б. Гудков, В. В. Красных).

Иначе говоря, русское культурное пространство — это совокупность *всех* индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку «ядром» всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который «скрепляет» все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, когнитивная база является «ядром» и культурного пространства. Русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку русское культурное пространство — это *все* многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объема», но через «качественное редуцирование, через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом — одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

По сути, в индивидуальном и коллективном когнитивных пространствах, когнитивной базе и русском культурном пространстве хранятся феномены, так сказать, «разнопорядковые»: в КБ входят феномены национально-прецедентные, т. е. национально-детерминированные, минимизированные. Например, в когнитивную базу вербализуе-

мые прецедентные феномены (прецедентный текст и прецедентная ситуация) входят в виде национально-детерминированных, минимизированных инвариантов восприятия, в то время как в когнитивных пространствах (индивидуальном и коллективном) могут (и должны) наличествовать не только указанные инварианты восприятия (как часть когнитивной базы), но и индивидуальные и коллективные инварианты восприятия, а также знание самого ПТ, самой ПС, а также определенные знания и представления о них. Такая же картина имеет место, и когда мы рассматриваем прецедентное имя: в когнитивную базу входит само имя, а также набор его дифференциальных признаков и атрибутов. В индивидуальное же и коллективное когнитивные пространства могут входить, помимо указанного, сведения «дополнительные», не являющиеся необходимо обязательными для всех представителей национально-лингво-культурного сообщества.

В русское культурное пространство, помимо *всех* указанных знаний и представлений (поскольку оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества), входят также и стереотипы (стереотипы поведения и стереотипы представления).

Покажу это на конкретном примере, а для этого вернемся еще раз к прецедентному имени *Иван Сусанин*. В дифференциальные признаки этого феномена входит прецедентная ситуация, которая определяется информантами-респондентами как *тупиковая ситуация*³; инвариант восприятия данной ПС может быть описан следующим образом: *некто вызвался быть проводником и в результате завел тех, кто ему доверился, в (незнакомое) место, из ко-*

³ Формулировка одного из ответов.

того нет выхода или выход затруднен. Атрибутами данного ПИ {*Иван Сусанин*} будут, очевидно, тулуп, борода, лапти и прочие детали, характерные для стереотипного образа русского мужика (иллюстрацией такого легкого и однозначно прочитываемого русскими прецедентного феномена, как *Иван Сусанин*, может служить, например, уже упомянутая нами пародия в одном из выпусков «Городка»).

Дифференциальные признаки и определенные атрибуты являют собой тот «обязательный» минимум, который скрывается за именем (в нашем случае — *Иван Сусанин*) и входит в русскую когнитивную базу. «Дополнительными» сведениями, которые могут быть фрагментами индивидуального или коллективного когнитивного пространства, являются, например, такие: где именно, когда именно, что именно произошло; имена конкретных участников исторического события; общая историческая и социально-политическая обстановка того времени. Более того, в индивидуальное и коллективное когнитивные пространства могут входить знания и представления о различных произведениях (научных, научно-популярных, публицистических, художественных, литературных, музыкальных и т. п.), посвященных данному историческому лицу или событию в целом и т. д. В русское культурное пространство при этом будут входить *все* элементы когнитивной базы и *все* составляющие *всех* когнитивных пространств.

Как мы с Вами видели, индивидуальное когнитивное пространство, коллективное когнитивное пространство и когнитивная база отличаются, так сказать, «полнотой охвата»: внутренним наполнением и внешним масштабом. *Внешний масштаб* — число языковых личностей, для которых когнитивная совокупность является общей. При этом когнитивная база не всегда однозначно шире коллективного когнитивного пространства, так как последнее

может охватывать представителей нескольких различных национально-лингво-культурных сообществ, например, конфессиональные социумы христиан или мусульман, профессиональные социумы и т. д. *Внутренний масштаб* — «охват» совокупности знаний и представлений как таковой, ее наполнение. При этом можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что когнитивная база в любом случае меньше индивидуального когнитивного пространства, так как, с одной стороны, в когнитивную базу входят не все культурные феномены, а только инварианты восприятия оных, сама же когнитивная база есть необходимо обязательный минимум знаний, совокупность национально-детерминированных и минимизированных представлений. Она представляет собой общую часть, зону пересечения совокупностей знаний и представлений всех входящих в то или иное национально-лингво-культурное сообщество. С другой стороны, индивидуальное когнитивное пространство обязательно включает в себя не только элементы когнитивной базы, но и элементы коллективных когнитивных пространств, а также индивидуальные знания и представления самой личности, которые не всегда совпадают с коллективными (социумными или национальными).

Русское культурное пространство в силу своей природы по *внешнему масштабу* соотносится с когнитивной базой, поскольку оно и есть определенная «увеличенная проекция» последней. Оно представляет собой совокупность всех когнитивных пространств, ядром которой является когнитивная база, и, будучи *русским* культурным пространством, оно, естественно, представляет собой форму существования культуры в сознании представителей русского национально-лингво-культурного сообщества. По *внутреннему масштабу* русское культурное пространство, будучи *пространством*, соотносимо с когнитивны-

ми пространствами же (индивидуальным и коллективным), т. е. оно включает в себя не только необходимо обязательные знания и минимизированные представления-инварианты восприятия прецедентных феноменов, являющиеся элементами когнитивной базы, но и все элементы всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей русского национально-лингво-культурного сообщества.

И еще одно замечание. Существует еще одно отличие русского культурного пространства от когнитивной базы: КБ, как мы помним, имеет в первую очередь горизонтальную структуру, т. е. имеет центр и периферию, а культурное пространство имеет и вертикальную структуру, т. е. имеет глубину. К глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. Очевидно, данные оппозиции как таковые носят универсальный характер, но их конкретные проявления и удельный вес в каждой конкретной культуре, безусловно, являются национально-культурно маркированными. К числу таких базовых оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции «верх — низ», «далеко — близко», «хорошо ■ — плохо», «много — мало», «свой — чужой».

Итак, в прошедших лекциях я представила Вам основные лингво-когнитивные феномены, которые определяют национальную специфику языкового сознания и ею же обуславливаются и которые оказывают определенное (и значительное — sic!) влияние на коммуникацию, придавая ей национальную маркированность и специфичность.

Однако национально-культурная специфика определяется не только рассмотренными феноменами. А чем еще — мы поговорим с Вами на следующих лекциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация (Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г.) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124—133.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.) Научная монография. М., 1998.

Серия «Внимание: иностранцы!» М., 1999—2000.

Marin G. Attributions for Tardiness among Chilean and United States students // *Journal of Social Psychology*. 1987. Vol. 127 (1). P. 69—75.

Watson O. M. Proxemic Behavior. A Cross-Cultural Study. The Hague-Paris, 1970.

ЛЕКЦИЯ 12

Национально-культурная специфика построения дискурса

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКУРСА Национально-культурная специфика построения дискурса непосредственно связана с этнопсихолингвистической детерминацией речевой деятельности, языкового сознания и общения. К рассмотрению этого мы сейчас с Вами и переходим.

И здесь прежде всего следует иметь в виду «возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанную с особенностями языка» (А. А. Леонтьев). Так, при порождении высказывания вьетнамцы пользуются линейным принципом («счетом» синтаксических позиций) (Нгуен Дыке Уи). У русских при порождении идет постоянный «возврат» назад: наши местоимения, прилагательные, порядковые числительные должны согласовываться в роде, числе и падеже с существительным, которое они определяют и которое чаще занимает во фразе более правую позицию. А само существительное при этом зависит от глагола, стоящего еще правее. Английский язык славится своим строгим порядком слов (субъект — предикат — объект), нарушить который может только особая эмфаза в особом дискурсе в особом контексте в особой ситуации. Не менее жестко обстоит дело с порядком слов в немецком и скандинавских

языках, предполагающих инверсию только при определенных контекстуально-грамматических условиях (в прямом вопросе или при начальной позиции в предложении не субъекта, а любого другого члена предложения). Соответственно, все высказывания порождаются по определенно заданной схеме. В русском же языке, как считается, порядок слов свободный. Но это — великий и очень опасный миф, который сбил с толку не одного иностранца. У нас порядок слов отражает, например, актуальное членение (тема-рематическое строение) высказывания и выражает, таким образом, категорию определенности/неопределенности, а кроме того, может свидетельствовать и о принадлежности текста тому или иному регистру. Сравните: «*В комнату вошел человек*», «*Человек вошел в комнату*», «*Вошел человек в комнату*». Разве это одно и то же? Вот Вам и свободный порядок слов! Понятно, почему многие иностранцы считают русский язык «издевательством над их мозгами» и отказывают ему в логике. Но логика-то у нас есть (и еще какая!), но она «своя», отличная от того, к чему привыкли носители других языков.

Кроме этого, следует иметь в виду потенциальную возможность различных стратегий построения текста и дискурса.

Вы знаете, как определить, кто такой зануда? Одна из множества возможных дефиниций гласит: зануда — это человек, который на вопрос «Как живешь?», начинает рассказывать, как он живет. А теперь внимание! В разговоре с немцем «на вежливое "Как поживаете?"» желательно отвечать обстоятельно, не упуская ни одной детали, подробно рассказывать о состоянии Вашего организма в целом и каждого его органа в отдельности, не пропустив ни одной мелочи. Если Вы не хотите все это выслушивать, не задавайте таких вопросов» (Ш. Зайдениц, Б. Баркоу).

А вот как описывают типичную японскую ситуацию Сахоко Кадзи, Торико Хама и Джонатан Райе:

Однажды в жаркий летний день японский папаша вышел прогуляться со своими чадами. Он поинтересовался у продавца мороженого, из чего сделано «Супа-куруриму» — супер-мороженое, изображенное на его фургончике. Продавец подробнейшим образом описал ингредиенты: ванилин, клубничное мороженое и фишашки, глазированные медом и шоколадом. Клиент не устоял перед соблазном. «Две порции, пожалуйста», — попросил он. «Прошу прощения, — отвечивал продавец, — но сегодня у нас вообще нет «Супа-куруриму».» В Европе продавец однозначно истолковал бы вопрос отца семейства как намерение купить этот товар и сразу сказал бы: «Простите, сэр, но у нас сегодня нет этого мороженого», — не пускаясь в подробные описания. Японец же, не желая потерять лицо и оконфузить потенциального клиента, избирает окольный путь. Он описывает продукт в надежде, что покупатель раздумает приобрести его, и тогда ему не придется признавать факт отсутствия мороженого. Он, конечно же, понимает истинный смысл вопроса, однако предпочитает дать точный ответ на конкретный вопрос. И такое происходит в Японии сплошь и рядом. Там всегда будет сделано все возможное, чтобы избежать или, по крайней мере, отсрочить потенциальную неловкую ситуацию.

Очевидно, этим же объясняется и следующий пример. Хотя не только. Но сначала небольшое отступление.

В японском сознании одно понятие незаметно перетекает в другое. Слишком четкие определения — источник потенциального риска разойтись во мнениях.

В Японии не любят прямых вопросов так же, как и прямых ответов. Крайне редко японец скажет Вам четкое «да» или четкое «нет». Нормальной реакцией будет скорее «Л/а» или «Ма-ма», что в переводе означает что-то вроде «Ну-у, как бы это сказать...», «Пожалуй, что да...» или «Более или менее». Нет способа сказать четко «да» или «нет» — по крайней мере так, как эти слова понимаются на Западе. «Хай» чаще всего переводят как «да», однако на самом деле оно означает: «Я слышал Вас и понял Вас, и теперь думаю, что ответить». Иностранцы зачастую принимают «хай» за согласие, тогда как на самом деле за ним скрывается прямо противоположное. Есть способ сказать «нет» — только в тех случаях, когда отказ не вызовет обиды. Но японцы знают, когда они подразумевают «нет», даже если не произносят его вслух. [Сахоко Кадзи. Торико Хама, Дж. Райе] (разрядка моя. — В. К.)

Ну, а теперь сам пример — диалог из японского учебника по русскому языку (пример Ю. Е. Прохорова): — *Мне кто-нибудь звонил?*—*Да.* — *Кто?* — *Никто.* С точки зрения русского, разговор абсолютно бессмысленный и абсурдный, если не признать за вторым коммуникантом садистских наклонностей и страсти поиздеваться над собеседником. Но с точки зрения японца, это нормальный диалог двух вежливых и воспитанных людей. Повторю еще раз: это диалог из учебника, который учит, как говорить. При этом учит, как говорить *по-русски*, строя текст *по-японски*. Кстати, это не единственный «ляп» в учебниках иностранных языков (особенно если среди авторов нет грамотных носителей изучаемого языка, профессионалов в области преподавания родного языка в иноязычной аудитории). Например, диалог из немецкого учебника по

русскому языку, также построенный «не по-русски». Судите сами: — *Алло! Кто это?* — *Здесь говорит директор.* Комментарий, что называется, излишни.

Кроме того, следует иметь в виду и разный характер и разную меру связанности речевого действия с неречевым. Мы уже вскользь упомянули об этом на предыдущей лекции, а теперь рассмотрим чуть более подробно.

Так, Б. Малиновский отмечал, что для народов Океании речь самым непосредственным и тесным образом связана с действиями неречевыми, для них (как и для других «первобытных» языков) характерно такое явление, как «речь-действие» (speech in action). Это значит, что значение слова тесно связано с невербальными действиями, его сопровождающими, а структура всего высказывания зависит от той конкретной ситуации, в которой оно порождается.

Нечто похожее можно наблюдать и в речи южных итальянцев, чей язык трудно отнести к числу «первобытных». Много лет тому назад мне на глаза попала статья русского журналиста, который работал в Неаполе и первое время постоянно попадал впросак: то на него обидится хозяин маленького ресторанчика, то его приятели не точно поймут его слова, то еще что-то. И вот однажды его приятель-неаполитанец объяснил ему причину. Все оказалось очень просто: свои слова надо обязательно сопровождать жестами. Так, если Вы хвалите еду, то надо совершить круговые движения указательным пальцем около щеки. Иначе хозяин воспримет Ваши слова как простую вежливость и формальную отговорку. Вот Вам и причина обиды хозяина ресторана (ведь в Италии культ еды, вкусной и обильной). Если Вы не используете соответствующие жесты (постукивание собранными в щепотку пальцами по лбу и постукивание правым кулаком по раскрытой левой ладони), Ваши итальянские собеседники

не воспримут всерьез Вашу фразу «Сколько можно повторять! Я уже устал об этом говорить!».

Но, по мнению Н. Яппа и М. Сиретт, «язык тела изобрели несомненно французы». Справедливости ради следует сказать, этот язык отличается от итальянского не только по репертуару жестов, но и по функциям, которые выполняют паралингвистические компоненты коммуникации. Во французском коммуникативном акте, судя по приводимому ниже описанию указанных авторов, жесты сопровождают речь, делают ее более живой, передавая различные эмоции говорящего. В итальянском жесты могут некоторым образом «корректировать» смысл высказывания, свидетельствуя, в том числе, об искренности/неискренности говорящего, его истинных мотивах и интенциях. А в «первобытных» языках жесты могут вообще определять значение слов. Итак, как же ведут себя французы в общении?

Во время беседы руки французов никогда не бывают спокойны. Именно руки придают их мыслям форму, очертания и объем. По движениям рук можно догадаться о душевном состоянии твоего собеседника, об уровне его интеллекта и о сердечных привязанностях. В тех случаях, когда другие обходятся интонационным рисунком и модуляцией голоса, желая лучше выразить свои чувства и переживания, французы используют также глаза, руки, губы и плечи, обнажая таким образом всю богатейшую гамму человеческих чувств. Они целуют кончики пальцев, если что-нибудь (или кто-нибудь) уж очень пришлось им по душе. Они подносят ладонь ко лбу, словно намереваясь снять с себя скальп, когда сыты. Они скорбно приподнимают плечи, если их покорила какая-нибудь нелепость. Они похлопывают ПО *iirevan** тот...»,

...шт. ум шхлопы-
вают по щекам тыльной стороной ладони, когда им

скучно. Они складывают губы «гузкой» и делают длинный выдох, когда раздражены. У них есть жесты для всего на свете — для неодобрения, недоверия, превосходства, извинений и сожалений, легкого недоумения и чрезвычайного удивления, для растерянности и тоски... Именно поэтому французы считают ужасно невежливым, если Вы разговариваете с ними, сунув руки в карманы.

Вообще о стереотипах поведения писалось очень много: и об этикете, и о проксемике¹, и о паралингвистике (в первую очередь — о кинесике²: мимике и жестах) и т. д. Остановлюсь очень коротко на некоторых примерах.

Рассмотрим для начала, как по-разному ведут себя представители разных национально-лингво-культурных сообществ при непосредственном общении. И начнем мы с разговора о проксемике и о так называемой «личной зоне». Уж сколько говорили и писали об этом, но воз и ныне там! Контролировать расстояние между собой и собеседником очень трудно, ибо это — практически неосознаваемая часть коммуникативного акта. «Личная зона» в разных культурах может варьироваться от полуметра (у южных европейцев или латиноамериканцев, например) до полутора метров и чуть более (у американцев, северо-европейцев). Посмотрите, как стоят во время разговора представители разных культур, и Вы увидите эту разницу «невооруженным глазом».

У русских эта зона равна 0,8—1 м. Следовательно, при общении с венесуэльцем, испанцем или итальянцем русский будет все время отходить от собеседника, а при общении с американцем или шведом, наоборот, постоянно

¹ Проксемика — область теории коммуникации, которая изучает использование пространства в общении.

² Кинесика — оптико-кинетическая система знаков.

«наступать». Такие невербальные (экстралингвистические) компоненты коммуникации плохо осознаются и практически не рефлексированы, но тем не менее они играют важнейшую роль в общении, так как создают определенный психологический комфорт или дискомфорт. В последнем случае может возникать подспудное чувство, что Ваш собеседник или отклоняется от общения с Вами, избегает контакта, стремится «избавиться» от Вас или, наоборот, проявляет скрытую агрессию, желание подавить. Ни то, ни другое удовольствия, как Вы понимаете, не доставляет.

Далее, для нормального протекания коммуникации крайне важны различные контакты: визуальные, тактильные. Но и здесь кроется серьезная опасность. Так, при общении с представителем одной из восточных культур (с корейцами, японцами, персами, арабами и т. д.) не следует злоупотреблять визуальным контактом «глаза в глаза», так как это может восприниматься как вызов, агрессия или просто невоспитанность. По свидетельству Сахоко Кад-зи, Торио Хама и Джонатана Раиса, «японцы вообще избегают смотреть прямо в глаза — при любых обстоятельствах». С другой стороны, нельзя постоянно прятать глаза, если Вы говорите с европейцем, так как это будет воспринято как проявление Вашей неискренности. В этом смысле русскому проще общаться с европейцем или американцем, чем с представителем Востока (хотя некоторые авторы говорят, что у американцев визуальные контакты более редки, нежели у русских, и предпочтительнее при восприятии речи как сигнал «Я Вас слушаю»). Ведь у нас тоже контакт глаз необходим (чтобы Вас не посчитали лжецом), но он должен быть «пунктирным», а не постоянным (иначе Вас назовут агрессором или просто бесцеремонным человеком). Конечно, бывают ситуации, когда необходимо подчеркнуть свою искренность и открытость.

220

Тогда контакт «глаза в глаза» должен быть более постоянным и «открытым».

Но вот что может добавить Вам головной боли, так это контроль за своими руками во время разговора с иностранцем. Во-первых, у нас допустимы тактильные контакты во время сугубо дружеской беседы (касание рукой руки партнера, похлопывание по плечу, приобнимание за плечи и т. д.). А вот австралийцы «не принадлежат к тем народам, для которых вполне естественно часто прикасаться друг к другу. В Австралии для телесного контакта может быть только три оправдания: похороны, секс и рукопожатие» (К. Хант). Столь же недопустимы тактильные контакты и для северных европейцев (я не говорю, конечно, об отношениях между очень близкими людьми). Как-то мои шведские стажеры пришли на занятие в полном недоумении: они никак не могли понять, что подобные «фривольности» со стороны их русских приятелей-студентов абсолютно ничего не значат и никоим образом не представляют угрозы для их чести. Особенно шокируют подобные контакты иностранцев, когда они видят их в общении молодых людей (мне приходилось сталкиваться с мнением иностранцев из северной и центральной Европы, что среди российских студентов много гомосексуалистов, а виной всему — именно такое, невинное для русского, поведение).

Во-вторых, не менее важны для адекватного общения и жесты и мимика, сопровождающие нашу речь (паралингвистика). И здесь тоже нужен постоянный контроль (а это ох как трудно!). Ну, во-первых, не нужно размахивать руками, если Вы общаетесь не с французом или с итальянцем (последние, по мнению М. Задорнова, вообще разговаривают руками). Во-вторых, не следует использовать жесты, если Вы не знаете, как они воспринимаются в других культурах. Так, не стоит оскорблять араба жестом,

221

обозначающим «о'кеу» (сомкнутые в виде кольца большой и указательный палец). Это для нас вслед за американцами и европейцами этот жест означает, что все в порядке, а для представителя арабской или персидской культур он будет относиться скорее к сфере сексуальной, которую не принято свободно и прилюдно обсуждать, тем более с малознакомыми людьми. Кстати, в Бразилии, где нравы значительно отличаются не только от строгого в этом плане восточного мира, но и даже от более свободного европейского, этот жест тоже считается непристойным. Известен случай, который приводит американский психолог Г. Триандис: однажды президент Р. Никсон, изобразил «о'кеу» и, сам того не желая, оскорбил бразильцев, для которых таким образом сложенные пальцы означают непристойный жест.

С другой стороны, у немцев поднятый средний палец (жест, достаточно оскорбительный для представителей многих культур) означает, по свидетельству Ш. Зайдениц и Б. Баркоу, то же, что у англичан означают поднятые вверх разомкнутые указательный и средний пальцы — *V*, т. е. *Victory* — победа.

Более «безобидные» случаи — это кивки головой, означающие «да» и «нет». В большинстве культур движение сверху вниз означает согласие, а покачивание — соответственно, наоборот. И у Вас не будет проблем до тех пор, пока Вы не столкнетесь с болгариним, индийцем, турком или греком. У них, как говорят математики, все «с точностью до наоборот». Одна моя коллега рассказывала, как она впервые работала с индийцами. Объяснив новый материал, она, как и положено преподавателю, задала вопрос: «Вам все понятно?» Индийцы покачали головой. Преподавательница поняла их абсолютно однозначно и начала повторно объяснять тот же материал. Далее — по схеме: «Вам все понятно?» — покачивание головой. И так

повторялось несколько раз. Преподавательница в ужасе, студенты в недоумении. Наконец один, самый смелый студент, набравшись храбрости, сказал, что группа уже давно все поняла и ждет продолжения. Еще один пример. Русские и испанцы «кивают» и «качают» головой с точки зрения значений, выражаемых этими жестами, одинаково. А вот на уровне языковых единиц, в которых зафиксированы эти движения головы, наблюдаются некоторые расхождения. Ср.: русские фразы «Он кивнул головой» и «Он покачал головой». В первом случае очевидно, что человек выразил согласие, а во втором — ответил отказом. Так вот, испанцы в принципе соглашаются и отказываются с помощью жестов так же, как и мы, но в испанском языке выражение, соответствующее нашему «покачать головой», означает «да» (пример О. М. Мунгаловой). Почему это так, объяснить, вероятно, могут специалисты по испанскому языку и в области лингвокультурологии, но мне такие объяснения пока не попадались. Поэтому воспримем как факт следующее: 1) возможны разные жесты, передающие одно значение; 2) один жест может выражать разные значения в разных культурах (в указанных случаях возможно «зеркальное отражение» — вспомним «да» и «нет» у русских и, например, болгар); 3) возможно совпадение на уровне жестов и значений, но фиксация в языках данных жестов может быть различной (см. приведенный пример с русскими и испанцами).

Еще один пример того же рода. Если Вам придется общаться с англичанами, и Вы вдруг увидите, что Ваш собеседник сложил пальцы в комбинацию, известную Вам как «фига», она же «кукиш», не пугайтесь и не принимайте это сразу на свой счет. Дело в том, что для Вашего собеседника этот жест может быть абсолютно асемантическим: это просто удобная «поза» кисти (кстати, в чреве матери у ребенка ручки тоже могут быть сложены подобным обра-

зом). Однако и латиноамериканец не поймет русского, решившего в столь грубой форме продемонстрировать свой отказ. Вернее, поймет, но по-своему. И скорее всего не только не обидится, но, возможно, даже и обрадуется, поскольку для него «фига» (фаллический символ) означает мужскую силу, плодovitость, процветание. Поэтому, кстати, в Латинской Америке зачастую можно встретить различные «побрякушки» (кулоны, брелоки и т. д.), изображающие именно этот жест. Но Боже Вас упаси показать что-либо подобное, например, корейцу. Значение этого жеста для него то же, что и для латиноамериканца, но вот воспринимается «фига» как прямое оскорбление. А теперь давайте суммируем. Один жест — три значения: «нулевое» для англичан и некоторых других северных европейцев; грубый отказ у русских; фаллический символ у латиноамериканцев или корейцев. Последнее значение может оцениваться от абсолютного «плюса» (Латинская Америка) до абсолютного «минуса» (Корея).

Далее, межкультурные различия могут касаться и экспрессивного поведения в различных ситуациях, в частности — в демонстрации эмоций. Например, как свидетельствуют исследования социальных психологов, проведенные в Польше, Венгрии и США, восточные европейцы предпочитают среди «своих» сдерживать негативные эмоции и проявлять позитивные, в то же время для них совершенно уместен и допустим показ негативных эмоций среди «чужих». Американцы же, наоборот, считают более приемлемой демонстрацию гнева, страха или отвращения среди «своих» (перед родственниками и друзьями), нежели среди «чужих» (незнакомых или мало знакомых людей) [Стефаненко, 2000: 164].

А. А. Леонтьев высказывает идею, с которой трудно не согласиться: различные языки различаются не только своей грамматической структурой, но и соотношением

языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Так, в изолирующих языках (китайский, вьетнамский) выражение грамматических значений факультативно и компенсируется именно ситуацией и контекстом.

Этнопсихологи различают высококонтекстные и низкоконтекстные культуры [Стефаненко, 2000:156—161]. Имеется в виду следующее: на что обращается большее внимание — на содержание сообщения, т. е. *что* говорится, или на «контекст» общения, т. е. *как* говорится, *с кем* и *в какой ситуации* происходит общение. С таким разграничением трудно не согласиться, однако, с точки зрения собственно лингвистики, психолингвистики и этнопсихолингвистики, представляется более корректным оперировать несколько другими терминами и говорить, соответственно, о ситуативно обусловленном и контекстно ориентированном общении, с одной стороны, и ситуативно независимом и контекстно свободном общении — с другой. И на данной основе разграничивать и разные культуры. Сделав эту работу, вернемся к исследованиям этнопсихологов.

По этому признаку (в том числе) противопоставляются, например, культуры «индивидуалистические западные» и «коллективистские», к числу которых относятся многие восточные культуры. Например, по свидетельству Г. Триандиса, в американской культуре высоко ценится содержание общения, в дискуссии американцы стремятся сразу точно и четко высказать основную идею и главный аргумент, чтобы спровоцировать интерес к остальной информации. И вместе с тем, американцы в обычной повседневной речи часто обмениваются «ритуальными» вопросами, не предполагающими ответов в истинном смысле этого слова (типа, «*Как дела?*»). Для ситуативно обусловленных и контекстно ориентированных культур характерна значительная неконкретность и неопределенность дискурса,

желание избегать категоричности в речи. Так, японцы стараются избегать прямых вопросов и прямых ответов и всячески уходят в своей речи от использования прямого отрицания «нет». Кроме того, по мнению Триандис, для коллективистских культур характерна и большая дифференциация эмоциональных категорий, проявляющаяся в богатстве языковых средств, служащих для выражения эмоций. Те же японцы, как пишут В. А. Пронников и И. Д. Ладанов, имеют множество названий различных типов улыбок: надменная неопределенная улыбка, профессиональная улыбка, социальная улыбка, изображаемая для соблюдения благопристойности, довольная улыбка чело-века в возрасте и другие. Кроме того, в японской культуре различаются и разные виды смеха (некоторым из которых современные японцы обучаются на специальных курсах) и слова, их обозначающие. Помимо этого, до сих пор в японском языке, как свидетельствуют указанные авторы, сохраняется до десятка форм личного местоимения 2-го лица единственного числа, которые используются при общении с детьми, учениками, слугами.

В разных языках (и, значит, в языковых и когнитивных картинах мира) могут быть различными и доминирующие виды конкретизации в потоке речи. Во многих языках есть тонко дифференцированная система пространственной локализации предметов, действий и отношений. Так, в польском языке³ и в ряде северокавказских языков есть детальная система падежно-локативных значений, точно фиксирующих и выражающих местоположение предметов по отношению друг к другу. Немецкий язык может четко локализовать действие: передать одним глаголом значение «выглядывать отсюда вверх» — *hinaufgucken* (пример А. А. Леонтьева).

³ См. работы М. В. Всеволодовой.

В целом ряде языков (по крайней мере — в романо-германских) есть сложная система времен, включающая в себя простое время (настоящее, прошедшее и будущее), завершённое или продолжённое. Со всевозможными изысканными комбинациями, типа: прошедшее завершённое (предшествующее) продолжённое — *Past Perfect Continuous* (*I had been reading before they came* = До того, как они пришли, я читала.) Справедливости ради надо отметить, что такие конструкции все-таки встречаются не слишком часто, но они есть! В папуасском языке насиои есть 4 прошедших времени, отличающихся от того, к чему привыкли мы, изучая европейские языки. Там есть недавно прошедшее (от вчерашнего заката до настоящего момента), промежуточное прошедшее (один-два дня назад), давнепрошедшее (три дня и более назад) и обычное прошедшее без четкого указания на место на временной шкале (А. А. Леонтьев). Известный океанист А. Кэпелл ввел разграничение языков по «синтаксической доминанте». Соответственно, различаются языки с преобладанием категорий действия и языки с доминированием категорий предметности. Кроме этого, выделяются также языки с «числовой доминанцией», так, например, в папуасском языке кивай точно подсчитывается число субъектов, объектов, повторяемость действий [Capell, 1969].

Ну, а теперь посмотрим, как этнопсихолингвистическая детерминированность языкового сознания влияет на построение дискурса. И для этого проанализируем маленький фрагмент, представленный временными отношениями и их языковым выражением.

И начнем мы с вопроса, которым задавались еще славянофилы: а есть ли категория времени в русском языке вообще? Вы вправе не просто удивиться такой постановке вопроса, но и выразить свое гневное возмущение по этому поводу. И все же. Вот послушайте:

Вчера *подхожу* к своему подъезду. Вдруг *вылетает* на меня огромная псина. Я, конечно, *остановилась, меду*, что *будет*. А она как *прыгнет* на меня! *Поставила* свои лапы мне на плечи и *давай* меня *нализывать*. *Оказалось*, мои друзья всем семейством *приехали*.

Нормальный текст? На мой взгляд, вполне. А теперь посмотрим на формы глаголов: *подхожу, вылетает, остановилась, жду, будет, прыгнет, давай нализывать, оказалось, приехали* — настоящее время, настоящее, прошедшее, настоящее, будущее, будущее, императив, прошедшее, прошедшее. И все в пределах шести предложений, в пределах одного (!) связного и цельного текста, повествующего об одном (!) событии, имевшем место в прошлом. При этом первые два слова — *вчера подхожу*. Ну, и как Ваша уверенность в отношении категории времени? Не поколебалась?

В принципе, здесь все, конечно, не так просто. Во-первых, у нас (в отличие от многих других языков) видо-временная система, а что такое русские виды и какой это «подарок» для любого иностранца, Вы уже, очевидно, знаете. Во-вторых, для нас (особенно в нарративе) характерно приближать ситуацию из прошлого к моменту «здесь» и «сейчас» для создания эффекта непосредственного присутствия. Но ведь все это *позволяет* делать наш язык! И еще вопрос: можем мы это, потому что язык разрешает, или язык наш таков, потому что мы это делаем? Опять все та же теория лингвистической относительности!

Среди характерных черт, которые обуславливают национально-культурную специфику коммуникации, есть и такие, которые не несут смысловой нагрузки. В первую очередь к ним следует отнести просодические особенности национального дискурса и некоторые другие.

Темп речи — высокий, например, у англичан или испанцев. Тембр голоса: иностранный голос — это не из области ненаучной фантастики, а уже давно доказанный факт (посмотрите работы В. В. Кулешова, посвященные просодии английского языка). Способ заполнения пауз: русские будут тянуть невинное «э-э-э», в то время как англичане или американцы скажут не менее нечленораздельное «а-ат». Способ разложения слова при необходимости продиктовать, например, его правильное написание. Так, носитель английского языка сделает это по буквам, т. е. произнесет так, как буквы читаются в алфавите. Например, *a* — «эй», *l* — «ай», *z* — «а» и т. д. Английская «машина» при этом будет звучать так: «си-эй-а», она же *car*. А русский для этих целей использует репертуар имен собственных, и «мир», например, будет звучать, как «Михаил — Ирина — Раиса» (при этом набор используемых имен зависит от фантазии, говорящего).

В принципе к таким же, казалось бы, асемантическим аспектам следовало бы отнести и способ написания слов. Однако, как показывают мои наблюдения, «эксперименты» американцев, а именно они в основном развлекаются с орфографией, пытаюсь хоть как-то упорядочить тот «хаос», который царит в английском «спеллинге», вызывают у англоговорящих не-американцев не слишком скрываемое пренебрежение. Иначе говоря, будучи асемантическими, эти феномены, безусловно, аксиологичны. Например, высоколбые интеллектуалы не-американцы морщатся, когда видят «*How R U?*» (< how are you? = Как дела?), или фразу из американской комедии «Полицейская академия», которую один из персонажей пишет на доске: «*U R here 2 obey*» (< you are here to obey = вы здесь для того, чтобы подчиняться), или надпись на машинах (кстати, не только американских, но и японских «джипах») *4WD* (< forward = вперед, впереди идущий).

Таким образом, мы должны четко отдавать себе отчет в том, что этнопсихолингвистическая и лингвокультурологическая детерминированность дискурса может проявлять себя буквально во всем: от экстралингвистических условий коммуникации (в первую очередь — проксемика) до стратегий и тактик общения, от паралингвистических компонентов коммуникативного акта (мимика, жесты) до построения порождаемого текста, от способов написания или разложения слов до использования языковых средств, являющихся «эквивалентными» в различных языках (например, «ты» и «Вы» в русском, немецком, французском, испанском, шведском языках: когда, кому, в каких ситуациях что говорить — вечная головная боль для иностранцев и вечная опасность попасть впросак, а то и просто обидеть собеседника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнопсихолингвистические очерки). М., 1985.
Серия «Внимание: иностранцы!» М., 1999—2000.
Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000.
Capella. A Survey of Guinea Languages. Sydney, 1969.
Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // *Ogden C. K. & Richards I. A.* The Meaning of Meaning. London, 1960.
Triandis H. C Culture and Social Behavior. NY, 1994.

ЛЕКЦИЯ 13

Коды культуры и метрически-эталонная сфера

коды КУЛЬТУРЫ Сегодня мы с Вами вступаем в завершающую фазу и выходим на финишную прямую нашего курса. И завершать мы его будем несколько парадоксальным образом: открывая новую большую тему. Но на самом деле ничего парадоксального в этом нет, так как тот разговор, к которому мы приступаем сегодня, будет продолжен в последующих лекционных курсах, которые будут посвящены русскому ментально-лингвальному комплексу в синхронии и диахронии, проблемам

«бикультурного перевода» и интерпретативному переводоведению, а также собственно проблемам теории и практики межкультурной коммуникации. Сегодня мы

поговорим о культурном пространстве, о фиксации некоторых основных фрагментов его в языке. О тех фрагментах, которые относятся к глубинному слою русского культурного пространства.

Мы начинаем разговор очень сложный и очень важный для понимания того, что же есть культура для каждого конкретного человека, как она хранится в его сознании, как фиксируется в языке и языковом сознании, как проявляется в поведении человека, в том числе в коммуникативном и речевом, как «реализуется» в дискурсе, обуславливая национально-культурную специфику послед-

него. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлектируется самим представителем той или иной культуры. Все это создает дополнительные трудности при исследовании и описании базового культурного пласта, который является неотъемлемой частью структуры любого человека говорящего.

А начнем мы вот с чего. Попробуем прежде всего понять и определить такое понятие, как *код культуры*. И посмотреть, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе.

Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют».

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой. Очевидно, можно, хотя и очень осторожно, говорить о том, что условно универсальный характер носят также и некоторые базовые метафоры. Я имею в виду не конкретные метафоры, а некоторый тип, например, антропоморфные соматические метафоры, используемые для структурирования и описания окружающего мира¹. Однако подчеркну еще раз, что в данном случае можно говорить только об «условно», гипотетически возможных универсалиях, поскольку для более категоричного утверждения необходимы широкие моно- и межкультурные исследования.

¹ См., напр., *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By*. Chicago, 1990.

Рассуждая о кодах культуры, мы должны иметь в виду, что исследователи говорят о различных кодах, таких, например, как анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, пищевой, аксиональный и т. д. Более подробно с кодами культуры и, в частности, с кодами русской культуры и их проявлениями Вы познакомитесь в следующем лекционном курсе. Сейчас же мы с Вами очень коротко поговорим лишь о некоторых кодах — о тех кодах, которые являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры, о тех кодах, в которых фиксированы наивные представления о мироздании. Таких кодов, на мой взгляд, по определению не может быть много. Мы с Вами выделим и будем иметь в виду следующие коды культуры:

1. соматический (телесный);
2. пространственный;
3. временной;
4. предметный;
5. биоморфный;
6. духовный.

Почему соматический код стоит на первом месте? Потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в сома-

тическом коде культуры). Через окультуривание и осознание окружающего мира человек вернулся к описанию самого себя, «применяя», «примеряя» и «накладывая» на себя знания об окружающем мире.

Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультуривания человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный, пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив. Как мы с Вами увидим чуть позже, соматический код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные. В сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит свое отражение и в языке. Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом, род, семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код «проникает» в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая — с другой, а социальные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, первичен по отношению к нему.

В целом можно сказать, что существуют три основных объекта познания и описания, принадлежащие миру Действительность: 1) сам человек, 2) окружающий мир (пространство и заполняющие его предметы — в самом широком смысле), 3) время. Две небольших оговорки. Во-первых, познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей. Во-вторых, осознание времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга.

Рассмотрим указанные коды культуры чуть более подробно.

Итак, *соматический (телесный) код*. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли *символа человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова (считать по головам; ну, ты голова!)*, *плечи (на ее плечах лежала большая ответственность)*, *рука (не хватает рабочих рук; мастер — золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта)*. Отмечу, что *рука* может выполнять функцию символа не только человека, но и *символа власти (взять ремень в свои руки, держать в руках весь город), обладания (иметь в руках, получить на руки), инструмента (ручная работа)* и др.

Пространственный код связан с членением пространства. Собственно пространственный код трудно развести с соматическим кодом культуры в той части, которая касается устройства мира, поскольку многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код, свидетельствуя об определенном членении пространства. Посмотрим, как же соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Приведу всего несколько примеров.

Под рукой — в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (*это всегда должно быть под рукой*).

Рукou подать — недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного

фильма: *Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой*).

В двух шагах — близко, рядом; предметы расположены недалеко друг от друга (*остановка в двух шагах от дома; они живут от нас в двух шагах*).

А теперь рассмотрим пространственную модель мира, созданную человеком, т. е. попытаемся разобраться в том, как выглядит окультуренное человеком пространство. Следует отметить, что окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе происходит, очевидно, параллельно с осознанием категорий «свой — чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой».

Общая структуризация мира может быть представлена следующим образом:

1. *внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, так как универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека;
2. фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*;
3. фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как *близкий, свой, родной*;
4. фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*.

Внутренний мир располагается внутри телесной оболочки, представляет собой вместилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т. д. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце* и *душа* как локус чувств (*в сердце за-*

236

кралась тревога, в душе шевельнулась жалость, скрепя сердце, камень на сердце, на душе, в глубине души) и *голова* как локус мыслей (*в голову пришла мысль, держать информацию в голове, выскочило из головы*).

Личную зону очерчивают руки человека (см.: *под рукой, рукой подать*). Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Таким образом, эта зона образует некий полукруг-овал: от боков и вперед. То, что находится за спиной человека, ему уже не принадлежит. Эта сфера находится вне зоны видимости, вне достижимости, вне зоны сознательного тактильного или визуального контакта. И раз она невидима и недостижима, то она неведома, непонятна и опасна. Здесь идет пересечение с миром чужих, миром мертвых. Кроме того, эти пространственные отношения, как мы увидим, переносятся и на отношения временные.

Важным мерилom мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* — минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир. Это не так просто, как кажется, отсюда и возможность существования таких единиц, как *решиться на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т. д.

Свой, близкий, родной мир — исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Чужой мир находится, как правило, далеко, *за тридцать земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах*.

О родной земле и о чужой стороне (стране), о мире живых и о мире мертвых, о границах между мирами, о проявлении базовой оппозиции «свой — чужой», соотносимой с архетипом, с Вами более подробно будут говорить

237

в курсе, посвященном русскому ментально-лингвальному комплексу. Сейчас же я выскажу самую общую идею, подчерпнутую мною из работ В. Я. Проппа: мир чужих, мир мертвых, тридевятое, «иное» царство в русской волшебной сказке «может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали». Но все-таки в русском пространстве доминантным, на мой взгляд, будет расположение по горизонтальной оси: мир чужих находится «за морем-океаном», «за лесами, за долами, за высокими горами». Отсюда и одна из базовых оппозиций: «родная земля — чужая сторона (страна)». Об этом же свидетельствуют и границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали. Интересно, что «чистое поле», непременным условием которого является гибель и в котором действует былинный герой, противопоставлено высоким и темным лесам и горам. «Чистое поле» — промежуточный мир, в пределах которого герой и его противники равны перед друг другом и перед судьбой, это пограничная полоса, рубеж. Лес же — самая ближняя грань чужого мира. Известный историк XIX века И. Забелин говорил о разных характерах лесного человека и полянина. Основным девизом лесной жизни можно признать пословицу «Десять раз отмерь — один отрежь», полевой жизни — «Либо пан, либо пропал». Лесной человек — осторожный хозяин, политик, который умеет ладить со всеми и создает государство как политический союз. Полянин — удалой воин, стремительный в схватке, неоглядно храбрый, вольный, он не любит оков совместного житья, общества, мира, государства (В. В. Колесов). Разговор об этом можно было бы продолжать, и он будет продолжен в следующем лекционном курсе. Сейчас же мы остановимся на сказанном и повторим основное: русское простран-238

ство строится в основном по горизонтали, и членение на «свой мир — чужой мир» располагается в первую очередь на горизонтальной оси. В этой связи весьма интересными являются противопоставления «земля — страна», «свет — мир», «этот свет — тот свет».

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх — низ». По свидетельству В. В. Колесова, к началу древнерусской эпохи, к X веку, уже существовало в основном разработанное представление о вертикальном пространстве дома — от чердака до подвала, т. е. уже была некоторым образом на материале места обитания «овеществлена» оппозиция «верх — низ». Но эта оппозиция оказывается релевантной и для человека. В качестве примера приведу идиому *с головы до ног* (оглядеть, вооружить; испачкаться; одарить). Что мы можем получить, проанализировав данную единицу с точки зрения лингвокультурологического подхода? Во-первых, образ данной идиомы соотносится с архетипическим представлением человека в его вертикальном измерении и противопоставлением «верх — низ». Во-вторых, целостное восприятие в данном случае построено на древнейшем методическом приеме: человек в его целостном виде или состоянии измеряется неотъемлемыми его частями, которые для человека служат эталонами, т. е. мерой его вертикального измерения. Крайние точки этой шкалы могут быть представлены как *голова, макушка*, с одной стороны, и, с другой — *ноги, обувь, каблуки* или — как более точное определение нижней точки, точки непосредственного соприкосновения человеческого тела с землей — *пята (пятка)*. Другие единицы, изначально связанные с этим образом, типа *поставить, перевернуть с ног на голову*, свидетельствуют о принципиальной возможности экстраполировать представления о человеке на предметы внешнего мира (*они перевернули все в доме с ног на голову; с ним*

невозможно разговаривать: он вечно все переворачивает и ставит с ног на голову).

Как мы уже с Вами говорили, пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с кодом временным. Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обуславливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т. е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): *со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы* и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время — с помощью единиц пространственной сферы: *в двух минутах отсюда, в трех часах езды; в шаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы. Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени.*

Современные русские движутся по временной оси лицом вперед, что закреплено в языке: то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу*, принадлежит будущему (*за спиной опыт прошлых лет, годы учебы остались за плечами; на носу экзамены*). Это подтверждают и соответствующие жесты из языка глухих: показывая себе за спину (за плечо), человек относит описываемые события к прошлому, выражая тем самым грамматическую категорию времени или передавая значение «раньше», 240

жест, когда при сжатом кулаке отставленный большой палец показывает за плечо назад, означает «вчера». А как мы воспринимаем время? Как членим его? Первое, что нужно отметить, это то, что мы можем делать со временем разные, в том числе и весьма неприятные, вещи: мы можем его *тратить, проигрывать и выигрывать, терять и находить, тянуть и подгонять*, вообще *не уважать, не считаться* с ним и даже *убивать* (отсюда и *битый час*). Время для нас может быть недискретным: выступает просто как *время*, возможно в паре с *пора*: *время от времени, до поры до времени*. Но вместе с тем, время для нас и дискретно: в нем выделяются отдельные единицы измерения — от входящих в единую систему единиц измерения времени (начнем, например, так: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда* и далее — *десятые, сотые* и т. д.) до достаточно «субъективных» единиц, обозначающих либо минимальные (*миг, мгновенье*), либо максимальные промежутки времени (*век, вечность*).

Если мы говорим о «бытии» человека (как в мире Действительное, так и в мире Идеальное), то для нас окажется важным противопоставление мира, для которого релевантно реальное время, и мира «вневременного». Это противопоставление категоризуется и проявляется, в частности, в оппозиции «век — вечность». Вот об этом мы сейчас с Вами и поговорим.

Но сначала одна цитата: «В древней Руси разделяли "временные формы на те, которые выражают *бытие*, и те, которые выражают *предбытие*... Если выразить эти мысли современной терминологией, то... формы перфекта и будущего времени выражают действие, ограниченное во времени, в то время как формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе времени, и поэтому они одни способны выражать действия, имеющие по теоретическим пред-

ставлениям христианской религии атрибут вечности"². [...] Латинствующие не различали в своей литературной практике "бытия" и "предбытия", б р е н н о с т и и в е ч н о с т и » (А. М. Панченко) (разрядка моя. — В. К.).

Ну, теперь вернемся к паре «век — вечность».

В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере *век* относится к временной сфере, являясь единицей точного измерения времени (*100 лет, столетие*, отсюда — *прошлый век, XXI век*). Поскольку этот период, как правило, превышает продолжительность жизни человека, век может обозначать период, объективно продолжительный, соотносимый с эпохой (*каменный век, Серебряный век*) или субъективно воспринимаемый как долгий (*Сколько можно тебя ждать? Я уже целый век здесь торчу!*). По данным АТРЯ, век ассоциируется с прошлым и старостью (*мудрый, седой*).

По В. Н. Лосскому, мир в христианстве тварен (создан, сотворен Богом), т. е. имеет начало (и будет иметь конец). Век воспринимается как категория «тварного» (сотворенного) мира, связанная как с бытием самого мира, так и с жизнью человека (*на весь век хватит, на мой век хватит, повидал на своем веку, век бы его не видеть*). Будучи связан с человеком, бытием, тварным миром, век ограничен, он имеет начало и конец, ср.: *во веки веков* — во все время бытия мира, от его начала до его конца; *до скончания века* — до конца мира; *отныне и до века* — с этого мгновения и до конца мира (все эти выражения пришли из церковного дискурса и связаны с тварным миром). «Отправная точка» века — момент создания мира, начало его бытия (отсюда *от века* — *изначально*).

² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116—117.

Таким образом, в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой — бесконечен (смыкается с вечностью).

Вечность также относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени. Изначально восходя к веку, вечность, по данным АТРЯ, обозначает то, что 1) есть после века (жизни), за пределами века; связана с *душой, духом, с памятью и забвением*, с противопоставлением *бытия, жизни и смерти, бессмертия*; 2) находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца, с *бесконечностью, неизмеримостью, с космосом, вселенной и звездами, с небом, Богом, чем-то неземным*; связана с противопоставлением *мира и пустоты*. Век нейтрален, вечность (за пределами «ареала» человека) аксиологична: может быть пугающей (ассоциируется с *мраком, опасностью, пустотой, горем*; может быть *страшной, туманной*), но, будучи связанной с Богом, она также может восприниматься возвышенно-позитивно (ассоциируется с *раем, истиной, счастьем, святостью*).

Восходя к библейскому дискурсу, вечность понимается в христианстве двояко: 1) как вечность сотворенного (тварного) мира, который имеет начало и будет иметь конец, здесь вечность выступает синонимом века; 2) как вечность Бога.

Отмечу, что во фразеологизмах, связанных с веком и вечностью отражено древнейшее представление о непосредственной связи пространства и времени. Так, во внутренней форме фразеологизма *от века* век в сочетании с предлогом *от* предстает как точка отсчета, отправная точка движения, в том числе и движения по временной оси. В образе указанного фразеологизма данное представле-

ние погружено в пространственный контекст (ср.: *навекы, на века, извечный*). Внутренняя форма фразеологизма *навекы вечные* содержит противопоставление и сочленение тварного и Божественного. Будучи погруженным в пространственный контекст, данное представление в сочетании с предлогом *на* указывает на продвижение вперед по оси времени.

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы, мы нашли подтверждения высказанному ранее положению: мы движемся по оси времени лицом вперед и время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры — относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

Так, например, в русском языковом сознании *капля, капелька* — один из эталонов метрической сферы, самое малое количество чего-либо, соотносимого с жидкостью или жидкими субстанциями: *вода, море, озеро, океан, дождь — ливень — лужа, роса; кровь; вино, водка (АТРЯ)*, ассоциируемая с такими единицами, как *крошка, малая часть, мизер, чуть-чуть (АТРЯ)*. Отсюда и *до (последней) капли*, и *капля в море*. Существует древнейшее представление о чувствах, свойствах, времени как о чем-то жидком, текучем: чувство может переполнить человека (*последняя капля переполнила чашу терпения*), может не остаться ни капли чувства (*Но Вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня...* А. С. Пушкин, Евгений Онегин). Соответственно, в окультуренной человеком метрически-эталонной сфере капля — один из визуально освоенных универсальных архетипов сознания, имеющих принципиальное значение для принятия реше-

ния о наличии/отсутствии чувства или свойства: если осталась хоть капля какого-либо чувства (любви, жалости, страха), то есть и само чувство. Если в теле есть хоть капля крови, человек жив, поэтому и полное самопожертвование заключается в том, что человек отдает себя всего, без остатка, *до последней капли крови: Если играют в «ЧГК» [Что? Где? Когда?] — это должно быть достойно. Надо держать марку, класс, уровень. Либо играйте в интеллектуальные игры под другим названием. Мне подделки не нужны. Сейчас, после смерти Ворошилова, я буду за это биться до последней капли крови.* МК, 2001.

Как мы уже с Вами говорили, предметный код тесно связан с духовным кодом, в частности, через социальные отношения. Очень коротко покажу это на одном примере — на примере понятия *дом*. Сразу оговорюсь, что в данном случае я опираюсь на материалы словаря «Славянские древности» и исследования В. В. Колесова.

В родовом быту, как пишет Колесов, дом — это населяющие его люди. Позднее, в Древней Руси главным в образе *дома* было представление о хозяйстве, т. е. имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода. В основе такого народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. В более позднее время дом — это здание, в котором скрываются люди, имущество, сама жизнь. Ср.: у В. И. Даля дом — родной кров, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами. Таким образом, *дом* изначально так или иначе был связан с людьми, в нем обитающими.

Кроме того, понятие дома имеет принципиально важное значение и для оппозиции «свой — чужой». Дом — это место, где «свои». У современных русских сохранились не всегда осознаваемые и объяснимые рефлексы древней-

ших представлений, связанных с домом. И сохранились они в некоторых стереотипах поведения: так, например, нельзя через порог здороваться или что-то передавать. Спросите у русского почему? Я не уверена, что все Вам легко ответят на этот вопрос. Скорее всего ответ будет: «Не принято». А почему не принято? А потому, что границы дома воспринимаются как граница между миром «своих» и миром «чужих». И не надо «нарушать» эту границу «всуе», поскольку преодоление этой границы, по народным представлениям, опасно для человека и требует особой регламентации и предупредительных мер. Кроме того, дверь и, прежде всего, порог — это объект и место магических действий, прежде всего — защитных. Отсюда и предметы-обереги, которые втыкаются или вешаются над дверью со стороны улицы (обломки серпов и кос, подковы и др.), и охранительные знаки, которые рисуются там же. Отсюда и неприятие некоторых действий, связанных с выходом за границы дома: *выносить сор из избы*, *уходить на ночь глядя* (в последнем случае, как показывают исследования И. В. Захаренко, работают еще и представления о ночи, также связанные с оппозицией «свой — чужой») и др. Но, как пишет Колесов, дом — это не всегда последняя черта, за которой начинаются «чужое»: родные в дому, близкие (дружины) во дворе. Двор — часть «большого дома» (хором). И если дверь — выход из дома во двор (относится к границе жилого пространства), то ворота — выход в мир (относится к границе между миром «своих» и миром «чужих»). Двор, имеющий ограду или хотя бы условное обозначение границы, защищает дом от вредных внешних сил. Но вместе с тем двор примыкает к внешнему, «чужому» миру, представляет собой пространство, в котором может стираться граница между «своим» и «чужим» мирами, а потому может быть опасным для живущих в доме, особенно в определенное время и в некото-

рые календарные периоды. Со временем представление о «своих» из дома «вышло» во двор, а затем — и за пределы двора. Важным для нас оказывается то, что «конкретность славянского мировосприятия не делала разницы между разными степенями отвлеченности в представлениях «дома» как совокупности зданий и как населяющих здания лиц» (В. В. Колесов).

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами.

Как биоморфный код культуры бытует в языковом сознании и проявляется в языке и дискурсе? Рассмотрим несколько конкретных зооморфных примеров: *баран (овца)*, *ворона*, *змея*, *лошадь*.

Баран (овца). В русских сказках эти животные практически не встречается. Согласно Библейским текстам, уход за овцами считался самым древним и самым почетным занятием (Исх. 3: 1; I Цар. 16: И). В Новом Завете слово «пастырь» означает собственно Иисуса Христа, впоследствии этим словом стали называться служители Евангелия, а пасомые ими — словесным стадом. В Библии также упоминаются, нередко иносказательно, отличительные черты овцы: боязливость, кротость и беспомощность отставших от стада овец и опасность, окружающая таких животных (И Пар. 18:16; Пс. 118:176; Ис. 11: 6;8:6,7; Мих. 5: 8; Мф. 9: 36).

У современных русских бытует представление о баране (овце) как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе. При этом баран отличается особым («тупым») упрямством, а для овцы харак-

терны беззащитность и полное отсутствие способности постоять за себя: это существо безобидно-глупое, представляющее собой легкую добычу (беспомощность перед лицом врага, незлобивость наиболее полно проявляются в образе ягненка).

Как же проявляется этот стереотип в дискурсе? Например, русские могут апеллировать к образу барана или овцы, когда говорят о человеке 1) очень глупом, «тупом» (— *Только мне не хотелось бы, чтобы о нашем разговоре узнали сэр Гай и господин судья!.. — Эти бараны? Да у них хватает ума только на то, чтобы не пронести ложку мимо рта!..* Л. Филатов, Большая любовь Робин Гуда); 2) покорном судьбе, не сопротивляющемся обстоятельствам (*Он говорит, что на год, на два надо куда-нибудь уехать из больших городов... А то нельзя же погибать так покорно, по-бараньи.* Б. Пастернак, Доктор Живаго). Кроме того, в русском языке существуют выражения, связанные с этим образом: *заблудшая овца (овечка); (смотреть) как баран на новые ворота; паршивая овца (все стадо портит).*

Ворона. В народных представлениях *ворона* и *ворон* зачастую объединяются в один образ и предстают как нечистые (дьявольские, проклятые) и зловещие птицы, связанные с миром мертвых. Эти птицы, имеющие черную (темную) окраску, противопоставлены птицам белым (чистым и святым, особенно голубю, освященному христианской традицией).

В фольклоре и авторских баснях эта птица предстает в комическом виде: она глупа, хвастлива, тщеславна, падка на лесть (см., например, басню «Ворона и лисица» Н. А. Крылова). У русских бытует представление о вороне как о птице глупой, неуклюжей, неряшливой и в то же время хищной и агрессивной. Вороны — шумные птицы, они часто сбиваются в стаи. Существует поверье, что они каркают к дождю.

Современные русские могут назвать «вороной» человека невнимательного, нерасторопного (синонимами выступают *растяпа, разиня*): *Да ты набирай воду, не сумлевайся. Только на пол не лей, ворона. Видишь, порог заплескал.* Б. Пастернак, Доктор Живаго. Существуют слова и выражения, связанные с образом вороны, например: *белая ворона, считать (ловить) ворон, проворонить.*

Змея. Это один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея — неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала (*Жена да муж — змея да уж,* В. И. Даль); она ядовита и целебна. Змея — и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии змея выступает как олицетворение сатаны (Быт. 3:1 и след., II Кор. 11: 3, Откр. 12: 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. 10: 16), злобой (Мф. 23: 33), свирепостью (Пс. 57: 5; Притч. 23: 32) и коварством (Быт. 49: 17). Но в то же время отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

О каком стереотипе змеи у современных русских можно говорить? Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о ее необыкновенной живучести: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (она периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык — *жалю* (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение. Под влиянием христианства змея приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и

опасна, может нанести неожиданный удар *{пригрел змею на своей груди, змея подкодная}*. Иногда змее приписывается мудрость *{И жало мудрой змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой, А. С. Пушкин}*.

Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике: 1) коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого *{Подозреваемую в убийстве... — повторила про себя женщина. — Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта змеюка и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится...}* (АиФ, 2001,); 2) человека по его отношению к окружающему миру *{не язык, а змеиное жало}*; 3) человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змеи *{ну, зашипела, [как] змея}*; 4) предмета, чувства, эмоции, уподобляемых змее, или ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи *{И в сердце ее холодной скользкой змейкой заползла тревога. М. Юденич, Стремление убивать}*. В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеей, например: *змея подкодная, зеленый змий, змей (змий)-искуситель, мудрый змий, пригреть змею на груди. Лошадь (конь)*. Это одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу чего воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет. В сказках конь часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (например, Сивка-Бурка). Может представать как вешее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пско-250

ве, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Он может нести смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя («Повесть временных лет»; «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник — герой или святой — выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змие»). Конь белый или огненный — атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу, соответственно, гром — топот копыт и ржание коней. Всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей (Откр. 6: 2—8). Конь может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конек на крыше деревянного дома; см. также песню А. Розенбаума «Серый в яблоках конь»). От прежних магических представлений, связанных с конем и лошадью, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу.

Стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это — грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически — *конский хвост*). Конь (лошадь) и особенно жеребенок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично волу). Лошадь (конь) издает особые звуки — ржание *{ржать как лошадь}*. У этого животного крупные зубы (отсюда *лошадина улыбка, лошадина физиономия*).

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически *{лошадь, кобыла}*; 2) человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади *{лошадина физиономия}*; 3) человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу жеребенка) *{Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой жеребенка}*.

Садясь за парту, она сдвигала ее так, что Яся слегка подпрыгивала своей легкой головкой. Л. Улицкая, Сонечка). В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с образом лошади, коня, например: *быть на коне, въезжать I въехать на белом коне, жеребец, ломовая лошадь, лошадиная доза, лошадиная сила, работать (пахать) как лошадь, рабочая лошадка, (старая) кляча, темная лошадка.*

В целом можно утверждать, что зооморфный мир дал нам определенную, очень богатую систему эталонов: *осел* — упрямый, *баран* — упрямый и глупый, *курица* — глупая, *овца* — покорная и глупая, *лиса* — хитрая, *змея* — коварная, *бык* — здоровый и сильный, *медведь* — неуклюжий и сильный, *волк* — хищный, голодный, одиночка, *крыса* — отвратительная, опасная, *паук* — противный, кровосос, *муха* — надоедливая, *рыба* — молчаливая, холодная и т. д. и т. п.

Подобным образом «ведут себя» и представители растительного мира. Посмотрите, какое место в русской (и шире — в славянской) культуре занимает, например, *дуб*. В традиционной культуре славян дуб — самое почитаемое дерево, занимающее первое (во всех смыслах) место в славянском дендрарии (*Царь Дуб*), одно из самых значимых в культуре (не случайно, кстати, у А. С. Пушкина, воспитанного Ариной Родионовной на русских сказках, «у Лукоморья» именно «дуб зеленый», а не какое-то другое дерево). Дуб с древнейших времен воспринимался культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение этого запрета грозило серьезными неприятностями и несчастьями не только самому «злоумышленнику», но и вообще всем живущим поблизости. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей (ведьм, русалок — вспомним Пушкина: 252

салка на ветвях сидит» на дубе у Лукоморья), пограничем между миром «своих», миром живых и миром «чужим», миром потусторонним. Но в первую очередь дуб связан с богом-громовежцем (Перуном). В фольклоре дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. Дуб, стоящий, например, на острове, на горе, посреди океана, обозначает центр мира, сам мир и идеальный иномир. Рядом с дубом или на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а в его корнях или на листьях лежит змея. Сам дуб соотносится с верхним миром, ему приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и смертью (см. *дать дуба, гроб дубовый*). Отсюда и широкое использование дуба в похоронных обрядах, и ряд запретов (например, запрет сажать дубы, что связано с представлением о том, что дуб, сравнившись по высоте с человеком, забирает его силы и в конце концов приводит его к смерти). Дуб связан с мужской символикой, выступая символом мужского начала (в то время как береза — женского). Помимо этого дуб символизирует силу и крепость (в свое время считался едва ли не самым крепким деревом). Правда, твердость и негибкость этого дерева сыграли с ним злую шутку: сегодня «дубом» русские называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза, ива, верба. Из этого «древесного мира» мы тоже получили некоторые эталоны (например, *крепкий как дуб, молодой дубок, стройная как березка*). Не меньшее значение имеют и травы и цветы: и обжигающая *крапива*, и *роза*, нежная и колючая, и *ромашка* (девочка-ромашка), и *василек* (васильковый цвет), и мак (маков цвет), и другие.

Бестиарии принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора и входят в действительность, являясь

неотъемлемыми элементами культурного пространства. Подобно представителям мира флоры и фауны, бестиарии не только бытуют в культуре как персонажи и/или элементы фольклора, но и обладают стереотипами, что делает возможным апеллирование к их образом в дискурсе. Приведу несколько примеров.

Домовой — один из древнейших мифологических персонажей. Это домашний дух, хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Исторически он связан с домашним скотом (лошадьми, коровами и т. д.), он может «обеспечивать» его благополучие, здоровье и плодovitость, а может и мучить животных, если они ему чем-то не нравятся. У домового, который, как правило, является мужским образом, могут быть и парные женские образы: или жена и дочь, или самостоятельная хозяйка дома.

Домовой — старик, небольшого роста, с бородой. Существует поверье, что в богатом доме домовый лохматый, а в бедном — лысый. У домового ладони и подошвы покрыты шерстью. Бытует представление, что домовый есть в каждом доме, причем даже в современном доме, в городской квартире.

Обычно домовый невидим. Он показывается как предвестник будущего: может предупреждать об опасности, отводить беду от дома. Как правило, появляется во сне или при гаданиях. Если предвещает добро, он смеется, гладит лохматой или теплой рукой, если же он предупреждает о чем-то плохом, то воет, стучит, хлопает дверями, гладит холодной или голой рукой.

Домовой изначально не враждебен человеку и не представляет опасности для живущих в доме. Если он любит семью, с которой он живет в одном доме, он помогает по хозяйству, заботится о животных, предупреждает об опасностях и охраняет дом. Но если его рассердить, то он мо-

жет и вредить (например, бить посуду, прятать вещи, шуметь и т. д.). Чтобы не ссориться с домовым, нужно соблюдать определенные запреты и предписания (например, членам семьи нельзя ругаться и ссориться, нельзя занимать его любимое место и т. д.). Хорошо делать ему подарки и подношения (например, молоко, конфеты).

С домовым связаны некоторые ритуалы и стереотипы поведения. Например, если в доме потерялась какая-то вещь, нужно сказать: «*Сам, сам, поиграй да отдай*». Считается, что после этого потерянная вещь находится сама собой. До сих пор, переезжая в новый дом или новую квартиру, русские первой в новое жилье запускают кошку. По поверьям, именно кошка связана с домовым: она легко находит с ним общий язык, и именно на кошке он въезжает в новое жилище. Кстати, домовый не может покинуть свой старый дом без приглашения, поэтому, когда семья меняет место жительства, она должна позвать с собой и своего домового, иначе он, оставленный в старом доме, будет плакать и мстить новому хозяину дома, а семью, которая не позвала домового, ждут всякие несчастья. Есть и еще одна традиция: когда начинают строить новый дом, то в основание дома, в его фундамент кладут монетку как своеобразный подарок домовому, который в этом доме будет жить.

Современные русские вспоминают домового, если в доме неожиданно «пропадают» какие-то мелкие предметы или раздаются странные звуки. Например, при рассказе о загадочно исчезнувших вещах русский может сказать: «*Домовой шалит*».

Кикимора — женский мифологический персонаж. Она приносит вред, ущерб и мелкие неприятности. Согласно изначальным представлениям, кикимора живет в доме (как и домовый). Как правило, она делает мелкие пакости: бьет посуду, мешает спать, путает нитки. Но для современного

русского кикимора — жительница болот (*кикимора болотная*).

Для русских кикимора — маленькая, скрюченная немолодая женщина или старушка, неопрятная, уродливая, растрепанная, худая и остроногая. Одеята она, как правило, очень неаккуратно, в лохмотья. Может издавать различные звуки: кричит, хохочет, пищит. Живя на болоте, она, подобно лешему, пугает путников.

Современные русские могут назвать «кикиморой» женщину неопрятную, некрасивую, необаятельную и, как правило, худую. При этом может предполагаться, что это женщина способна и на мелкие пакости. Подобная характеристика является, безусловно, негативной. Кроме этого, русские могут вспоминать кикимору, описывая неожиданно появившийся и/или пугающий и не слишком приятный объект (человека, предмет, чувство и т. д.): *Усталая женщина смежила веки, погасив тем самым божественные светильники. Все замерло на последней возвышенной ноте. Мужчина мог быть доволен собой. [...] А вот тут наконец и проклонулся, высунул свою голову долг, будто болотная кикимора. Напомнил, зачем здесь находится старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, если он сам об этом забыл.* Ф. Незнанский, Ищите женщину!

И наконец, последний из нашего списка код культуры, на который фактически «работают» все коды, рассмотренные нами только что, — *духовный код культуры*. Его составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро — зло», «хорошо — плохо», «плюс — минус», «верх — низ». Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру. Думаю, что этот код будет осо-

бо обсуждаться в следующем лекционном курсе и в курсе теории и практики межкультурной коммуникации. В связи с этим я позволю себе не останавливаться на этом коде сколь-нибудь подробно.

И завершая наш сегодняшний разговор, замечу, что *коды культуры* образуют систему координат, которая содержит и задает *эталоны культуры*. Надеюсь, что приведенные в лекции (хотя и не слишком многочисленные) примеры смогли это некоторым образом проиллюстрировать. И кроме того, Вы уже, очевидно, обратили внимание, что все коды культуры: и *соматический*, и *пространственный*, и *временной*, и *биоморфный*, и *духовный* — задают и предопределяют *метрически-эталонную сферу*, участвующую в структурировании и оценке материального мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Библейская энциклопедия. М., 1891 (репринт— 1990).
- Бидерман Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
- Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000.
- Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Полный православный энциклопедический словарь. В 2-х тт. М., 1891 (репринт— 1990).
- Пропи В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
- Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.